

СЕМЬЯ И ШКОЛА

журнал для родителей 5.1974

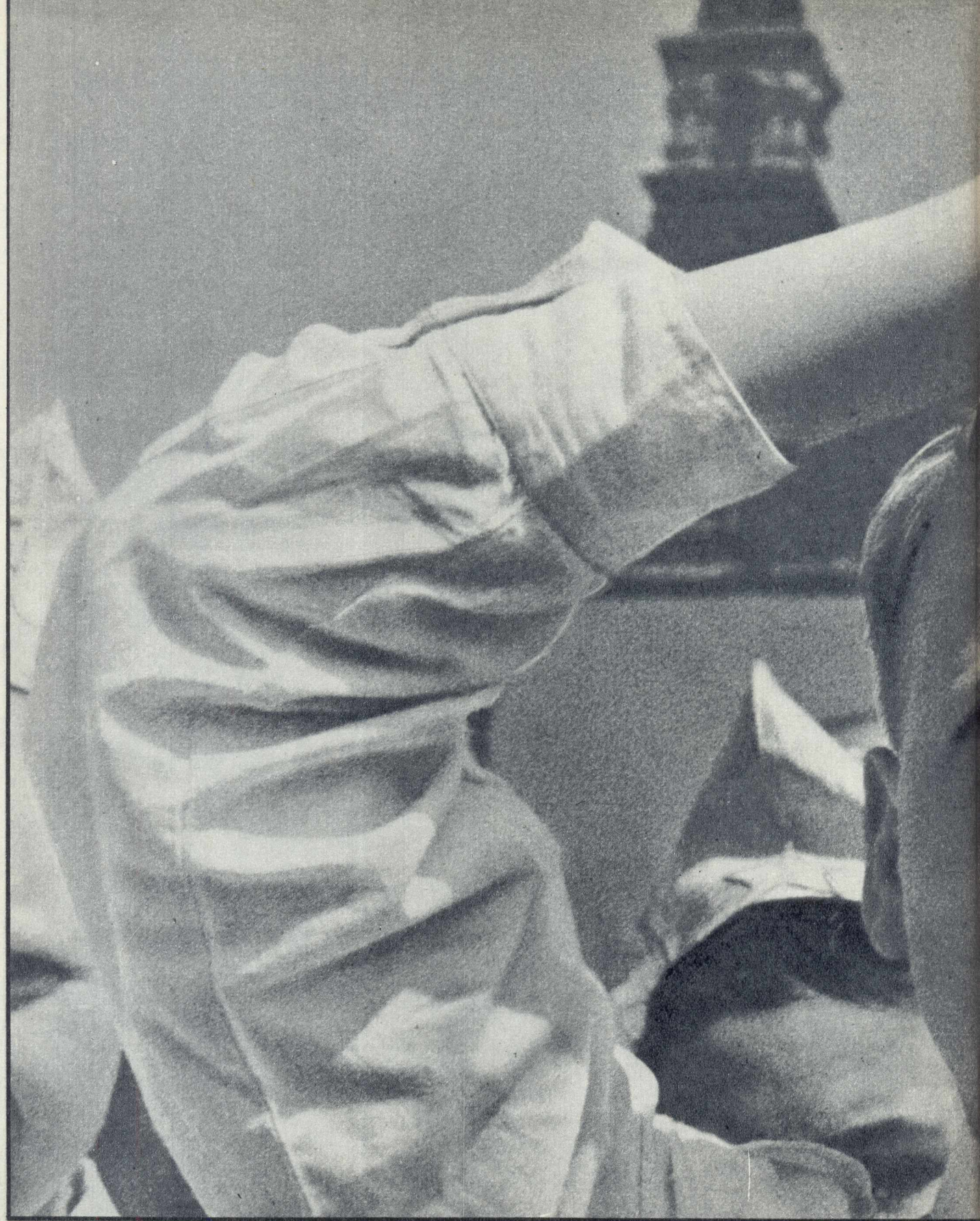
в номере:

*встреча пионерских поколений
родители ведут дневник...*

каким будет учебник?

улучшаем память!

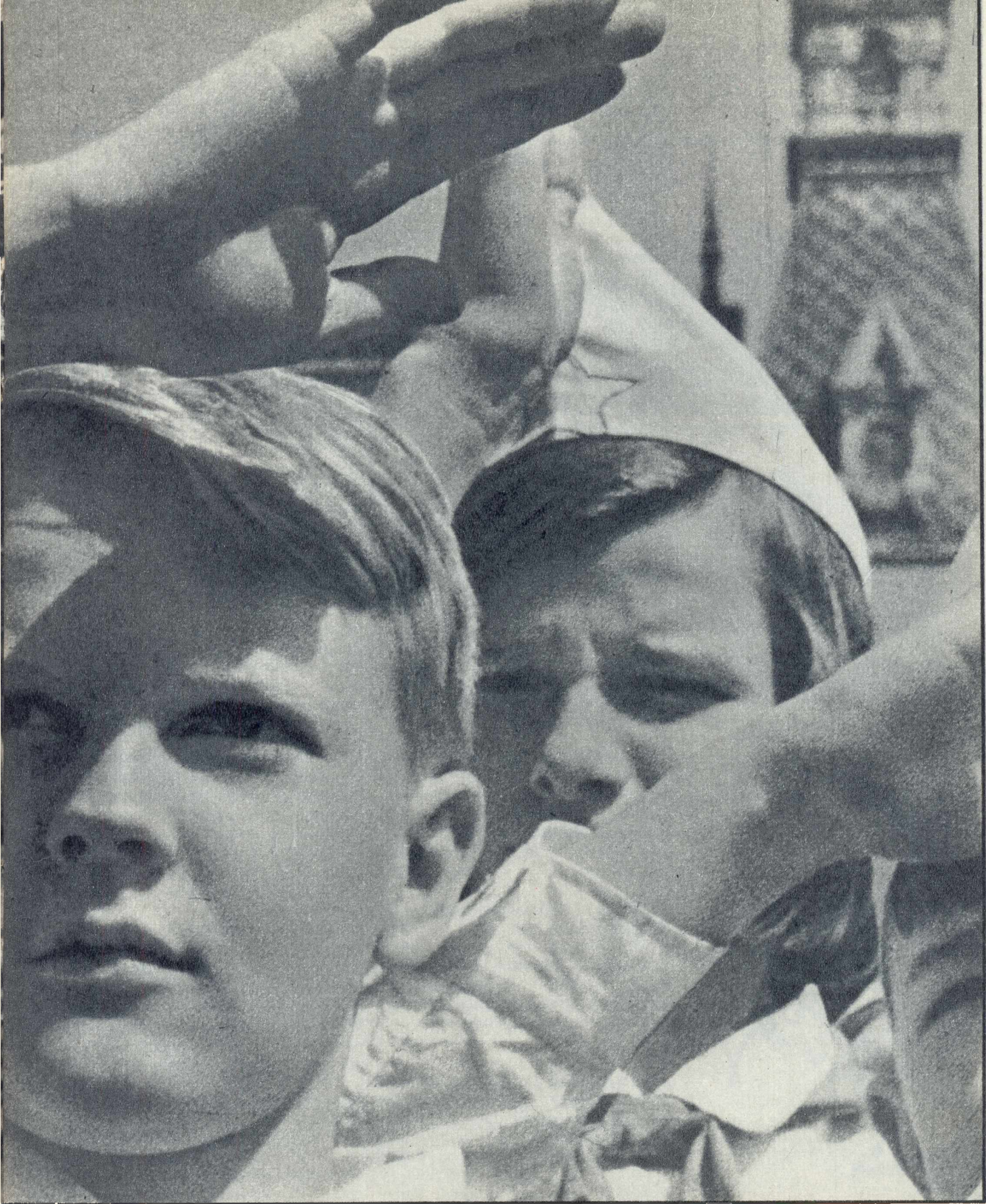

Фото Н. Свиридовой

тели делятся своими мнениями по самым разнообразным вопросам. Их письма комментируют специалисты

— страницы 8—17

«Умение отвечать перед своей совестью за свой труд, за отношения с людьми, за все свои помыслы и поступки — это важнейшее умение мы должны настойчиво воспитывать в наших детях». (С. Черевик. «Голос совести»)

— страница 18

«Последовательная картина жизни ребенка, отмечающая все значимые перемены, которые он испытывает с раннего детства, — ценный и в чем-то неповторимый документальный материал...» (А. Фролов. «О пользе семейных дневников»)

— страница 20

Вице-президент АПН СССР Алексей Иванович Маркушевич: учебник в прошлом, настоящем и будущем

— страница 22

Специальные корреспонденты журнала Л. Осипова и Д. Воздвиженский (фото) рассказывают и показывают, как рисуют малыши в одном из ленинградских детских садов

— страницы 26—31

В этом номере:

Никто в Экибастузе, шахтерском городе Казахстана, не стоит в стороне от воспитания юного человека, — рассказывает в своем очерке специальный корреспондент журнала Галина Франко

— страница 2

«Полвека с гордостью носит пионерская организация имя В. И. Ленина. Миллионы советских людей прошли в ее рядах школу коммунистической идеологии и коллективизма». (В. Семенов. «Встреча поколений»)

— страница 4

О мужестве и стойкости четырех новосибирских школьников, не покинувших свой пост у Мону-мента Славы

— страница 6

Из педагогического наследия: отрывки из работы выдающегося советского педагога и психолога Павла Петровича Блонского, посвященные воспитанию в семье. И немного о самом П. П. Блонском

— страницы 32—35

Из цикла «Учение с увлечением»: сегодня — о памяти

— страницы 36—38

«С детскими травмами — ожогами, переломами, порезами, ушибами — в семью приходит несчастье. Как же избежать беды, охранить, защитить детей? Советует кандидат медицинских наук Т. Рудякова

— страница 39

Перечитаем вместе «Далекie годы» Константина Георгиевича

Фото Н. Рахминова

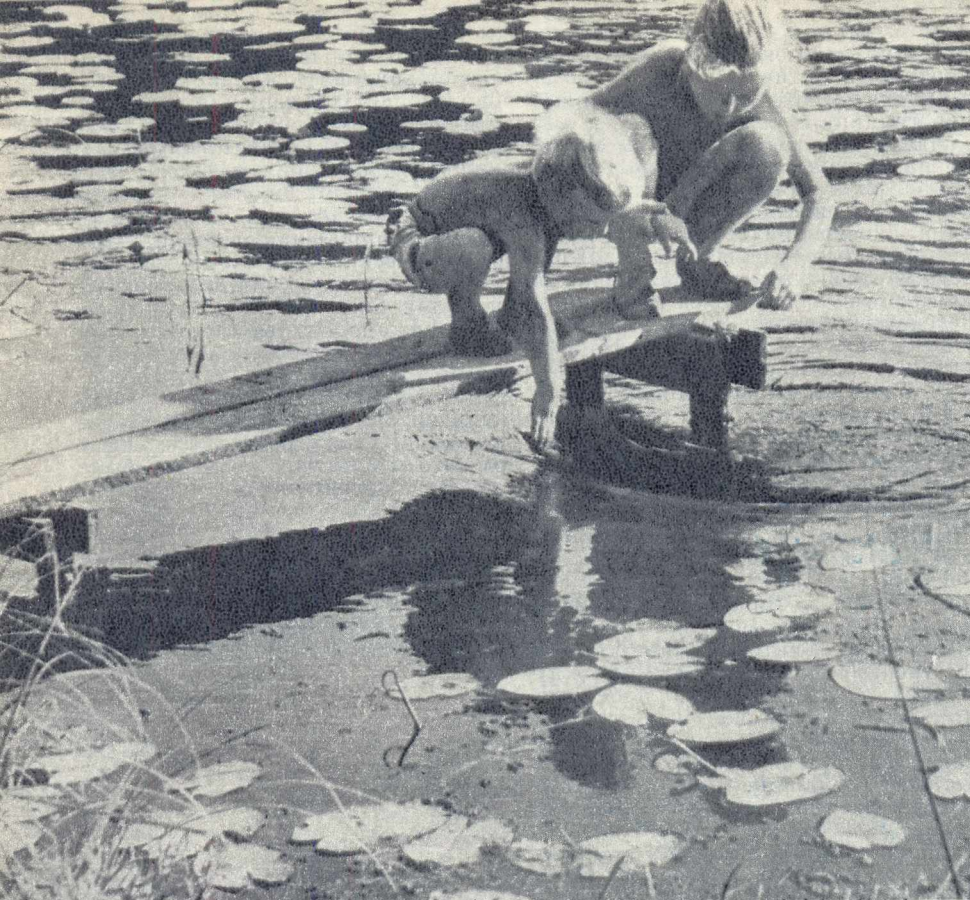

Фото читателя Ю. Воронова (г. Киев).

На 9, 10, 12-й страницах — другие фотографии, присланные читателями

Паустовского... (Е. Аксенова. А вы любите играть в солдатиков? «Семена «Золотой розы» — страница 58

— страница 41

В критико-библиографическом разделе: рецензии на книги для детей и для родителей, обзор литературы по атеизму, новинки — страница 59

— страница 43 Продолжается «Физкультурный будварь»

Из напечатанного — страница 60

— страница 47

Критик Ю. Смелков о телевизионном фильме «Разные люди»: «Речь в фильме идет не о рецептах поведения, но о нравственных принципах, которые человек должен постигать и вырабатывать для того, чтобы ему было интересно с другими людьми и людям было интересно с ним» — страница 48

— страница 63 В свободное время

Домашний музей: «Кочегар» Н. Ярошенко — страница 64

— страница 64

Окончание повести Виктора Тузова «Лохматый снег» — страница 50

— страница 50 На 1-й странице обложки фото В. Житникова. На 4-й странице обложки рисунки малышей из детских садов Ленинграда: Иры Шмасковой, Марины Тихоновой, Алеши Фантамова, Сережи Демидова, Оли Афонойной

Семья и школа

Ежемесячный журнал
для родителей
Академия
педагогических наук СССР
№ 5, май 1974 года
Издается с 1946 года

Главный редактор
Л. М. Иванова

Редакционная коллегия:
П. И. Гелазония
(ответственный секретарь),
А. С. Грищенко,
В. В. Давыдов,
М. В. Жилинская,
О. М. Иванова,
И. И. Карпец,
Н. П. Кузин,
Р. А. Курбатова,
О. Н. Мамонтова
(зам. главного редактора),
Н. И. Монахов,
Б. М. Неменский,
А. И. Попов,
В. А. Рыбаков,
(зав. отделом психологии),
А. Г. Хрипкина,
В. П. Щербаков

Художники
М. Верхоланцев и В. Макаров
Художественный редактор Т. Мухина
Технический редактор Л. Унатина

Рукописи и фотоснимки
не возвращаются.
Литературных консультаций
редакция не дает.

Издательство «Педагогика»

Адрес редакции:
129278 Москва, И-278,
улица Павла Корчагина.
Телефоны редакции:
283-85-16, 283-80-09

Подписано к печати 1 апреля 1974 года
А05383 Заказ 491
Тираж 1 300 000 экземпляров
Бумага 84×108 1/16
Условных печатных листов 7,14

Чеховский полиграфический комбинат
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли
город Чехов Московской области

Набор этого номера произведен
на фотонаборном автомате 2НФА
с перфоленты, изготовленной
на устройстве «Север-2»

Люди всегда мечтали о том, чтобы в воспитании детей участвовало все общество. Чтобы ребенок чувствовал постоянное его к себе внимание, ступив и за порог родительского дома.

В деревне, где все друг друга знают, это осуществить легче, чем в городе. Озорничает мальчишка — про него скажут: «А, это сын Ивана Петровича» — и обязательно вмешаются.

Знать каждого ребенка «в лицо» — вот без чего немислимо воспитание детей обществом.

В Экибастузе, выросшем в степях Казахстана, похоже, все идет к этому.

Городу семнадцать лет. Его богатство — уголь. Его промышленность на уровне современных требований.

Но не только в этом проявляется зрелость города. Здесь добиваются, чтобы никто — «будь то угольщик или домохозяйка, учитель или врач, строитель или железнодорожник — не стоял в стороне от воспитания юного челове-

ка». С такими словами в 1962 году обратился к жителям города партийный актив.

Сегодня — это уже установившаяся традиция.

Любопытно бы подсчитать, сколько раз произносится в городе слово «шеф». У каждой из девяти школ несколько шефов-предприятий. Ни один пионерский отряд не остался без вожатого с производства. Шефы есть у дошкольных учреждений и профтехучилищ, у Дома пионеров и детской библиотеки, у микрорайонов и детской комнаты милиции. На воспитание «работают» ДОСААФ, Красный Крест, штаб гражданской обороны. 50-летие Пионерии праздновал весь Экибастуз.

Участие в работе с детьми стало самым распространенным общественным поручением жителей города.

Из 26 кружков Дома пионеров самый любимый у ребят кружок краеведов и геологов. Его ведет машинист тепловоза Владимир Иванович Горев. Рабочий с угольного разреза «Богатырь» Виктор Глынин собрал и тренирует дворовую команду «Темп» — неоднократного победителя в «Кожаном мяче». В школе № 3 журналист Павел Ильич Оноприенко завладел юными археологами. Почетный гражданин города, кавалер ордена Октябрьской революции, делегат VIII съезда ВЛКСМ Жумат Омашевич Омашев водит в экспедиции отряды юных краеведов. Нина Константиновна Гордеева увлекается декоративно-прикладным искусством. Она притащила в школу свои сокровища: шкатулочки, вышивки, кружева; изделия из глины, нефрита и дерева. Любят в школе № 6 слушать рассказы Андрея Филипповича Штукерта о боях с белогвардейцами, о Чапаеве, в дивизии которого он воевал. Ему уже 78 лет. Для пятого «В» он — «классный дедушка». Учится у него там внучка.

В городе множество людей, по-настоящему популярных среди ребят. Они идут в школы после работы, в выходные дни. У большинства из них есть свои дети (кстати, мне рассказывали, что один молодой рабочий приводит с собой на классные часы своего малыша, когда дома не с кем оставить).

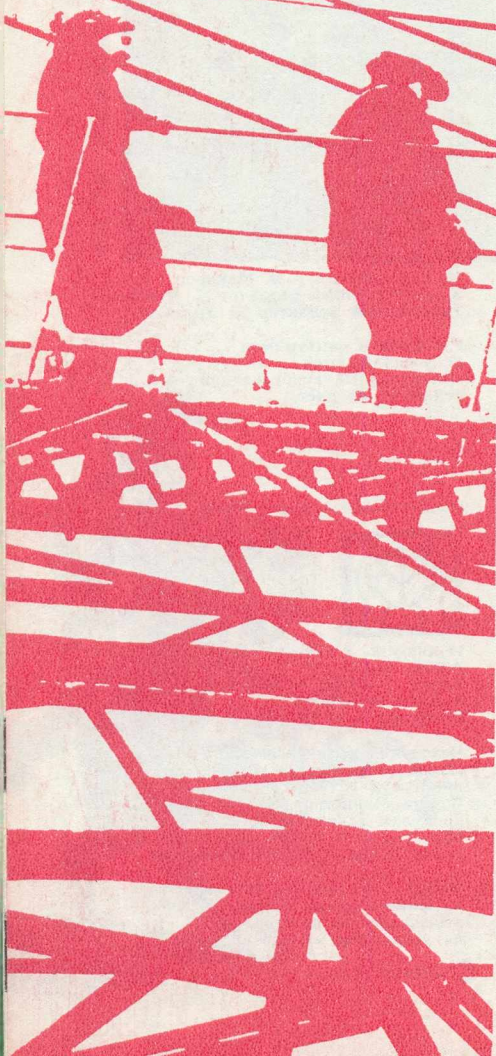
Такова притягательная сила этого общественного поручения, что оно перерастает в человеческий долг, во внутреннюю потребность.

Стоит послушать, как об этом думают сами рабочие-воспитатели. Выберу одну из моих записей: «Очень люблю с детьми, интересно с ними. Летом места себе не находил, знал, что в школе ждут. А год назад и отпуск со школьниками провел», — Н. В. Разумов, начальник участка авто-тракторного парка.

Новых форм отношений рабочих коллективов и школ в Экибастузе не изобрели, но бросается в глаза основательность, дотошная заинтересованность, с которой делают ше-

фы самые традиционные вещи: ремонтируют школьные здания, помогают оборудовать кабинеты (в городе все школы перешли на кабинетную систему), спортивные залы, организуют экскурсии. Разрез «Центральный» построил в школе № 4 теплицу. У ребят школы № 1 благодаря шефам из погрузочно-транспортного управления свой тир. Электротехнический цех теплоэлектроцентрали вместе с учителями изготовили для школы № 2 современные электрифицированные таблицы, карты, диаграммы и обучающие аппараты.

Старшие друзья не оставят без помощи ни одного отстающего. Семиклассница Света рассказала мне о том, что в прошлом году она была неуспевающей по математике. Инженер Людмила Степановна Бельчук занималась с ней. Полгода девочка бегала из школы не домой — сначала к Людмиле Степановне. Посадит та обоих своих сыновей и Свету за стол, и начнется соревнование: кто быстрее решит задачку, кто

лучше диктант напишет...

...Интересно в воскресенье походить по школам города. Ни одна не пустует. И в каждой полно взрослых людей. Шефы ведут кружки, оборудуют кабинеты, играют вместе ребятами в «Зарницу» или просто в качестве зрителей сидят в зале на «Веселых стартах».

В 7-й школе шахматный кружок вел слесарь-электрик с разреза «Богатырь» Петр Сергеевич Бельчук, муж уже знакомой нам Людмилы Степановны. Фамильное увлечение шефством — не редкость в городе.

Существует прямая зависимость между профессией шефов и профессией, которую выбирают выпускники школ.

Ребята часто бывают на ТЭЦ, на разрезах, а те, у кого шефами — геологи, и в «поле». Раз в четверть крупные предприятия устраивают для старшеклассников День науки, техники и труда. Их так умеют заинтересовать профессиями, которые нужны городу, что подавляющее большинство выпускников остается

здесь работать. А потом приходят в свою бывшую школу уже в качестве шефов.

Шефство — это непрерывное влияние трудовых, творческих людей, которые воспитывают собой: своей манерой говорить, чувствовать, своим отношением к жизни. Среди них есть прирожденные педагоги.

Вот что говорят ребята:

«Когда Алексей Иванович к нам пришел, он мне сразу понравился. Он был спокойным, умел подходить к самым баловным мальчишкам... Я очень его люблю, и в классе мне кажется, что он мне второй отец». Потом про поход, о том, как ходили за камышом. И под конец: «Он очень хороший, и я его нежно, товарищески люблю». Мальчику, написавшему это, 14 лет. В таком возрасте не очень-то склонны к сентиментальности. А написано это об Алексее Ивановиче Барохе, машинисте электровоза. Дружит он с седьмым «Г» из школы № 1 уже четвертый год.

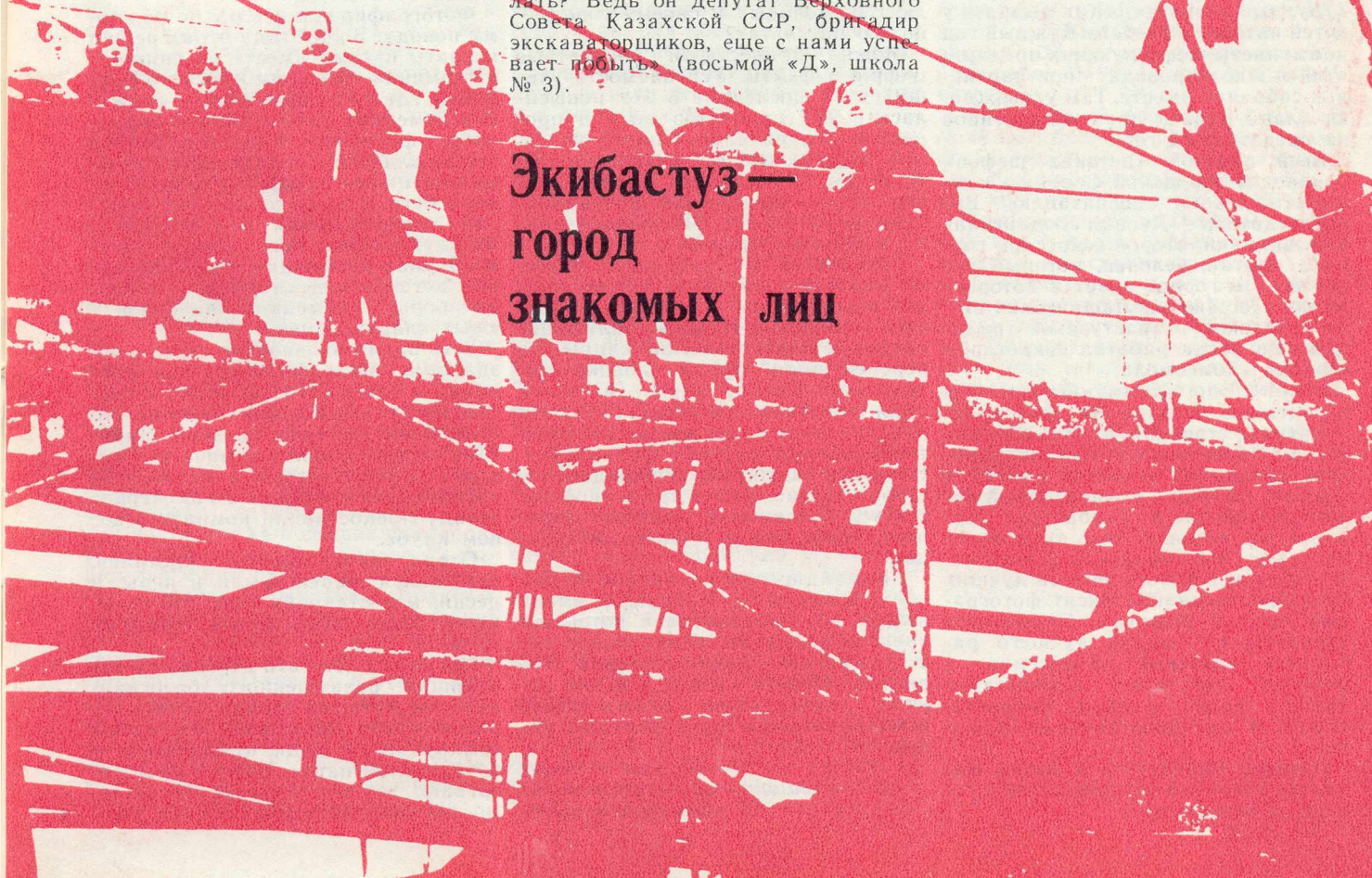
Николай Васильевич Разумов «может успокоить зашумевших ребят одним движением руки». «Мы понимаем его с полуслова». «Мы любим его не только за всякие поездки, но и за доброту. Он разговаривает с нами как со взрослыми людьми, и мы это очень ценим» (рассказ учеников шестого «А» школы № 3).

«Я завидую Гавриле Михайловичу Дордюку: как он все успевает делать? Ведь он депутат Верховного Совета Казахской ССР, бригадир экскаваторщиков, еще с нами успевает побыть» (восьмой «Д», школа № 3).

Работу с детьми вовсе не всегда сопровождает только радость. Знает она и моменты усталости, порой даже отчаяния. Тот же Гаврила Михайлович Дордюк долгое время возился с двумя мальчишками. Как-то пришел он в учительскую и сказал: «Слушайте! А может, это я все зря? Улучшений-то нет!» Ему ответили тогда: «А может, если бы не вы, они бы уже в тюрьме сидели».

Для того чтобы работать с «трудными», нужно иметь редкое терпение. Да и мужество. Здесь не бывает скорой отдачи. В школе № 4 мне рассказали про Юрия Георгиевича Марилова. Когда я пришла в геологоразведочное управление, Юрия Георгиевича там не застала. Мне сказали: «У него сейчас обед, но он пошел к своим пятиклассникам». Потом он рассказывал: «Нравился мне Ленька. Добрый мальчишка, открытый. Просто бесхарактерный очень. В партию его с собой не брал. В дороге обо всем переговорить. Расскажешь ему, что вот, мол,

**Экибастуз —
город
знакомых лиц**

математика сейчас в геологии стала применяться. Учиться, Леня, надо. Знаете, они многое слушают, да не слышат. А когда не специальная беседа, а вот так — в совместном деле, внимания больше». Перемену к лучшему, что произошла с Ленькой. Юрий Георгиевич так объясняет: «Взрослеет, потому и серьезнее становится».

Но привлечь хороших людей к работе с ребятами — это еще не все. Важно найти те принципы в системе отношений школы и производства, которые помогли бы использовать шефство педагогически правильно. Как разговаривать с детьми? Где та грань, за которой кончается подлаживающееся сюсюканье и начинается назидательность? Как провести сбор? Что рассказывать на экскурсии? Со всеми этими вопросами они идут в учительскую. Об этом спорят на семинарах. В городе первая неделя каждого месяца объявлена «неделей педагогики». Проходят конференции по трудовому, нравственному, атеистическому, эстетическому, физическому воспитанию, занятия родительского университета. Однажды собрали на совет даже бабушек. Учителя выступают с лекциями на предприятиях. Темы различные. Беседы о международном положении, рассказы о новейших достижениях химии, физики. И конечно, проблемы педагогики: «Взаимоотношения родителей и детей», «Как в семье приучать детей к труду», «Трудный возраст», «Как вызвать у детей интерес к учебе?» Каждый год коммунисты шефствующих предприятий и школ проводят свои партийные собрания вместе. Там утверждают планы работы двух коллективов на предстоящий год.

Всей работой «детских шефов» руководит городской Совет по коммунистическому воспитанию. Его председатель — Леонид Людвигович Хмельницкий, второй секретарь горкома партии, человек, который все обо всех в городе знает и которого знают все. Леонид Людвигович стоял у истоков экибастузской традиции, еще когда работал секретарем горкома комсомола.

Советы по коммунистическому воспитанию созданы на всех предприятиях, стройках и учреждениях города. Званиями «Лучшее предприятие города по шефской работе в школе», «Лучший коллективный вожакий города» в Экибастузе гордятся не меньше, чем трудовыми успехами. На городской Доске почета рядом с фотографиями лучших производственников висят фотографии лучших вожатых. Проводятся конкурсы на звание лучшего работника «детской профессии», в которых участвуют воспитатели детских садов и няни, библиотекарши и производственные вожатые.

Интерес Экибастуза к детям вызывает ответный интерес детей к городу, к взрослым.

Второй год проводят в городе конкурс сочинений на тему «Знаешь ли ты свой город?». В нем принимают участие все желающие, кому нет еще 18 лет.

В дни подготовки к конкурсу очень многолюдно в школьных краеведческих музеях. Есть там фотографии первых коммунистов города, его почетных граждан, ветеранов труда. Только пионеры дружны имени Володи Дубинина (школа № 7) с 1970 года разыскивали 267 участников Отечественной и гражданской войн, записали их рассказы. Совсем по-другому смотрят теперь в школе № 6 на своего завхоза: «Мария Макаровна! А мы вашу шинель фронтовую в музее видели!»

«Моя родина — шахтерский городок Экибастуз... В моем воображении это самый красивый уголок, и лучше его для меня нет», — пишет выпускница школы № 6 Лариса Кузьмина, одна из победительниц всесоюзного конкурса сочинений «Мой современник».

Это написано о городе с тяжелыми климатическими условиями, где ветры дуют с такой силой и постоянством, что снега почти не бывает, а в каменной почве приживается только треть посаженных деревьев. О городе, где не так много внешних примет интенсивной культурной жизни, которыми богаты столицы и областные центры. И если говорить о результатах общественного педагогического движения, то разве эта любовь молодых к своему городу — не его результат?

Можно привести и конкретные цифры и факты. Успеваемость учащихся за последние 5 лет повысилась с 92,7 процентов до 97,6 процентов, увеличилось число учителей, работающих без второгодников (с 66 до 111 человек), число классов со 100-процентной успеваемостью (с 59 до 90), увеличился прием в девятые классы.

Трудностей в Экибастузе много. Не хватает пока школ, еще не каждое внешкольное учреждение имеет свое помещение. Нужны квалифицированные педагогические кадры. Но перспективы у города головокружительные. Скоро здесь начнется строительство крупнейших ГРЭС. На предприятиях будет введена автоматизированная система управления. Начнется расширенное гражданское строительство. Будет здесь свой институт, больничный городок, аэропорт. Город окружат зеленым кольцом.

...Командировка кончалась. А мне все называли и называли имена людей, без знакомства с которыми «нельзя уезжать». «Уникальное месторождение» педагогических талантов? Просто интерес к детям научил экибастузцев внимательнее всматриваться в лица живущих рядом.

Галина Франко,
специальный корреспондент
«Семьи и школы»

Встреча поколений

Полвека с гордостью носит пионерская организация имя В. И. Ленина. Миллионы советских людей прошли в ее рядах школу коммунистической идейности и коллективизма.

...Сорок два веселых жизнерадостных пионера смотрят на меня со старого, маленького, любительского снимка. Я был их вожатым.

В верхнем ряду высокий мальчик держит пионерское знамя; в нижнем — девочки с баскетбольным мячом; в большой модели самолета (на борту написано «Пионер») — довольный малыш. Над отрядом плакат, последняя его строчка на снимке вышла: «...за уничтожение капитализма во всем мире».

Фотографировались мы по важному поводу. В 1927 году отряд решил послать письмо вместе со снимком в Германию пионерам Красного Веддинга, где тогда шли жаркие сражения немецких рабочих с нарождавшимся фашизмом. Советские ребята выражали свою солидарность с юными немецкими антифашистами. Пионеры бежали тогда по поселку, собирая пожертвования для МОПРа — Международной организации помощи борцам революции. Международная детская неделя была посвящена борьбе немецких пионеров — юных спартаковцев.

В то время пионерские отряды создавались не в школах, а при фабриках и заводах. Наш отряд назывался «Красный химик», потому что отцы и матери моих пионеров работали на ярославских химических заводах. Коммунисты и комсомольцы предприятий заботились о пионерах: отряду предоставили комнату в новом клубе.

Отряд наш быстро сплотился, сдружился, окреп. Были и игры, и песни, и постановки пьес. Но главными были общественно полезные дела.

Мы ходили сажать деревья на пепелищах разрушенного белогвардейским мятежом города. Теперь деревья стали большими, их кроны сомкнулись, и люди, отдыхающие в бутусовском парке, даже и не подозревают, что этот зеленый уголок помогали создавать детские руки. Пио-

неры собирали деньги на подводную лодку «Ярославский комсомолец». Под этим именем в Северном флоте и поныне плавают лодка — новая, конечно, но мне, да и, надеюсь, всем бывшим мальчишкам и девчонкам незнакомый молодой экипаж этой далекой лодки кажется близкой родней.

...Тихий теплый вечер. На площадке около клуба кипит работа: мы строим баскетбольную площадку. Грабли и лопаты в ходу. Взрослые останавливаются, интересуются, что за суботник? Сначала к нам примкнули комсомольцы завода «Красный маяк», потом стали приходить и родители. Правление клуба обещало деньги на покупку спортивного инвентаря. Аппетиты наши росли: решили делать маленький стадион с беговыми дорожками, с ямами для прыжков и турником. Очень помогал нам старый сапер-красногвардеец завхоз клуба М. Ясочков. Кто-то уже предложил назвать стадион «Светлым городом». Словом, дело подвигалось. Забыли мы только про Витьку Хлыста...

В день открытия стадиона мы увидели разлитую по площадкам известку, сорванные флажки... Паша Байкин, комсомолец, мой помощник, подвел к нам упавшего Хлыста. Очень все были на него злы, но взъерошенный, дикий вид парня как-то остудил наше возмущение. Мы поняли, что таким варварским образом он вымещал свою обиду: нам здесь было хорошо и весело, а ему одному плохо и скучно, надоели голуби и прогулки по рынку...

Ребята молча стали разбирать лопаты и грабли. Паша Байкин сунул грабли Витьке. Тот постоял, постоял, а потом очень рьяно начал сгребать с площадок шлепки известки. Я заметил: у Хлыста расправились насупленные брови...

Наверное, взрослым тогда странно было видеть девятнадцатилетнего парня в юнгштурмовке, идущего с ватагой мальчишек и девчонок в плавучий бассейн профсоюза советских служащих или бегущего во главе юных лыжников в деревню Иваньково, которая сегодня уже вошла в черту города, а тогда отстояла от нас на шесть километров. Отряд вез туда постановку «Пионер и шуцман». После спектакля был общий чай в Ивановской школе. Здесь начинал работу новый пионерский отряд деревенских ребят.

Я часто бывал в семьях пионеров, и это позволяло мне привлекать родителей к пионерским делам. Фомин, Шерстнев, Чирковы, Волковы были очень близки отряду. Особенно часто я заходил в многодетную семью Багулиных. Мать — Аграфена Петровна участвовала в революции 1905 года, стойко защищала красное знамя во время стычки с жандармами у корзинкинской мануфактуры (ныне комбинат «Красный Перекоп»). Ее рассказы о героическом прошлом всегда были яркими, неда-

ром товарищи звали ее «Груша-ораторша»...

Росли мои пионеры. Когда я уехал из Ярославля, писали мне. Все наши связи оборвала война. И вот теперь спустя много лет я снова в знакомом поселке...

В клубе, где проходили наши сборы, швейная мастерская. В старой маленькой школе разместился интернат для дагестанских детей, пострадавших от землетрясения. Зато есть теперь новая, красивая, просторная школа. Шагнул по широким ступеням, открыл дверь. Повезло: сразу встретил приветливого человека.

— Здравствуй! — протянула руку Фаина Ивановна Крайнова, учительница начальных классов. Я назвал.

— Вы здесь работали! Первый вожатый! Вот так встреча!

Прибегала Наташа, старшая пионервожатая, рассказала, что совет дружины собирает фото, письма и материалы об истории первого пионерского отряда их поселка. А тут, надо же, живой свидетель. И мы пошли к ребятам...

Считаю, что мне повезло: я очень долго жил в чудесной стране — Пионерии, был вожатым, редактором «Пионерской правды» и вот снова окупился в родную стихию.

Юные следопыты 42-й ярославской школы разыскали и объединили пионеров-ветеранов в почетный отряд, который вошел в состав их дружины. Не показная эта дружба, а самая сердечная, она обогащает и детей и взрослых. Пионеры навещают ветеранов дома, поздравляют с праздниками, а если необходимо, помогают и в домашних делах.

Ветераны не остаются в долгу, очень охотно выполняют пионерские поручения: рассказывают, какой след в жизни каждого оставило красногалстучное детство, участвуют в сборах и праздниках. Ребятам интересно узнать, что бывший председатель совета отряда Саша Тушин во время войны сражался с фашистами под Калинином. Погиб он героически. А лучший спортсмен отряда, баскетболист и весельчак Володя Фомин стал на войне сапером. Володя и погиб, обезвреживая вражескую мину...

Об этом рассказал пионерам Женя Расторопов, впрочем теперь уже Евгений Аполлонович. Сорок лет назад пришел он на завод. Работает и до сих пор: слесарь-наладчик высочайшей квалификации. Из его рук выходят сложные машины-вибраторы. Он тоже участник Великой Отечественной войны. Дошел до Берлина, награжден двумя орденами Красной Звезды и медалями. А недавно ему вручили орден Октябрьской революции.

У нас в отряде были два Жени: Расторопов и Головушкин. Всегда они что-то мастерили. Из лагеря, из походов возвращались с набором цветов и растений, с морилками, пол-

ными бабочек и жуков. Потом на стенах пионерской комнаты появлялись коллекции и гербарии. Оба были большие выдумщики. Особенно Головушкин — изобретатель пиротехнических всяких штук. Как и Расторопов, он стал рабочим — сорок лет на «Красном маяке».

...Стадион в поселке строили все пионеры, а вот оградой из акаций занималось звено Люды Лапшиной. Позже, окончив курсы лаборантов, она пошла строить завод синтетического каучука и работала там. Однажды, во время лабораторных исследований, Люда не надела защитные очки. Взрыв колбы — ожог глаз... Лечение помогло плохо, зрение все ухудшалось. Другой на ее месте растерялся бы, захныкал, а она продолжала работать. Да еще после работы шла в школу, руководила занятиями музыкального кружка. Сколько в ней жизнелюбности!

Оказалось, что и Лена Потемкина, лучшая наша звеньевая в отряде, тоже ведет работу с детьми в новом микрорайоне Ярославля.

— Многое из того, что было у нас в отряде, — рассказывала она, — мы передаем сегодняшним пионерам...

Отряд поселка «Красный химик» и поныне действует, хотя в нем и немолодые люди. А их юные друзья — пионеры — увлечены дальнейшим поиском. Уже разысканы старые пионеры-химики в Новокуйбышевске, Риге, Красноярске, Архангельске, Сочи и других городах. Некоторые побывали в Ярославле на сборах. Областная газета «Северный рабочий» так писала о нашей встрече:

«На днях в ярославской школе № 42 был большой праздник — в гости к пионерам и октябрятам пришли бывшие пионеры отряда «Красный химик», созданного в 1926 году.

Пожилые люди поднялись в актовый зал и вдруг оказались как бы наедине со своим прошлым. Они останавливались у витрин, посвященных истории их отряда, по крупицам собранной юными следопытами. Подолгу всматривались в детские лица, запечатленные на давних фотографиях, узнавали себя и своих товарищей...»

Впечатляющей была эта встреча пионеров разных поколений. И очень нужной и важной и для ветеранов, и для ребят.

В. Семенов

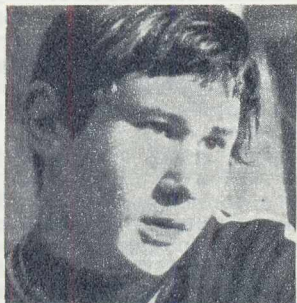
Любовь к Родине, долг и смелость

О мужестве новосибирских школьников, которые несли почетный караул у Монумента Славы и не покинули свой пост, когда пьяные хулиганы открыли стрельбу, писала «Комсомольская правда». Бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление о награждении учеников 55-й новосибирской школы М. Маршукова, Д. Борзова, Е. Бизина и В. Буркова.

За мужество и стойкость, говорится в постановлении, проявленные при несении почетного караула на посту № 1 у Монумента Славы в г. Новосибирске, занести Михаила Маршукова — ученика 9-го класса «А» — в Книгу почета ЦК ВЛКСМ.

Ученики этого же класса — Дмитрий Борзов, Евгений Бизин, Владимир Бурков — награждены почетными грамотами ЦК ВЛКСМ.

В редакцию нашего журнала поступили письма с просьбой подробнее рассказать об этих ребятах. Наш корреспондент Л. Волкова побывала у них в школе, познакомилась с их родителями. Вот что она записала.

Евгений Бизин:

Это было просто невероятным: в нас стреляли. Парень на балконе, не торопясь, целился. Потом — свист, и очередная пуля пролетела совсем рядом. Звенели стекла разбитых прожекторов и ленточного освещения у самой чаши Вечного огня.

Наша четверка только заступила в 12 часов 40 минут. А накануне мы принимали пост № 1 у другой школы и давали клятву не покидать поста ни при каких обстоятельствах.

Я стоял прямо лицом к этому злополучному балкону на пятом этаже соседнего дома. Насчитал двенадцать выстрелов. Пока не упал Мишка. Он сначала присел на постамент, к нему бросился Дима Борзов (подчасок мог двигаться, если это было необходимо), Мишка сказал: «Я сам дойду, а ты беги в штаб караула».

Потом я узнал, что Мишка отошел очень недалеко, зашел за пилоны и упал. Было очень пустынно на площади. Одна женщина кинулась к

Мишке, дотащила его до снегоочистительной машины, которая оказалась рядом, и увезла в больницу.

Хулиганов схватили. Несение караула продолжалось так, как бы ничего не случилось, правда, все стало как-то более подтянутыми и строгими. Вечером я шел домой и думал: «Не скажу матери, расстроится. Все-таки я у нее единственный сын». Накануне мама расспрашивала меня про наш караул. Я вообще-то отнесся к этому как к игре: красивой, почетной, но игре. И вот произошло невероятное...

«Нет, не скажу сегодня, — решил я. — Мама может меня не пустить». А это страшнее всего! Мы должны были снова заступить на пост № 1, и если бы Мишка мог, он тоже встал бы.

Наутро мы снова стояли на посту, но нас было не трое — пришел весь отряд почетного караула, все 40 парней нашей школы.

Я так считаю: этот случай помог мне очень серьезно вдруг осознать, что я взрослый. И что от меня может быть что-нибудь зависеть. Я подал заявление в комсомол. Я раньше как-то не решался, считал себя не готовым по-настоящему быть передовым. Теперь я понял, что должен быть в рядах комсомола. И еще я понял, что могу не струсить перед опасностью.

Владимир Бурков:

Я помню, как в седьмом классе водил нас впервые на пост № 1 вожакий десятиклассник Сережа Канеев. У нас был фотокружок. И вот мы пришли фотографировать десятиклассников, стоявших на посту. И нашего Сережу тоже. Как я завидовал тогда Сереже!

Я все торопил время, скорее бы вырасти. Представляете мою радость, когда меня включили в группу почетного караула. Когда я стоял на посту (а стоял я спиной к тому дому, и меня прикрывал пилон), я думал только об одном — о тех, кого хорошо видно. Выдержат ли они?

— Выдержите, пожалуйста! — твердил про себя.

Мы выдержали испытание, которое предложила нам жизнь. После этого я решил пойти после окончания школы в авиацию.

Михаил Маршуков:

В больнице я получил кучу писем от ребят своего девятого «А» и даже стихи, написанные Таней Бетехиной, где я именовался героем. Мне так неловко, ну какой я герой! Мы просто должны были так поступить, и все. Как люди, как часовые. Мы должны были поступить так перед теми, кто погиб и чьи имена были высечены на камнях у Вечного огня.

Я просто содрогнулся, когда подумал, что пуля могла попасть в других ребят. Мне попала в ногу. Туда, где мы стояли, пули падали у ног. А вот Володя Бурков... Никакой пилон его не закрывал! Он был открыт от головы до пояса и стоял спиной.

Когда мы там стояли, я о себе совсем не думал. Я только смотрел на Володю, на своего верного друга. Ведь если бы пуля попала в него, она могла бы попасть в сердце.

Я потом думал обо всей нашей компании: Володе, Саше Васильеве, Андрюше Косарева. Мы вчетвером дружим. И решил: они бы поступили так же. И никто не считал бы себя героем, я уверен. Когда я пришел в класс после восемнадцати дней, проведенных в больнице, я увидел, что наш класс стал совсем другим. Раньше девчонки с мальчишками ссорились, были как-то разобщены. Теперь наш класс очень дружный.

Все говорят — испытание. Ну, конечно, лучше бы не было такого испытания, когда пьяные мальчишки стреляют по святому месту. Но, может быть, это испытание, раз уж так случилось, моего характера, моей верности долгу, чести? Я выполнил свой долг. В жизни, я считаю, вообще надо выполнять свой долг, долг человека и гражданина.

Я сейчас все больше думаю о том, что, наверное, стану военным, как мой дед. Он был чекистом.

Дима Борзов:

Я даже как-то не думал об опасности. Правда, в один момент вдруг жутко стало. Я стоял боком, чуть голову повернул, гляжу — целится. Страшная злость поднималась, но мы не могли покинуть пост, мы дали клятву. Я, правда, был подчасок, и мне разрешено было двигаться и говорить. Мишка отказался от моей помощи, он считал важнее сообщить в штаб Поста.

Дома я сразу рассказал родителям. Мама только вскрикнула: «И в тебя мог попасть!» А папа ответил: «Мог! В Мишу же попал». И мама замолчала. Они ни о чем меня не расспрашивали. И отнеслись с уважением к тому, что произошло.

Я думаю, раз уж пришлось столкнуться с таким случаем и выдержат, то, значит, и впредь еще больше выдержать можем. Я не имею в виду выстрелы. Я хочу заняться мирным делом, строить мосты и туннели. Но, думаю, в жизни найдется место для мужества, и не раз.

Маргарита Никифоровна Бизина:

Я сейчас не могу говорить об этом спокойно. Когда на другой день я узнала обо всем, отпросилась с работы и пришла на пост № 1 к Монументу и смотрела на ребят. Я вдруг поняла, что все это очень серьезно, этот пост и этот караул, и что мой сын взрослый, большой и сильный человек.

Среди имен на пилонах есть и имя моего отца, погибшего в Будапеште в феврале 1945 года. Я подумала: вот бы он был жив и увидел Женю!

Я не осудила Женю за то, что он не сказал мне о случившемся в первый же вечер. Я просто поняла его. Он бы оказался в очень затруднительном положении, если бы увидел, как я боюсь за него и страдаю. Возможно, что я бы потребовала от него остаться дома. А он не мог бы ни за что этого сделать. Он снова должен был заступить на пост. И я его за это очень уважаю, за эту его солдатскую честь.

Вообще это чувство коллектива, чувство локтя в моем сыне и во всех ребятах, кто нес караул, меня очень обрадовало. И мне стало спокойно за сына. Он найдет свою дорогу.

Недавно его приняли в комсомол. Это было большое и радостное для меня событие.

Любовь Петровна Буркова:

Мы с мужем узнали о случившемся сразу. Но решили ждать сына дома. Представляете, конечно, наше нетерпение! Мы испытывали ужасное беспокойство, но в то же время были удивлены тем, что сын остался на посту вместе со всеми. Мне кажется, тут главную роль сыграла дисциплина.

Я как член родительского комитета школы в своей работе с ребятами

всегда считала главным воспитание дисциплины. И в семье мы именно этому придавали огромное значение, с самого детства приучая сына к порядку, самоконтролю, самостоятельности. Да, тут сыграла свою роль именно дисциплинированность сына, он принял присягу, и он ее не нарушил. Он выполнил то, что должен был выполнить.

Когда мы дождались Володю, мы не стали много с ним говорить. Мы только сказали, что он правильно поступил. Мы понимали, как ему тяжело: ведь ранен его друг. Правда, две ночи мы вообще не спали.

В этот вечер некоторые родители ребят из отряда Почетного караула звонили нам и советовались: они подумывали о том, чтобы не пустить своих сыновей на дежурство. Мы отвергли это сразу. Ни в коем случае! Дети нам никогда не простят такого непонимания, такого неуважения к их чести, к делу, которое им поручил город.

Светлана Михайловна Маршукова:

Накануне Миша сказал мне: «Мама, я надену новые ботинки. Заступаю на пост!»

Он специально пока не надевал ботинки, ждал этого праздника. Мой отец был военный, чекист, это он внушил Мише любовь и уважение к нашей Армии. Вот почему для Миши наступил настоящий праздник.

На нем была очень красивая форма. И эти новые ботинки, которые потом были полны кровью...

Когда в больнице мне сказали: «А это тот мальчик с огнестрельным ранением!» Я содрогнулась: «Какая нелепость! В моего сына стреляли! Стреляли ясным утром в него и в чашу с Вечным огнем». Меня поразило мужество Миши. В больнице он мне все время говорил: «Мама, не волнуйся, у меня все нормально». А

потом я узнала, что он десять ночей не спал от боли.

Мы с бабушкой, моей мамой, до этого все волновались: что-то Миша у нас очень нежный, ласковый, много играет на рояле, уж не девчонку ли мы из парня растим?! А вот выяснилось, что не знала по-настоящему своего сына. Он правильно поступил, и все парни молодцы. Потом уже, когда страх отступил, я испытала чувство гордости за сына, за ребят.

Мы подумали, подумали с мамой и решили: пусть наш Миша будет такой, как есть!

Инна Георгиевна Борзова:

Случай, который произошел с моим сыном, конечно, из ряда вон выходящий. Я много пережила, да мы оба с мужем одинаково. Однако не надо едаду сыну расспросами. Надо — сам расскажет. Мы привыкли считать сына взрослым, самостоятельным человеком. Мы даже и не удивились, что он не струсил, не покинул пост.

Я себе даже не представляю, чтобы мальчишки разбежались. Сын поступил, как и должен был поступить. Никакого героизма я здесь не вижу. Хорошо, что не струсил, не испугался — в жизни будут потруднее задачи, я думаю, эта твердость пригодится.

Случай этот будет, вероятно, для сына на всю жизнь мерой, по которой он будет сверять другие свои поступки. Ну а мы должны еще больше помогать ему сохранять такую же твердость и в дальнейшем.

Валентина Ивановна Гускова, директор школы № 55 г. Новосибирска:

Проводили мы наших парней, самых лучших, на пост № 1 (они открывали почетный караул нашего Заельцовского района) и окунулись в дела. В школе гостей полно: проходил

районный семинар директоров. Я делала доклад, и вдруг вызывают к телефону: «На посту стреляли». Я говорю директорам: «В школе случилась большая беда», — сама говорить ничего больше не могу. Собрала все силы и поехала на пост. Сначала в больницу к Мише. Врач, оперировавший Мишу, заверил, что жизнь его вне опасности, пуля прошла мимо кости и мимо главной кровеносной артерии. Хотя потеря крови порядочная.

На посту № 1 была уже почти вся школа, работники горкома, райкома, района. Наши ребята восхищались мужеством мальчишек. Многие плакали. Все возмущались хулиганами, и, конечно, мне как педагогу было больно, что чьи-то сыновья, чьи-то ученики, пусть не нашей, другой школы, дошли до такой степени падения.

Я испытывала чувство гордости за то, что несение караула продолжалось и шло четко и слаженно.

Я думала: милые вы мои мальчишки, сколько в вас оказалось мужества, твердости и отваги! Володя Бурков — член комитета ВЛКСМ, Женя Бизин, Дима Борзов, Миша Маршук. Таких мы называли средними. Да, пожалуй, как многие в нашей школе. И шалости, конечно, были. Не все уж так гладко. И вот... пришла для них суровая минута. На другой день на школьной линейке парням было высказано много хороших слов. Они очень смутились.

Телефон в нашей школе звонил с утра до ночи.

Мы слышали сочувствие и восхищение. Пришли телеграммы из Одессы от ребят с поста № 1 этого города-героя, от московских школьников.

А потом пошли письма, сотни писем. Мы увидели, сколько у нас друзей по всей стране! Спасибо им.

И эта гордость за свою школу, за свой коллектив сплотила всех, ребята стали дисциплинированнее, серьезнее. В школе чувствуется какой-то особый подъем, равняются на лучших достойных и берут с них пример, а Мишу Маршукова избрали на съезд комсомола.

письма

Семена взошли

Когда Леню Голосенко, ученика алма-атинской восьмилетней школы № 67 имени Юрия Гагарина, отправили в Артек, его мама сказала:

— В том, что сыну оказана такая честь, заслуга Василия Михайловича Белякова. Благодаря учителю Ленья увлекся биологией, и жизнь его и других ребят стала такой полноценной и насыщенной.

За плечами Василия Михайловича Белякова сорок лет работы в школе, огромный багаж знаний. На его уроках дети слушают рассказы о природе затаив дыхание. Четырнадцать лет назад пришел Василий Михайлович в школу № 67. На свой первый урок принес лопаты, колышки и саженцы фруктовых деревьев. Начал говорить о самых простых вещах — о зеленых посадках — и так увлек ребят тайнами живой природы, что после занятий весь восьмой класс пришел помогать. Некоторые коллеги не верили в «прожекты» Белякова, который задумал на пустыре разбить сад, развести цветы, оборудовать оранжерею. Много требовалось труда, чтобы убрать каменные глыбы, привезти землю, засыпать промоины. Но добровольные помощники неутомимо работали на пришкольном участке, переживая неудачи, радуясь успехам.

Теперь бывшие пионеры стали взрослыми. Но они частенько заглядывают в свой школьный сад, приходят полюбоваться цветами и, конечно, проведать старого учителя. А около него по-прежнему всегда юннаты.

Школа гордится «операцией Вьетнам». Вместе с Василием Михайловичем ребята не раз выезжали в горы для сбора лекарственных трав: шиповника, боярышника. А потом в героический Вьетнам ушла посылка.

В альбоме, присланном из города Шевченко, хранится письмо, подписанное тружениками города, комсомольцами нескольких поколений:

«Дорогие ребята, уважаемый Василий Михайлович! Получили шесть ваших огромных посылок с семенами цветов и растений. Ими засеяли газоны, парки, раздали детским садам, больницам. Все семена дали всходы, украшают город. Теперь в Шевченковском саду вы самые желанные гости. Передайте поздравления Люде Петровой, возглавляющей юннатскую секцию по цветоводству, и другим ребятам, которые постановили: «Люблю природу — учусь хорошо».

Таких писем много. Есть и Почетные грамоты от ЦК ЛКСМ Казахстана, от Всесоюзного общества охраны природы. Даже от Академии наук Казахской ССР, куда в отдел

зоологии отряд послал 50 школьников. Школьный «зеленый патруль» шефствует над целым районом города. Каждый год ученики высаживают до 500 деревьев, ухаживают за тополями, яблонями, кустарниками на улицах, прилегающих к школе, территории детского сада, поликлинике. А школьному музею, гербариям, «живому уголку», аквариумам могут позавидовать многие научные учреждения. Ничего удивительного в этом нет — все 550 учащихся — юные друзья природы. Многие из тех, кто учился у Василия Михайловича, стали биологами, агрономами.

В. Вишневский
г. Алма-Ата

Рядом с детьми

Мы живем втроем: я, жена и дочка Лена. Дочери уже семь лет, учится в первом классе на «отлично». Дочь мне не родная, но она мне дороже всего.

Сам я вырос без родителей. Мать заболела и умерла, когда мне было две недели. Отца и не помню. До года жил у тетки, потом определили в детский дом.

Мне всегда хотелось, да и сейчас хочется, быть вместе с детьми, чтобы не было у них невзгод и печалей. Мечтал стать учителем. Но судьба сложилась по-другому. Я железнодорожный оператор дефектоскопной тележки. Эта работа требует обнужить и обезопасить лопнувший рельс, чтобы не было на дороге аварии и пассажиры спокойно ехали.

Но к детям все равно тянет, с ними провожу свободное время. Я люблю рисовать и занимаюсь с ребятами рисованием и лепкой. Никто меня не приглашал в школу и не давал никаких поручений. Я сам решил попробовать, ребята заинтересовались и потянулись ко мне.

В школе учитель ведет за собой класс, так же как машинист свой поезд. Но ведь может случиться всякое, у кого-то, например, дома не ладится, и я помогаю чем могу, чтобы детям было хорошо и спокойно.

А. Чупин
станция Егоршино
Свердловской области

Первое собрание

В классе, где учатся мои дети, произошло важное событие — многих восьмиклассников приняли в комсомол. Поймут ли ребята важность и значительность происшедших перемен? Первое комсомольское собрание. В этот день многие отцы и матери оставили свои дела и пришли в школу, чтобы быть вместе с комсомольцами. Родительский комитет явился в полном составе — такое серьезное отношение взрослых многое значит. Конечно, мы пришли не опекать, а помочь, если нужно, ребятам, которые стали комсомольцами. По-деловому и заинтересованно обсудило собрание положение в коллективе. Комсомольцы не должны

мириться с тем, что в классе нет дружбы, но есть двоечники, что кто-то стоит в стороне от общих интересов. Решили строго спрашивать с неуспевающих и помогать, если необходимо. Недисциплинированных исправит сразу трудно, нужно быть терпеливым и настойчивым, не бросать товарища в беде. Это чувство ответственности не только за себя, но и за других и поможет сплотить коллектив.

Какими комсомольцами будут ребята? Только отсиживать положенное время на собраниях и платить взносы? Тогда не удивляйтесь, что сын растет равнодушным, ленивым, пассивным. Ведь он к этому привык. Здесь внушения не помогут, нужно подключить сердце и ум. Не имеем права мы, родители, уходить в сторону. Кто же поможет разбудить интерес к комсомольской работе, даст совет, с чего начать, подскажет выход из затруднительного положения? Ведь наше внимание к комсомольским делам и воспитывает характер будущего настоящего человека.

А. Кирносов,
токарь
г. Котельниково
Волгоградской области

Верный друг

Многие ребята мечтают иметь овчарку, говорящего поросенка и даже льва. А разве кошка не может быть верным другом? Я расскажу про свою «Мартышку». Попала она к нам случайно. Однажды я вышел во двор и увидел маленькую, тощую кошечку, она искала что-то в помойке, видно, у нее не было хозяев. Мне стало ее жалко, я сбегал домой, принес хлеба. Кошка была голодная и все

съела. Мне не разрешили оставить кошку дома, но кошка не покинула меня. Утром, когда все проснулось, увидели в коридоре здоровенную крысу. Потихоньку от всех я стал давать кошке есть и пускал в дом, когда был один. А кошка времени зря не теряла и охотилась за крысами и мышами. Она оказалась умная и трудолюбивая. Родители признали ее заслуги, и кошка стала у нас жить. За тонкий хвост и забавную мордочку я называл ее «Мартышкой». Она очень быстро привыкла к своей кличке и отзывается на зов. «Мартышка» ко мне очень привязалась. Если я еще сплю, она ходит по комнате и все поглядывает на кровать. Как только встану, она бежит ко мне и начинает тереться о ноги.

Вот и все, что я хотел рассказать о своем верном и любимом друге.

Саша Богоченко
г. Няндомы
Архангельской области

Как дела в школе?

Приехала я из командировки. Сын — третий день дома. Болел долго, а из школы никто не приходил, зашел только один мальчик, узнал, что Коля болеет, и все. А ведь когда Коля был здоров, двери у нас буквально не закрывались, у одного задача не получается, другой теорему не понимает. Сын никогда никому не отказывал. А тут заболел, и никому не нужен. Никто не подумал о том, что он может отстать от класса, что ему надо принести домашние задания.

Наблюдая все это, я подумала, что в такой нечуткости виноваты родители. Не умеем мы, видно, привить детям уважение, внимание друг к другу. В девятом классе, где учится

сын, тридцать человек. В классе проводятся родительские собрания четыре раза в год. Казалось бы, мы, родители, должны близко знать друг друга. Но, увы! На собрания ходят всего пять—десять человек. Одни и те же лица. Получается, остальным безразлично, что делается в классе. Про отметки знают из дневника, а до другого и дела нет. Может быть, с этого и начинается безразличие, которое передается и детям.

А если бы сами родители были в курсе школьной жизни, то, наверное, и ребята относились бы друг к другу иначе. Вопрос: «Как дела в школе?», если подходить к нему не формально, очень важный вопрос. Он относится не только к отметкам, но и ко всем сторонам школьной жизни.

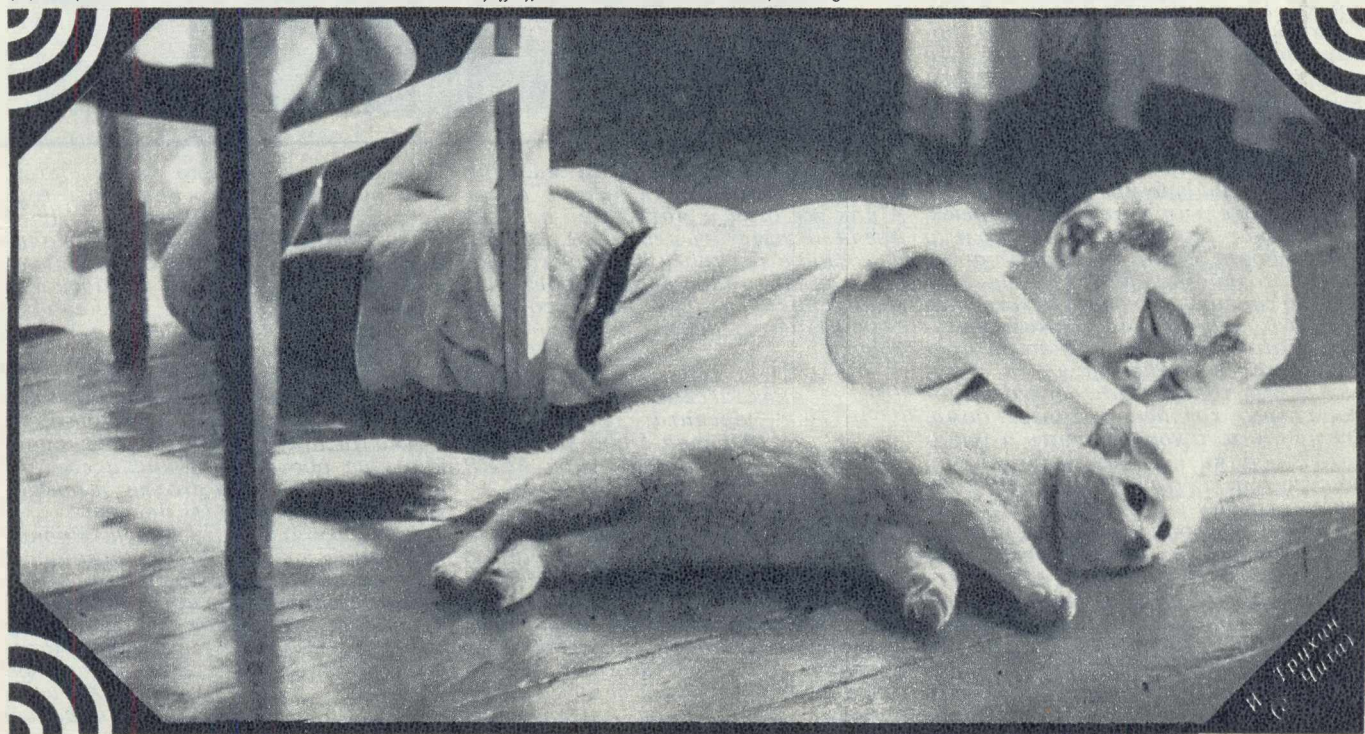
Ребята, у нас в семье трое школьников, всегда рассказывают о событиях, которые произошли в классе, в школе. Вместе обсуждаем, разбираем случившееся. Если узнаем, что кто-то заболел, всегда спросим, проводили ли товарища, отнесли ли ему уроки. Старший — всегда так поступает, а младшим приходится напоминать.

Хотелось бы, чтобы дети были внимательными не только к близким и родным, но и к соседям, друзьям, товарищам по школе.

З. Ботева
г. Архангельск

Мешок картошки

В школьной мастерской после урока учитель труда недосчитал трех молотков. Когда стали разбираться, выяснилось, что их взяли ребята из шестого класса, положили в свои портфели с мыслью: «Могут пригодиться в хозяйстве».

Этот поступок не остался без внимания. Его обсудили на классном собрании. Виновные обещали больше так не делать. Им было стыдно. Вернее, так можно было сказать про двоих. А вот поведение третьего насторожило учителя. Извиниться-то он извинился, только при этом чувствовалось, что думает он иначе. «Пожалуйста, если вам так надо. А делать я буду все равно по-своему». Вот что примерно было написано на лице этого ученика.

В чем дело? Откуда у мальчика такое? Забеспокоился учитель. Много прояснилось после того, как он побывал в семье. Отец мальчика работал скотником и часто привозил с колхозного двора немного силоса, сена или соломы. Мать выращивает свеклу. Сын помогал ей осенью на уборке. И бывало они с поля возвращались с полным мешком свеклы. Мать еще и хвалилась: «Вот какой большой помощник выраст! Сколько корма заготовили скоту».

Можно предвидеть, каким вырастет ребенок, если в семье принято такое отношение к колхозному, общественному добру.

У татарского народа есть мудрая пословица: «Верблюда украл — вор, иголку украл — тоже вор». Но почему-то нередко только крупную кражу именуют воровством, а когда речь заходит о мешке свеклы, взятом с колхозного огорода, говорят «берет», «приносит», тем самым преподнося детям все в другом свете. Дескать, в этом нет ничего позорного и дурного.

А потом тот же ученик, потрудившись с классом на колхозном огороде, несет домой, прикрыв фуфайкой, ведро картофеля. Он это делает не потому, что дома нет этой самой картошки, а потому, что мысль — брать колхозное, государственное не воровство — укоренилась в нем. Да еще и родители похвалить могут: «Смотрите, какой хозяйственный!»

Если говорить о материальном ущербе, может быть, он действительно в данном случае не большой. Но как велик ущерб моральный!

Действительно, у нас еще встречаются такие, которые живут только ради своего дома, своего огорода, своего хозяйства. Можно с уверенностью сказать, что они в детстве начали так же, как этот самый мальчик. Потому что постепенно он превращается в индивидуалиста, который живет только ради своего огорода, своего хозяйства, своего дома. Он не сможет хорошо жить и работать с людьми, которые трудятся для общего блага. Неизбежен конфликт с коллективом и горькая участь одиночества, которая никогда и никому не принесла счастья. Над этим стоит задуматься.

...Из школьной раздевалки пропали новые сапоги. Правда, вместо них остались старые, и все думали, что тот, кто надел не свои, просто ошибся. И обязательно возвратит их. Новые сапоги исчезли бесследно. Зна-

В. Коровин
(г. Кызыл)

чит — не ошибка. Допустим, мальчик поступил плохо, взял чужую вещь. А как же отец и мать? Они ведь не могли не заметить перемены. Откуда у сына новые сапоги вместо старых?

Оставлять такой поступок без внимания никак нельзя. Из этого ведь складываются нормы поведения человека.

З. Акберов,
организатор
внеклассной и внешкольной
воспитательной работы
деревня Ново-Муратово
Башкирской АССР

Есть чему поучиться

Прочитала статью «Большая семья» в первом номере журнала. Я считаю Анну Алексеевну Петринию прекрасной женщиной. Растить семнадцать детей и всегда быть уравновешенной, внимательной, чуткой, любящей матерью! Это — редкий дар! Читала о большой и дружной семье и сравнивала себя с Анной Алексеевной.

Я тоже мать, только троих детей. Они учатся хорошо, приучены трудиться: ходят в магазин, готовят обеды, по очереди убирают в квартире, штопают, стирают для себя, накрывают на стол. А в субботу все вместе заняты на кухне, кто начинку готовит, кто тесто. Дружно кипит у нас работа!

Папа в свободное от работы время, он мастер производственного обучения, занимается своими мужскими делами: любит делать сувениры из рогов, он у нас и сантехник, и сапожник, и столяр, и радиотелемастер. Все умеет делать!

Дети любят читать книги, журналы, помогают мне делать пособия к урокам. Умеем мы всей семьей не только поработать, но и отдохнуть.

Свое родительское спасибо хочу сказать Анне Алексеевне, мы, матери, у нее многому можем поучиться.

Н. Хутиева
г. Чойбалсан 10

За дочку спокойна

Хочу рассказать об учительнице 54-й уфимской школы Римме Михайловне Леготиной. К ней пришли наши дети несмышленишками, а теперь это очень серьезные, вдумчивые, трудолюбивые ученики восьмого класса. В первый год ребята писали сочинения, в них было всего четыре строчки, а теперь пишут прозу и стихи взволнованные, глубокие по мысли, пишут так, что никого не оставляют равнодушными. Да и не только в литературе добились ребята успехов (Римма Михайловна — филолог), они хорошие математики, историки, географы. В классе нет «трудных», неуспевающих учеников.

Просто невозможно перечислить всего, чем постоянно заняты дети. Вместе со своим классным руководителем они ходят в театры, музеи, ездили в Москву, Ленинград, Ульяновск. Создали в школе свой музей Зои Космодемьянской. Всю свою энергию, увлеченность Римма Михайловна отдает детям.

Она чуткий, отзывчивый человек. И мы, родители, идем к ней с радостью и горем. Когда я восемь месяцев была прикована к постели, у нее хватало времени навестить меня и побыть со мной. Какие это были прекрасные часы общения с духовно богатым, образованным человеком! Одно могу сказать: за будущее дочери я спокойна. Думаю, это — главная оценка труда педагога.

С. Галимова
г. Уфа

Праздник весёлый у нас

Когда наступают праздники, в некоторых семьях дети становятся обузой. Ни в гости не пойти, ни к себе пригласить. Одни находят выход — «подбрасывают» детей бабушке или соседям. Другие берут с собой. В компании взрослых дети чувствуют себя неутоно. Про них все забывают, они слоняются из угла в угол, не зная куда себя девать. Да и родители порой выглядят перед ними не в лучшем виде...

Я вовсе не собираюсь проповедовать «сухой закон» и унылое сидение у телевизора во все праздничные дни. Мне хочется рассказать о том, как отмечают праздники в нашей семье.

У мамы нас пять дочерей. Мне младшей, — уже тридцать лет. У старших сестер — взрослые сыновья. Раньше мы жили в разных концах страны, виделись редко. Недавно съехались в один город. У каждого своя семья, но на праздник обязательно собираемся все вместе. Народу на наших торжествах бывает не меньше десяти-четырнадцати человек. На столе стоит угощение и какое-нибудь хорошее вино, но мы не стремимся обязательно оставить бутылки пустыми. Просто радуемся возможности побыть вместе, поговорить, посмеяться. Хозяева стараются не только приготовить угощение,

но и придумать интересный сюрприз для гостей.

Моя четырехлетняя дочка Оля очень любит, когда родные и знакомые собираются у нас. Помогает готовиться к празднику, встречает гостей. К Новому году мы вместе с Олей мастерим елочные игрушки и украшения.

Однажды мы устроили шуточную новогоднюю лотерею, и она так всем понравилась, что с тех пор стала почти традиционным развлечением. Обыкновенные (порой старые, всем знакомые) вещи представляем в таком виде и под таким названием, что после каждого розыгрыша несколько минут не смолкает дружный хохот. К лотерее готовимся заранее. За самый остроумный розыгрыш учредается шуточный приз.

Перед первомайскими днями отправляемся за город и привозим первые весенние цветы, красивый мох. В этот день к нам в дом приходит весна с ее красками и запахами. А вечером все вместе идем смотреть праздничную иллюминацию города.

Праздники у нас одинаково радостны и желанны для взрослых и детей.

В. Кадетова
г. Кемерово

Двое

Мы с мужем оба хотели сына. Когда он родился, счастью нашему не было предела. Появившемуся малышу отдавали все время и внимание. Были и бессонные ночи, и радостные минуты. И воспитание с самых пеленок. Об этом можно было бы написать целую книгу. Первая улыбка, первое слово, первые шаги... Игорь рос. Вот и первый класс. Сын становился самостоятельным. Я помню, как уехал он в пионерский лагерь. И впервые мы с мужем остались одни. Буквально не находили себе места.

Вот уже скоро год, как появился на свет наш второй сын — Егорка. У нас теперь два сына! Мы — счастливы, а вместе с нами и старший Игорек. Он словно преобразился с тех пор, как ему сказали: «За воспитание Егорки будешь отвечать и ты». Серьезно и задумчиво ответил: «Да, очень много человеку нужно, пока он станет настоящим. И я буду учить братика всему хорошему». Выписываем журнал «Семья и школа». «Мама, твой журнал пришел!» — кричит Игорек. Я отвечаю: «Журнал не мой, а наш!» Некоторые статьи мы читаем теперь всей семьей вслух.

Игорек уже в четвертом классе, совсем взрослый, и в то же время сколько в нем еще детства. А Егорка — это для нас повторение той радости, которую мы испытали в молодости.

Е. Мирошникова
г. Фрунзе

из переписки

Л. Русиной (Томская область): Запрещать дочери читать журнал для родителей не стоит. Если Вас беспокоит, что из журнала девочка узнает о воспитательных ошибках взрослых, то, право же, опасаться этого не надо. Дети очень наблюдательны, они видят недостатки взрослых и «невооруженным» глазом.

С другой стороны, если девочка будет читать журнал, то Вы сможете, обсуждая с ней статьи, говорить о многих серьезных и деликатных вопросах воспитания, семейной жизни, человеческих отношений. Родители часто не знают, с чего начать разговор на эти важные и трудные темы, а подростки стесняются высказывать свое мнение. Журнал как раз и помогает родителям найти общий язык с детьми.

В. Скопич (Гомельская область): Никаких особых упражнений для развития воли нет. Не надо ждать каких-то чрезвычайных происшествий, когда придется проявить силу воли, а тренировать ее на повседневных делах. Например: есть интересная книга, но надо садиться за уроки. Надо — так надо. Постепенно вырабатывается привычка делать то, что надо, а не то, что подсказывает безвольное «не хочется».

В. Казанцевой (Оренбургская область): Многие считают, что достаточно девочке подарить куклу и она будет с ней играть. Это не совсем так. Девочку надо научить заниматься с куклой. Не подавляя инициативы ребенка, можно придумать много занимательного: тут и «дочки-матери», и игра «в доктора», и «магазин». Когда с куклой интересно, она становится любимой игрушкой.

И. Телегину (Тамбовская область): Зубному врачу следует показывать ребенка 2—3 раза в год, а не ждать, когда зубы начнут болеть. Профилактический осмотр дает возможность захватить болезнь с самого начала, да и лечение на ранних стадиях заболевания не причиняет боли.

В. Кубариковой (Волгоградская область): Для заикающихся детей имеются специальные школы, где наряду с преподаванием общеобразовательных предметов ведется работа по устранению заикания. Адрес ближайшей школы можно узнать в отделе народного образования. В книге И. Абелевой и Н. Синицыной «Если ребенок заикается» (М., «Просвещение», 1969) рассказывается о том, как правильно построить занятия с заикающимся ребенком-школьником в домашних условиях.

Фантазёр

У нас растёт сын Рашидик, ему 5 лет. Мальчик развитой, знает все буквы, счет, пробует читать. Но уж очень он любит фантазировать! Стоит ему посмотреть какой-нибудь фильм или разговор услышать, как он тут же начинает пересказывать, но так, словно это с ним самим происходило. Если его не остановить, он может часами рассказывать, переходя с одной темы на другую. Хорошо все это или плохо? Как нам к этому относиться?

*Супруги Каневы
г. Тамбов*

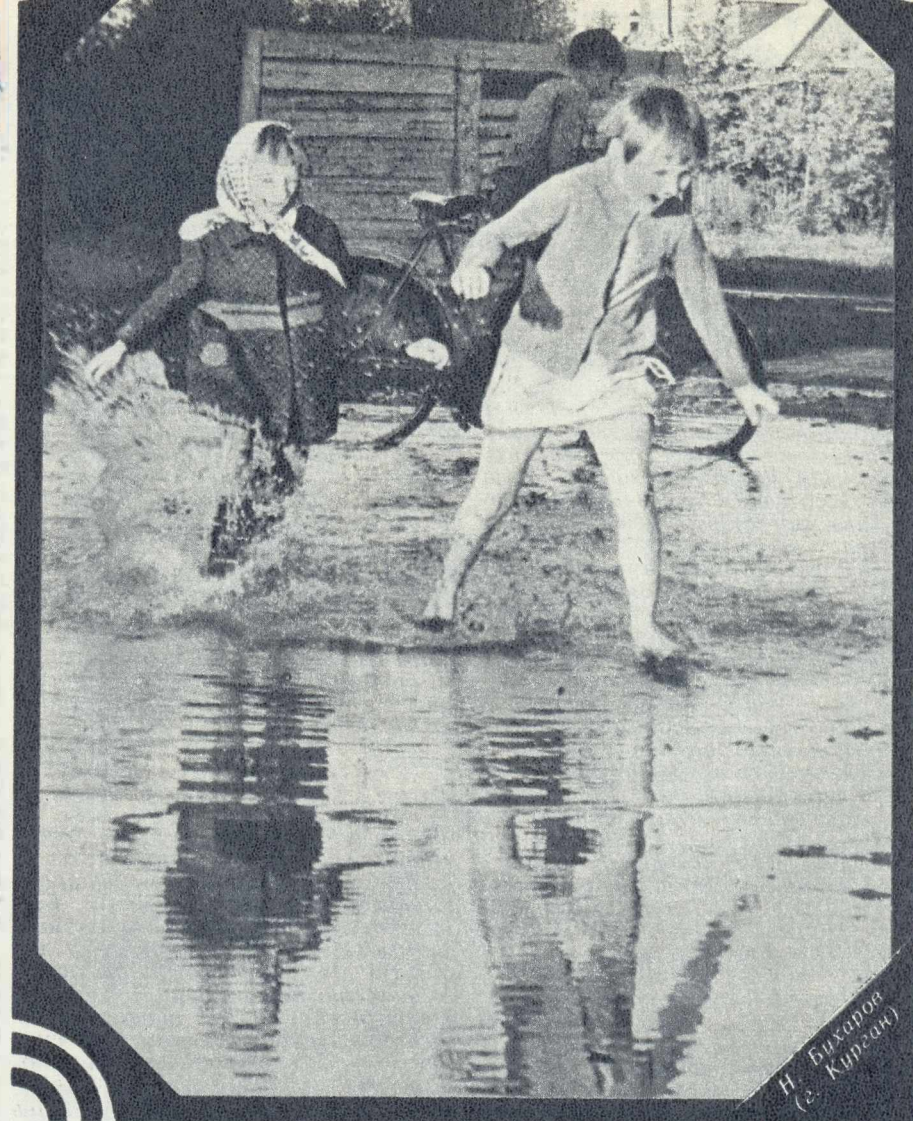
Воображение, и детское и взрослое, всегда опирается на реальные образы и представления, только по-новому их комбинирует. И сама способность к такому комбинированию уже показывает, что ребенок достиг довольно высокой ступени умственного развития. Ребенок учится играть, рисовать, строить. Все эти занятия, с одной стороны, развивают детское воображение, а с другой, открывают для него «поле деятельности». И любые «фантазии», которые помогают сделать интересной игру, воссоздать сказочный образ, придумать рассказ, безусловно, заслуживают одобрения. Но бывает, фантазия малыша прямо ни на какую деятельность не направлена. Дошкольник что-то рассказывает: частью это — отзвуки увиденного и услышанного, а частью — вымысел. Чем он вызван? Как к нему относиться?

Иногда в таких выдумках отражается стремление ребенка объяснить непонятное, причем недостаток знаний малыш с легкостью восполняет самыми фантастическими представлениями. Например, желая понять устройство радиоприемника, он говорит: «Там сидит такой человечек, маленький-маленький. Когда радио выключат, он ложится спать, а потом проснется и опять говорит».

В фантазиях дошкольника может отозваться и его «неудовлетворенность жизнью». Если ребенок получает мало новых впечатлений, если его занятия и круг общения однообразны, неинтересны, на помощь приходит фантазия. Например, малыш начинает придумывать, что он с папой ездил куда-то очень далеко на пароходе, ходил в цирк, видел там слона и т. п.

Бывает и так, что желаемые события дети искренне принимают за реальные. Девочке очень хочется новую куклу. Она мечтает, как станет играть с куклой, во что ее нарядит. И однажды она рассказывает подругам, какую замечательную куклу ей купили.

Еще один, широко распространенный в дошкольном возрасте вид

*Н. Бихаров
(г. Курган)*

фантазии связан со стремлением ребенка быть участником увиденного или услышанного. Например, кинофильм окончился грустно, а так хотелось, чтобы герой победил! Малыш мысленно становится на место героя и с криком «ура!» бросается на «врага». В старшем дошкольном возрасте такое перевоплощение может быть только мысленным: представляемые действия ребенок не изображает, а лишь говорит о них (по-видимому, у Рашидика чаще всего и проявляется подобное фантазирование).

Итак, воображение — качество, чрезвычайно нужное ребенку. Опасаться стоит лишь в тех редких случаях, когда ребенок не различает реального и вымышленного. Но и здесь не надо стыдить детей за выдумки, разоблачать их; просто постарайтесь научить малышей видеть разницу между настоящим и придуманным. Делать это можно по-разному. Например, в ответ на невероятный рассказ сына, сказать: «Хорошо придумал; если бы ты был командир, то обязательно бы

сделал так, правда?» Или на уверения, что с ним приключилась неправдоподобная история, заметить: «Это не с тобой было, а с другим мальчиком, про которого мы читали, но ты интересно об этом рассказывал». Или так: «Тебе очень хочется, чтобы так было, да?» Иногда ребенок любит поговорить о том, какой необыкновенный рисунок он нарисует, какой дом построят. В этих случаях надо направить стремление от слов к делу: «Нарисуй этот чудесный дом, а потом о нем поговорим».

Во всех случаях детского фантазирования особое внимание следует уделять деятельности детей. Если ребенок кроме рассказов-фантазий умеет заниматься разными делами (лепить, создавать постройки, делать новые игрушки, сочинять сказки, играть), развитое воображение принесет только пользу.

*Л. Левинова,
научный сотрудник
Института дошкольного воспитания
АПН СССР*

Девичий разговор

«Любви нет, а есть привычка», — изрекла Таня Гордиенко с видом превосходства, который ясно говорил мне: «Неужто веришь, что есть?»

Что греха таить, я и вправду верила в это — хотя бы на примере собственных родителей, беззаветно любивших друг друга всю свою жизнь.

На примере своей старой учительницы, прожившей полстолетия с преданным ей мужем, который и в преклонных годах, уезжая куда-нибудь ненадолго, писал ей нежные письма. Не говоря уже о примерах из жизни великих людей — примерах, всем известных и ставших классическими.

— О великих говорить не будем, — возражает Татьяна. — И вообще все это — старое поколение. Теперь все иначе...

Диспут о любви случайно вспыхнул во время похода. Завела его десятиклассница Таня, хорошенькая брюнетка, рьяная спорщица. Мама ее — заведующая гастрономом, отец — шофер, нередко выпивает. Все ясно насчет Тани. И еще нескольких человек тоже. Но остальные? Только три-четыре голоса из пятнадцати робко отстаивают «наивную» точку зрения; другие рубят сплеча:

— Не верю в любовь — и все! И никто не верит, только притворяются или стыдятся сказать о своих семьях! Ведь мы не маленькие и не слепые, все видим... Ну еще первые годы куда ни шло, а потом... Заса сывает быт, хлопоты, дети, квартира, теснота, материальные расчеты... Сразу вся любовь по боку, и романтика тоже...

— Верности тоже нет, — вставляет Зина Субботина. — Я с мамой в прошлом году в доме отдыха была, так, честное слово, уважение к взрослому потеряла. Почти все мужчины — лысые, толстые, у них, наверное, куча детей у каждого — ухаживают за женщинами почем зря, и те тоже с ними кокетничают. Смотреть противно...

Не сдается.

— Я согласна, бывают и нередко люди, которые ведут себя недостойно. Но неужели вы хорошего не видите? А Владислав Титов? Читали его «Всем смертям назло»? Про же- ну его знаете?

— Ну, это исключение!

— А «Русский характер» Алексея Толстого?

Общий шум. Татьяна энергично встряхивает кудряшками.

— Так это же все равно во время войны, давно было! И потом — книга!

Последняя фраза звучит пренебрежительно. Вроде бы копируют из Маяковского: «Мало ли что можно в

книжке намолоты!» А ведь сами пишут сочинения по художественной литературе, о целях и смысле жизни, о благородстве, о любви... Когда же они искренни?

— Ну хорошо, девочки, вот вам тогда пример самый-самый современный — о тридцатипятилетних. Согласитесь, что моложе брать нельзя: чтобы иметь какие-то выводы о прочности чувства и семьи, надо сделать проверку временем — так ведь?

Спасибо, хоть с этим согласны. Но от иронического тона сразу отказаться не могут. Толстушка Ира Петухова восклицает:

— Обожаю слушать про любовь!

Рассказываю им действительную историю.

Григорий и Антонина женились по любви, и все радовались, глядя на молодоженов — красивых, дружных, работающих. Шли годы. Родилась одна дочь, вторая... Обе не сходили, бывало, с колен отца. А мать, притворно сердясь на это «баловство», с тихой радостью любовалась своим семейством. И вот настал тот день — черный день... На производстве случилась авария, и ее муж, ее любимый Гриша потерял и правую руку, и зрение... «Лучше бы смерть», — в отчаянии прошептал он, придя в себя в больнице. Тоня думала иначе. «Жив! Самое главное — жив!» Глаза были целы, только не видели. А вдруг... Может, удастся? Она не теряла надежды. Начались поездки по больницам и клиникам, операции у известных профессоров... Но в конце концов Антонине сказали: «Сделать ничего нельзя». Уже пять лет женщина работает одна, выполняет все нелегкие обязанности сельской жительницы: содержит хозяйство, колет дрова и носит воду, готовит и стирает, работает в совхозе, растит детей и ухаживает за мужем, который в свою очередь старается ей во всем помочь — например, один пилит дрова двуручной пилой. Жена и дети читают ему вслух. Он очень любит, когда все собирается вокруг него — по-прежнему главы семейства, и тогда ему по-настоящему тепло и уютно. Что греха таить: человек он живой, и всякое бывало, и приступы отчаяния, и ревности, и необоснованных подозрений, и тоски, и скуки. И все-таки самое главное — любовь их обоих, Тони и Григория, не пошатнулась за эти годы, выдержала все испытания.

Татьяна молчит. Присмирели и все мои девчата. Смотрят, как изгибаются и трескаются в костре красные веточки, слушают, как в краях безрез шелестит ветерок. Чувствую по настроению, что они не хотят больше спорить и раздумывают уже не о слабости, а о силе любви, надеются, что и их не обойдет стороной настоящее чувство...

Сейчас я снова думаю об этом споре со школьницами. Почему он, собственно, возник, этот незапланированный диспут? Не потому ли, что... все-таки правы во многом мои дев-

чонки? Никуда не деться от того, что их юный опыт обогащается грустными примерами из жизни взрослых, где не редкость и скандалы, и разводы. А вывод из наблюдений мы предоставляем им делать самим, какой кто сумеет. Ну расскажу я еще об одной, двух или десяти удачных семьях — от этого мало что изменится. Хочется подчеркнуть основную мысль: и в школе, и дома у молодых надо постоянно воспитывать чувство ответственности за все, что связывает человека с другими людьми. Я не открываю, Америк и хочу только сказать, надо продолжать то, что мы в какой-то мере делаем, только работать в этом направлении больше, усерднее, систематичнее. Нужно, чтобы понятия любви и верности, гордости и собственного достоинства, мужественности и рыцарства, независимости и самостоятельности, а главное — долга и чести прочно укоренились в наших детях.

...Передо мной пачка писем, присланных в редакцию девушками, и почти все они — о любви. Это естественно для юного возраста. Но мне, читающей сейчас эти письма на тридцать четвертом году моей педагогической работы, видится между строчек упрек нам, взрослым, родителям и воспитателям. Прочтем вместе несколько выдержек, и вы поймете и, может быть, разделите мою тревогу.

«Мне нравился парень. Его звали Гена. Мы дружили семь месяцев. Потом он стал дружить с другой девушкой. Потом она уехала, а он вернулся ко мне. И сам же говорит, что у меня нет гордости. Разве он прав?»

«Я любила Юру. До этого у него была другая девушка, но он бросил ее и стал дружить со мной. Скажи, дорогая редакция, могу ли я верить этому человеку? Помоги, посоветуй!»

То что просят совета и помощи от незнакомых людей, это куда ни шло: бывает, незнакомому легче открыться, чем близкому. Хотя удивительно, что ни в одном письме (ни в одном!) не сказано, что советуют в трудном случае мать, отец, близкая учительница. Значит, об этом с ними не говорят, не принято говорить, опасаются говорить? Почему? Ответы содержатся в других письмах, таких одинаковых, будто они написаны под копирку.

«Вообще не разрешают дружить с мальчиком». «Говорят, что никакой любви в нашем возрасте быть не должно».

Видите, взрослые, обязанные воспитывать у молодежи чистые чувства, отгораживаются от нее своим страхом. Боятся плохого, но и хорошего не внушают, или внушают отвлеченно, не зная, не желая знать, что происходит в юной душе.

Вот множество писем о ссорах с тем, кого любишь. Авторам легко понять: в юности все воспринимается так остро, так захватывает все существо. И можно бы, казалось, толь-

ко любовать себя беспредельностью чувств, светло завидовать им. Но важен и повод для ссоры. Ссоры тоже бывают разные. Если они возникли из-за мелочи, пустяка, их уладить легко и просто. Тогда можно и уступить, и простить. Но случаются конфликты на глубоко принципиальной основе, связанные с унижением человеческого достоинства, с нарушением моральных норм, с прямым бесчестьем, говорящие о противоположных жизненных убеждениях и позициях. Так вот что тревожно: не умеют девушки разглядеть этой принципиальной основы!

«Никак не могу отучить Васю от грубых и нецензурных выражений. Он несколько не стесняется, при мне и моих подружках может сказать такое, что становится тошно и мерзко на душе. Как перевоспитать его? Он говорит, что ничего тут такого нет, это он просто «для связи слов» употребляет, а я не кисейная барышня. Подумаешь, рабочий человек сказал крепкое слово!»

Кто же объяснит этой девушке, что не всегда и не везде ее Вася будет так «выражаться»: он прекрасно понимает, где можно, а где нельзя; и, видимо, она сама виновата в том, что не сумела заставить себя уважать: спустила раз, другой. третий, упрекнула, мягко пожурила... Очевидно, надо было действовать иначе, более решительно, может быть, даже ультимативно: или-или! Видимо, боялась потерять Васю — тако-го...

«Моему другу наговорили на меня его товарищи. Он резко изменился по отношению ко мне, стал грубым, обзывал по-всякому, а один раз ударил. Подруги говорят: «Ревнует — значит любит», и я его простила».

Постойте, да видят ли в семье, в техникуме, где учится эта девушка, ее унижительную бабью покорность, и не только ее, но, по-видимому, и тех подруг, среди которых она выплакала свою обиду?

Можно в журнале написать о женской гордости, не одну хорошую лекцию на этот счет прочитать, но надо еще быть уверенным, что девушка сумеет соотносить свой случай, свои личные переживания с теми примерами, которые будут приведены со страниц и трибун. Нет, ко всему этому нужен, необходим кто-то опытный, старший, чтобы мог он подумывать именно вместе с этой девушкой над тем, что можно прощать, а чего нельзя, чтобы помог увидеть за «ссорой» грозящую ей неладную судьбу.

Вот письмо-жалоба. Только опять же не ситуацией оно интересно, а явлением, которое в нем отражено. Жалуется выпускница сельской школы:

«Он ушел от меня к «современной девушке», городской, которая курит, танцует шейк и твист, модно одевается и причесывается...»

Смотрите: выражение «современ-

ная девушка» стало синонимом всяческой вольности, развязности, не слишком большой щепетильности. А надо бы объяснить, что современный — это значит умный, образованный, честный, гуманный советский человек с очень развитым чувством собственного достоинства.

Пишет мать одного старшеклас-сника:

«Просто спасения нет от девчонок! С утра до вечера звонят моему Юрке: «Выходи на улицу, мы тебя ждем». Хихикают, болтают, визжат, перебивают друг друга... Моему сыну стыдно за них, он уже перестал подходить к телефону. Я один раз лежала больная, а парня дома не было. Звонит какая-то девочка: «Юрку можно?» Говорю, нельзя, мол, нет его, а я больна, с температурой, не звони, пожалуйста. Так верите ли — она за вечер еще раз шесть звонила, я узнавала ее по голосу: «Юры нет? Хи-хи-хи!» Как таких воспитывают? Да я бы не знаю что своей дочке сделала, если бы она так по-сдела».

Тоже «современные девочки»? Без предрассудков стеснительности, не задумывающиеся ни над словом, ни над поступком...

Прочтем последнее письмо:

«Почему только девушки должны иметь чувство собственного достоинства? А парни? Ведь речь должна идти о нормальной порядочности, о сохранении внутреннего человеческого достоинства, о поведении, которым должен владеть каждый. Почему только девушка должна уважать и беречь свое «я», свою честь? Почему редко говорят о том, где начинается и где кончается честь парня как человека?»

Прочтем это ясное и справедливое письмо и закончим тем, с чего начали: и в школе нам, учителям, и дома родителям, и в комсомоле нашим детям, нашей молодежи, нужно настойчивее прививать потребность нравственной взыскательности к себе и к другим. И пример здесь важен, и книга, и кинофильм, и горячий спор, и тихое совместное раздумье. Не годится только окрик — он разрушает доверие. Об этом тоже нужно помнить.

Лариса Захарова,
учительница

Сухой закон? Сухая привычка!

Один взволнованный читатель так откликнулся на мою статью об алкоголизме: «Считаю, что меры, принятые нашим правительством по усилению борьбы против алкоголизма, имеют эффект, но слабый. Лучшей мерой борьбы против пьянства явился бы резкое сокращение продажи водки. А затем в течение нескольких ближайших лет надо подвести нашу

страну к «сухому закону»...

О себе автор письма сообщил скупо: «Сам я бывший почитатель алкоголя... В настоящее время я практически непьющий. Запах и вкус водки мне отвратительны. Бросил пить, как ни странно, после того, как побывал в заключении. А попал туда из-за водки. За годы лишения свободы много передумал и сделал вывод: если буду пить в дальнейшем, то много в жизни потеряю...»

Письмо это привлекает внимание парадоксальным обстоятельством: чем горячее автор доказывает необходимость «сухого закона» для искоренения алкоголизма, тем все более беспомощной выглядит его позиция.

Но, очевидно, в данном конкретном случае человек опирается на свой опыт: может, ему помог «сухой закон», установленный в местах заключения? Пожалуй, даже сам автор письма на первое место ставит другое: бросил он пить потому, что много передумал и сделал правильный вывод — дальше так жить невозможно. И вот вышел на волю, где нет «сухого закона», и не пьет... Значит, трезвенником сделали его серьезные размышления и волевое решение, принятое в результате осмысления трагического, рокового стечения обстоятельств.

Довольно часто любители спиртного ссылаются на то, что пьют потому, что «все пьют», «есть что пить», «кругом — пьющие». Но никто из бросивших пить не приводит такую очевидную, казалось бы, причину: бросил потому, что нечего и не с кем выпить. Причины антиалкогольного прозрения всегда более серьезные и глубокие. Наверное, и причины пристрастия тоже лежат не на поверхности быденной привычки: как все, так и я?

Вспоминается мне Николай А. Обычный печальный путь: когда-то старательный работник, он стал халтурить и прогуливать; еще недавно заботливый муж и отец — начал буйствовать и скандалить дома. Лечился он неохотно, искал любого повода, чтобы уклониться от процедур.

Через два месяца после выписки из больницы Николай снова запил... Объяснял нам, что не может не выпивать потому, что «вокруг все пьют и как же я буду среди всех один непьющий», его «за человека считать не будут».

И так несколько раз: поступал в больницу, лечился и снова запивал. Но конец всегда бывает: алкогольная гипертония, тяжелый инфаркт.

А вот сейчас, удрученный своей инвалидностью и беспомощностью, он ждет от нас исцеления. Ну, а со злостной привычкой сейчас как?

— Да что вы! Мне такое и в голову не приходит. Я даже курить бросил!

Значит, и этот не пьет, хоть рядом прежние приятели-выпивохи и водку в магазинах продают. Выходит, не в «сухом законе» дело, а в понимании и осознании своей беды и

вины, в строгом контроле над собой. Оба человека, о которых я рассказывал, вернулись к нормальной жизни только потому, что взяли себя в руки. поняли, что причиной и предпосылкой к пьянству была не компанейская рюмочка, а их собственная психологическая неустойчивость и нравственная слабость.

И я глубоко убежден: никакие запреты, а только осознанная необходимость и твердое решение отказаться от алкоголя может сделать из пьяницы трезвенника. Без этого человек будет пить, как ни ограничивай продажу спиртных напитков. Такой любитель обойдет «сухой закон», путив в ход даже не вино или пиво, а самогон, политру и другие «подходящие» жидкости. Не потому человек пьянствует, что стоят на прилавках магазинов бутылки с привлекательными этикетками — совсем не потому. Пьянствуют те, у кого есть желание употребить алкоголь, а желание рождается из потребности...

Вот тут, я чувствую, и вступит в бой тот самый читатель, который, как и автор сердитого письма в редакцию, считает, что наилучший выход — алкоголь запретить вообще, а пьющих «безжалостно карать», «лишать», «сажать в тюрьму» и т. д. Что же, я готов к разговору.

Читатель: Из потребности в приеме алкоголя, вы говорите, рождается желание выпить. Но откуда появляется эта потребность? Опять же потому, что соблазняет она, бутылка проклятая... Ведь так же это?

Автор: Можно считать, именно на этот вопрос прекрасно ответил знаменитый писатель Джек Лондон. Вот что он сказал об алкоголе: «...Он вечный обманщик. Он придает ложную силу и ложное воодушевление, он приукрашивает то, что на самом деле выглядит очень и очень скверно... Он предлагает вам легкий исход — и лжет, лжет от начала до конца».

Потребность привести себя в состояние опьянения — это прежде всего потребность обмануть себя в себе самом: трусу представить себя храбрым, застенчивому — развязным, замкнутому и угрюмому — общительным и приветливым, жадному — щедрым. Ведь в состоянии опьянения человек ощущает себя не таким, как он есть, а таким, каким ему хочется быть. Происходит как бы компенсация порочными средствами того или иного изъяна характера, дефекта личности. Порочными средствами — порочная компенсация...

Читатель: Выходит, пьянство всегда определяется прежде всего изъянами в самом человеке, недостатками характера?

Автор: Бывает и пьянство, которое можно назвать ситуационным. Но опять-таки в итоге мы приходим к тому же самому: к личности человека. Ведь если человек, оказавшийся в непривычной или трудной ситуа-

ции, не находит в себе силы, чтобы преодолеть неловкость или трудности и идет по пути наименьшего сопротивления, то есть пьет — значит, он слабоват, нестойк. И очень важно, чтобы близкие люди, окружающие этого безвольного человека, сумели своевременно ему на это указать, правильно поставить диагноз — определить психологические предпосылки пьянства. Вот это самый результативный путь борьбы с пьянством: сначала выяснить психологическую зависимость человека от алкоголя и затем оборвать связь, питающую эту зависимость. И конечно, доказать прежде всего самому человеку, что именно это ему необходимо.

Читатель (удивленно): Значит, вы считаете, что главное в борьбе с алкоголизмом — антиалкогольная пропаганда? Но ведь в каждом книжном магазине на прилавках полно брошюр, рассказывающих, что «пить плохо, а не пить хорошо». В здравпунктах, поликлиниках, клубах на стенах устраивающие плакаты с изображением «зеленого змия». Лекции разные проводятся. Пьяниц пугают, а им не страшно. На них мало действует антиалкогольная пропаганда.

Автор: Я имел в виду даже не антиалкогольную пропаганду, а антиалкогольное воспитание, что гораздо шире. Антиалкогольная пропаганда — это только часть такого воспитания. Антиалкогольное воспитание, на мой взгляд, включает все, что изо дня в день способствует развитию у человека стойкой нетерпимости к пьянству.

Читатель (иронически): Тогда, наверное, вы знаете, как надо это делать, и рецепты у вас есть?

Автор: К сожалению, нет одного рецепта для всех обстоятельств жизни. Каждый случай требует индивидуального подхода. Особенно важно это для подростков, юношей: умение к месту и ко времени найти самое нужное действие, самое главное слово, что упадет в душу подростка и даст полезные всходы.

...Пришел юноша домой в нетрезвом состоянии. Разгневанные родители тут же выдают мощную лекцию о вреде спиртных напитков — как правило, из самых холодных, штампованных фраз. Или, что еще хуже, просто «выливают» ушат брани.

Конечно, рассерженному отцу в тот момент трудно собраться с мыслями и силой воли и поступить совсем по-другому. Надо ведь спокойно побеседовать с провинившимся сыном, заглянуть в душу, разобраться в его переживаниях, понять, что привлекает его в пьянке, от чего он там прятается. И может оказаться, что огорчения-то серьезные. Не нашел парень себя в избранной профессии, не по душе она ему — а отец и не подозревает. Или трудно юноше в новом коллективе: конфликт какой-то с руководителями, поссорился или не нашел общего языка с товарищами. Вот и пытается выйти

из трудной ситуации, выбрав путь сомнительного утешения — выпивку. В таком случае мало бесед, можно и нужно пойти подростку навстречу, обратившись к помощи коллектива.

Чаше тяга к выпивкам коренится в самом характере подростка — чрезмерной робости, ранимости, мешающей ему делать первые шаги в самостоятельной жизни. И тут все будет тоже сложно, и ругань не поможет, а нужно понимание и большой семейный труд, направленный на перестройку личности.

Антиалкогольное воспитание — это задача огромной важности. Необходимы на эту тему исследования и научно-популярные статьи, конкретные советы для педагогов и родителей. Заниматься воспитанием нетерпимости к алкоголизму должно каждому. А этому нужно учиться. Ведь воспитание-то должно быть дифференцированным для разного возраста...

Читатель: Этак вы посоветуете начинать антиалкогольное воспитание в детском саду...

Автор: А почему бы и нет? Только ни в коем случае не лекции или беседы о вреде алкоголя. Но ведь нравственные акценты могут быть поставлены и в детсадовском возрасте. Ну, допустим такое: идут парами по улице карапузы, а навстречу им бредет, пошатываясь, подвыпивший дядя. Бывает такое? Увы, случается. И у дитяшек разгорается любопытство, названное великим физиологом И. П. Павловым рефлексом «что такое», очень живым и сильным у детей.

— Мария Ивановна, что с дядей, почему он шатается?

— Мария Ивановна, а чего это он поет?

Мария Ивановна может отмахнуться от таких вопросов. Может сказать, что дядечка «ничего, еще нормальный...» Может быстро увести детей, пробурчав, что рано им знать такое, успеют узнать, когда вырастут. Но может Мария Ивановна поступить по-другому: на доступном для ее слушателей уровне сказать, что нехорошо поступает этот дядя, и сам он выглядит отвратительно, и его маленьким деткам плохо приходится. Пройдут годы, детишки подрастут, и, может быть, эти слова останутся зарубкой в их памяти, лягут в основу эмоционального, а позже и осознанного разумом неприятия, отвращения к алкоголю и пьяницам.

Итак, я за плотную, накаленную до предела нетерпимость к пьянству, воспитываемую с самого детства, когда только еще начинает складываться отношение маленького человека ко всему, что его окружает. И это воспитание должно идти везде — от семьи и школы до института и рабочего коллектива, где будет еще складываться характер и шлифоваться мировоззрение молодого человека. Только создав такую атмосферу нетерпимости к пьянству,

можно нанести алкоголизму ощутимый удар.

Читатель: Позвольте! А как объяснить, когда в хорошей, как принято говорить, «благополучной» семье, где выпивка запрещена «под страхом смерти», дети становятся алкоголиками?

Автор: Бывает, к сожалению, такое. Но в каждом случае, если его внимательно проанализировать, откроется одна и та же причина: воспитание домашнее не выдержало конкуренции с порочным и сильным алкогольным воспитанием уличного окружения или компании приятелей, «выпивох». А это, на мой взгляд, происходит потому, что родители воспитывают у подростка не сознательное отрицание пьянства, не неприятие его, а именно, как вы говорите, страх перед ним — страх, который рано или поздно обернется нездоровым любопытством, желанием испытать «сладость запретного плода».

...Однажды к нам в больницу поступил человек двадцати пяти лет, увидел его другой больной, и глаза вытаращил от удивления:

— Я с этим Славкой в одном дворе вырос. Никогда бы не предположил, что он сопьется! Его мама до пятнадцати лет за ручку водила и от нас, «хулиганов», оберегала, особенно от меня, ведь у меня и отец, и мать — пьяницы...

Так в одной точке закончились два жизненных пути, сошлись результаты двух методов воспитания. Один — с повседневным пьянством родителей на глазах у ребенка, их развращающим «соблазнительным» примером. Другой — с замалчиванием и запугиванием, создающим в детской душе тягу к запретному. Вместо правильного, здорового, нетерпимого отношения к пьянству родители наградили юношу страхом и неведением, а это всегда — плохие союзники. Ведь помимо семьи есть много мест, где юноша обязательно наткнется на то самое шило, которое пытались от него спрятать. И человек оказывается безоружным, незащищенным перед наступившим на него пороком.

Читатель: Ну, ладно... Тут ребенка запугали. Но ведь есть и другое: у ваших больных-алкоголиков вырастают дети, убежденные, непримиримые враги алкоголизма. А ведь эти дети, разумеется, никакого вашего «антиалкогольного воспитания» в семье не получили...

Автор: Убежден вот в чем: эти парни как раз получили антиалкогольное воспитание. Ведь и из дурных обстоятельств человек порой делает правильный вывод. В тех случаях, о которых мы с вами сейчас говорим, развращающий пример родителей-пьяниц обернулся своеобразным и сильным противодействием. Одни и те же примеры могут на разных людей и в разных ситуациях действовать по-разному — это тоже во многом зависит от склада психо-

логии человека. Сказывается тут и здоровая направленность рабочего или учебного коллектива. Хорошее влияние товарищей и друзей помогает противостоять и одержать верх над тем порочным, что прививалось юноше в семье. Мне вспоминается одна такая семья. Отец — алкоголик, мать тоже нередко являлась домой пьяной, старший сын — любитель выпить, не раз судился за хулиганство. А младший — совсем другой, студент-математик, мастер спорта по боксу. Видимо, школа сумела дать ему все то, что другая школа не сумела привить старшему: любовь к наукам, литературе, театру, спорту, самостоятельность и ответственность в поступках. Здоровые увлечения и интересы защитили душу подростка от пагубного влияния семьи. Мой опыт позволяет мне сказать вот что: в семьях алкоголиков вырастают либо алкоголики, либо непримиримые и последовательные противники пьянства. Среднего, как правило, не бывает.

Читатель: Значит, все дело действительно в антиалкогольном воспитании?

Автор: Еще точнее — в воспитании в целом. Чем гармоничнее развит человек, тем менее он подвержен опасности пьянства. Алкоголизм пробирается в изъяны личности, как стремительный и напористый поток отыскивает малейшие трещинки в плотине, ставшей у него на пути. Человек со здоровой, пластичной, гармонично развитой психикой, с широкими интересами и духовными запросами не станет предаваться пьянству. И наоборот, черствость, эгоизм, слабоволие, узость кругозора, постоянное стремление ставить собственные интересы выше интересов коллектива и общества, переоценка собственной личности или недооценка ее, то есть все отрицательные черты характера, сложившиеся в значительной мере под влиянием неправильного воспитания, раньше или позже могут стать благодатной почвой для пышного роста алкоголизма.

Читатель: Убедили, убедили... Я тоже за правильное воспитание — общее, так сказать. Но все-таки как с этим антиалкогольным быть?

Автор: Основа этого специального воспитания — наша общая ненависть к пьянству. Если на факты выпивки мы будем реагировать остро, с нетерпимостью, то и подростки и юноши проникнутся этим духом. А снисходительность, такое панибратское похлопывание пьянчужек по плечу — ну выпил, ерунда, дескать, с кем не бывает... — это ведет к беспринципному поощрению алкоголизма. И не стоит прятать свою слабость за криками о «сухом законе». У нас должна быть сухая привычка!

Г. Малтынский,
врач-психиатр

Журнал и читатели

О чем нам пишут

Наши постоянные читатели, видимо, уже привыкли к тому, что ни один номер «Семьи и школы» не обходится без разнообразных материалов, которые можно было бы для краткости обозначить «Из почты журнала». Над ними стоят различные рубрики — «Письма», «Из переписки», «Советы», «Ответы», «Размышления над письмами», «Отклики» — но их объединяет то, что все они имеют своим истоком письма отцов, матерей, педагогов...

Но этим, разумеется, не исчерпывается роль читательской почты в журнале. Многие заметки и очерки, вошедшие в рубрику «Родительский опыт», даже если и не написаны самими читателями, подсказаны ими. Многие статьи по тем или иным проблемам воспитания, даже если они и не сопровождаются прямым вопросом читателя, тем не менее — отклик на типичные вопросы, встречающиеся в нашей почте.

Так что, в сущности, по самим журнальным страницам легко представить себе, о чем нам пишут.

Мы радуемся тому, что наша почта становится все более содержательной, что практически в каждом из тысяч писем, которые мы получаем ежемесячно, — интересные наблюдения над детьми, драгоценные крупицы родительского опыта, рассказы об удачах и сомнениях, отклики на журнальные публикации.

Наибольшее число откликов пришло на «журнал в журнале», посвященный воспитанию девочек (в № 9 «Семьи и школы» за 1973 год). И не только от родителей, но и от подростков. Одни с радостью пишут, как крепка и нежна дружба с мамой, другие с горечью признаются, что мама — вовсе не друг, часто бранит, не понимает, с любопытством читает тайно письма, которые приходят на имя дочери. Прислушайтесь, мамы и папы!

Широкие отклики вызвал очерк Ал. Кондратьева «Кукла». (В нем, как вы помните, рассказывалось о лекомысленном отношении взрослых к решению усыновить ребенка). Многие сообщали, что хотя бы девочку в свою семью, просили сообщить адрес автора очерка, написать, где сейчас находится девочка, о которой было рассказано. Очень трогательные отклики... Мы ответили всем, приславшим письма, что история эта — из лет прошедших, что кончилась она хорошо, девочка выросла

среди друзей, заканчивает школу...

Отклики вызвали публикация под рубрикой «Хотите поспорить?» — письмо Д. Воронцова «О любви и взаимности», статья Л. Захаровой «Брак по расчету?» Часть откликов была опубликована в журнале. Мы надеемся, что эта новая рубрика привлечет в журнале, что читатели будут ждать ее, откликаться.

Хорошо приняли читатели и новую нашу рубрику «Из переписки». В ней мы отвечаем на письма без адреса, на общие вопросы, которые могут заинтересовать многих.

Редакция ведет большую переписку с читателями по почте. На письма отвечает консултанты журнала — педагоги, психологи, врачи, юристы, музыканты, писатели. И мы с удовольствием отмечаем, что наши консултанты часто получают ответные письма, в которых говорится, как пригодились их советы, как родителям стало легче справиться с трудными вопросами воспитания.

Радует нас, что читатель обращается к журналу, как к другу и советчику. А с другом делиться не только радостями, но порой поведать и горе, попросить помощи. Журнал всегда готов стать на защиту интересов детей, семьи. Многие письма, особенно конфликтные, посылаются на расследование; в случае необходимости мы просим о вмешательстве общественных организаций, отделов народного образования.

Мы надеемся на то, что участие читателей в журнале будет постоянно расширяться. Ждем, как всегда, ваших интересных писем. Писем-размышлений, писем-наблюдений, писем-вопросов.

С кем мы встречались

Читательские конференции и устные выпуски «Семьи и школы» состоялись:

В *Москве* — в Колонном зале Дома союзов, в Центральном Доме Советской Армии, на заводах имени Карпова, имени Орджоникидзе, на республиканских курсах методистов по работе среди детей и подростков (Министерство культуры РСФСР), на семинаре клубных работников и общественности жэков, в институте повышения квалификации работников парков культуры и отдыха, в юридическом отделе Совета Министров СССР, во всесоюзном объединении Медэкспорт, в Доме культуры имени Павлика Морозова, в школе № 79 имени Маяковского.

В *Московской области* — во Дворцах культуры имени Карла Маркса и «Октябрь» города Электросталь, на Косинской трикотажной фабрике, в Доме работников просвещения города Коломны, в Домодедовском Дворце культуры, на собрании родительского актива в Калининграде.

В *Ленинграде* — во Дворце культуры имени Кирова, в отделе народного образования Василеостровского района.

В *Душанбе* — на текстильном комбинате и мясокомбинате, на фабрике «Ширин».

В *Курган-Тюбе* — на трансформаторном заводе и азотно-туковом комбинате.

В *Нуреке* — на строительстве Нурекской ГЭС.

В *Жданове* — на заводе тяжелого машиностроения, у строителей стана «3600», у учителей Ильичевского и Орджоникидзевского районов города, во дворцах культуры строителей и «Искра».

В *Тамбове* — на химвмострое, в цехах фирмы «Цна», на курсах усовершенствования учителей.

В *Кирове и Кировской области* — на собраниях учителей и родителей ряда городских школ, в поселке Мирный и в совхозе имени 50-летия СССР.

В *Таганроге* — у учителей и работников внешкольных учреждений.

В *Новополюцке* — на семинаре заведующих детскими секторами и методистов дворцов и домов культуры Белоруссии.

Продолжал работу родительский университет в *Звездном городке*.

Мы благодарим авторов журнала, принявших участие во встречах с читателями: члена коллегии Министрства просвещения СССР, начальника Управления учебных заведений В. Розова, доктора медицинских наук М. Жилинскую, писательницу Л. Исарову, кандидатов психологических наук Т. Драгунову, Ф. Ипполитова, кандидата педагогических наук И. Макарова.

Подписчиков стало больше

В 1974 году возросло число подписчиков «Семьи и школы». В этом большая заслуга местных партийных, советских органов, учителей, работников агентств Союзпечати, общественных распространителей. Значительно увеличилось число читателей нашего журнала в Архангельской, Иркутской, Куйбышевской, Московской, Мурманской, Пермской, Свердловской, Тамбовской, Черкасской областях, в Уфе, Горьком, Куйбышеве, Ленинграде, Москве, Новосибирске, Свердловске, Челябинске, в Якутской АССР.

Редакция благодарит директоров школ П. Сидоренко (г. Нальчик), П. Гармаша (г. Минеральные Воды), учителя А. Шихова (г. Углич), работников Черкасского областного агентства Союзпечать товарищей В. Турскую, В. Лузана, В. Крицкого, Н. Шеремета за активную пропаганду «Семьи и школы».

Нам хочется привести здесь выдержки из письма старшего инструктора Черкасского областного агентства «Союзпечать» Г. Д. Ганелина о том, как шла подписка на журнал, в надежде, что друзья журнала не преминут воспользоваться интересным опытом:

«На родительском собрании Золотоношской средней школы шел раз-

говор о воспитании детей. В заключительном слове директор школы Андрей Федорович Третьяк рассказал о журнале «Семья и школа». Оказалось, что многие родители впервые услышали о нем. После собрания многие выписали журнал. Но работа по пропаганде журнала продолжалась. Она проводилась на собраниях, в беседах, на читательских конференциях, где обсуждались наиболее интересные материалы, помещенные в «Семье и школе».

В 1972 году, когда эта работа только началась, на школу, где более шестистот учащихся, выписывалось всего 11 экземпляров журнала. А сейчас «Семью и школу» получают 244 семьи.

На инициативу школы обратили внимание в районе. О журнале рассказала своим читателям районная газета «Прапор Ленина», школы получили аннотацию на журнал.

Так началась работа по популяризации «Семьи и школы». Начальник и инструктор отделения «Союзпечать» были частыми гостями в сельских школах. Вместе с общественным активом, классными руководителями и пионервожатыми они выступали на родительских собраниях, читательских конференциях, разъясняя, как может помочь журнал в воспитании детей.

В 1972 году подписка на «Семью и школу» по району составляла 169, в 1973 уже 1175, а на 1974 год — 2537 экземпляров.

Нашим областным агентством «Союзпечать» при проведении подписки на 1974 год распространению журнала уделялось большое внимание, конечно, наряду с другими изданиями.

По нашей просьбе редакция прислала подробную аннотацию на журнал, отпечатанную затем четырехтысячным тиражом и вместе с письмом областного отдела народного образования разосланную всем школам области.

Аннотация передавалась по местному радиовещанию и была помещена в областной газете, в районных газетах. Ходу подписки на «Семью и школу» уделял внимание обком партии. Этот же вопрос обсуждался на учительских конференциях.

И вот — результат. Подписка на журнал «Семья и школа» в сравнении с 1973 годом по области выросла более чем в три раза и сейчас составляет 16 822 экземпляра. Это значит, что 11 752 семей стали новыми подписчиками журнала.

Редакция сердечно благодарит всех товарищей, принявших в Черкасской области такое живое участие в распространении журнала. Это ведь, собственно говоря, даже не о самом только журнале забота — это внимание к насущным вопросам педагогической пропаганды, внимание к столь важным сегодня для всех вопросам воспитания подрастающего поколения.

ломать деревья, им тоже больно. Я сломал веточку, а бабушка говорит: бессовестный ты человек, дереву тоже больно».

Значит, мальчика учили видеть мир не только глазами, но и сердцем.

В учительской нашей школы слышу разговор классной руководительницы Лидии Ивановны Ласкиной с матерью Володи К. Мать рассказывает, что ночью Володя плохо спал, тяжело вздыхал, даже всхлипывал. А утром говорит, что во сне видел птенцов, которые жалобно протягивали клювики... Признался, что вчера, когда они с классом ходили в лес, он там из рогатки убил (говорит, нечаянно!) птичку, а у нее маленькие... И — в слезы!..

Что же так подействовало на Володю? Мальчишки — народ не очень сентиментальный. Стрельба из рогаток, разорение птичьих гнезд для некоторых из них не столь уж необычное занятие.

Дети видели, как Володя целился рогаткой. Видели, как из гнезда выпала птичка. И как оттуда, вытиснув голые шейки, выглядывали и пищали беспомощные птенцы. Когда подошла Лидия Ивановна, ученица Маруся Коляда держала в дрожащих ладошках убитую птичку. Учительница посмотрела на гнездо и сказала: «Теперь они останутся без матери и погибнут. Подумай, Володя, что ты наделал!» Повернулась и пошла. Дети молча двинулись за ней. На месте остался один Володя.

Конечно, можно было накричать на виновника, отнять рогатку, наказать его. Но Лидия Ивановна сделала больше — она сумела передать детям и особенно Володе всю силу собственной потрясенности свершившимся. И его непоправимость. Она оставила мальчишку наедине с последствием собственного поступка, дала ему испытать сознание вины. Он понял, как велико горе товарищей, горе, причина которого — он.

...Вот уже вторую перемену за мной по пятам ходит третьеклассник Ваня Суздальцев. Хочет что-то сказать, но никак не осмелится. Стыдно!

А дело заключается в том, что я присутствовал на уроке, когда Ваня читал домашнюю работу по математике. Решение задачи он читал бойко, казалось, уверенно. Но когда учительница попросила дать объяснения по ходу решения, Ваня не сумел этого сделать. На вопрос же, кто ему помогал дома, ответил: никто. И оказывается, обманул!

Он уже успел покаяться в своей лжи, но Клавдия Петровна ему напомнила, что на уроке она была не одна. И теперь Ваня «обхаживал» меня. Конечно, формально он мог не посвящать меня в эту историю, ведь я был лишь посетителем на уроке. Но напоминание учительницы и собственная совестливость не позволяли ему уклониться от признания.

Если первоначально стыд возникает под прямым воздействием отношения окружающих к проступку, то в дальнейшем его может вызывать сама мысль о том, как другие отнеслись бы к этому проступку. Совестьливый ребенок, провинившись в школе, испытывает неловкость перед родителями, хотя они могут об этом и не узнать. В конце концов, каким бы «тайным» ни был дурной поступок, всегда есть свидетель — сам виновник. Эта неловкость идет не только от страха порицания или наказания, но от стыда перед самим собой. Так формируется чувство совести.

Наоборот, при недостатке нравственного развития возникает и укрепляется бесстыдство, некая безотчетность в стремлениях и поступках.

Вспоминаю, как на заседании совета общешкольной при детской комнате милиции было рассказано о таком случае:

«Сажу я с удочкой на берегу Бокhovenки. Клева нет, досадно. Курю. Смотрю, подходит ко мне с половым удилищем Женя Сорняков, шестиклассник из нашей школы. Поздоровался и сел. Обижается, что клева нет, да и удище полома-лось».

— Попадет мне от папани. Удилище ведь новенькое. Папаня для себя купил.

— Тебя наказывают дома? — спрашиваю.

— Когда как, — неохотно отвечает Женя.

— Бьют?

— Иногда. А то в кино, на мороженое денег не дают, если провинюсь.

— А как же ты тогда?

— У папани беру.

— Как это, беру?

— Ну из кармана...

— Не боишься?

— Так он же не видит!

— И не стыдно тебе?

— А никто ж не узнал.

— Но ведь ты-то знаешь, что ворует. Неужели тебя совесть не мучает?

Смотрит на меня Женя с недоумением. Видно, не понимает, что это за штука — совесть. Для него самое главное: лишь бы не узнали!

Слушая этот рассказ, я подумал и о другом. О той откровенности, с какой мальчишка рассказывает чужому взрослому о своих проделках. У него одна забота: «лишь бы не узнали», и одна боязнь — боязнь наказания.

Откуда же вырастают такое бесстыдство, бессовестность? Очевидно, из тех грубо упрощенных отношений, которые сложились в семье между родителями и сыном: провинность — наказание. Тут не возникает, да и не может возникнуть потребность самому оценивать свои поступки. «Самоконтроль» подростка имеет утилитарную цель — лишь бы не попасться!

Голос совести

Мы много говорим и пишем о необходимости учить детей мыслить. Но значительно реже вспоминаем, что надо учить их и чувствовать. Эмоции тоже нуждаются в воспитании, упражнении, развитии. Нельзя забывать: в годы детства и юности человек особенно интенсивно живет чувствами, они оказывают сильнейшее влияние на все стороны его психики. И то, каким будет эмоциональный опыт первой поры жизни, во многом определит культуру поведения и качества характера человека в годы зрелости.

Ничто так ясно не говорит о нравственности человека, как то, чего он стыдится и чего не стыдится. Стыд и совесть выступают как бы регуляторами нравственного поведения. Но стыд, в отличие от совести, носит более внешний характер. Человек переживает свои поступки под влиянием отношения к ним окружающих. Совесть сложнее. Она есть собственный суд над своими поступками и выражает стыд перед самим собой, предполагая тем самым наличие уже определенного нравственно-госамосознания.

Мой многолетний педагогический опыт позволяет утверждать, что уже сравнительно рано детям доступны угрызения совести. Ребенок, если он правильно воспитывается, ощущает потребность признаться, повиниться в своем поступке. Такого ребенка не нужно наказывать, он глубоко переживает и укоризненный взгляд и осуждающее молчание взрослого. Ведь наказание — «расчет» за содеянное, оно в какой-то мере освобождает ребенка от чувства вины. А тут ему приходится судить самого себя. И в конце концов только это имеет действительную нравственно-воспитательную ценность.

Вспоминаю пятилетнего Стасика. Его как-то спросили: «Кем ты хочешь быть, Стасик?» И тот ответил: «Хочу быть совестным человеком». Поначалу все подумали, что это — простое повторение услышанного от старших. Мальчика переспросили: «Как это — совестным человеком?» Стасик объяснил: «Не обижать животных. Никого не обманывать. Не

Во многих семьях все внимание родителей сосредоточено на том, как выглядит в дневнике успеваемость их детища. Такая порой честолюбивая озабоченность ничем общего не имеет с подлинной заботой об успешном учении и развитии ученика. Более того, она приковывает и его внимание к внешней стороне своих успехов. А если его постигает неудача, то он старается скрыть ее.

Мне, как преподавателю словесности, задачу воспитания совести у детей приходится, в первую очередь, решать на своих уроках. Приступая к изучению нового художественного произведения, я всегда задумываюсь, как с его помощью буду пробуждать чувства добрые, чтобы приблизить детей к пониманию нравственных правил, составляющих моральный кодекс строителей коммунизма.

В четвертом классе читаем очерки из «Мещерской стороны» Паустовского. Восхищаемся поэтическими картинами родной природы и начинаем разговор о значении лесов и рек, озер и лугов, хлебных полей и богатых плодами садов. Беседуем о необходимости беречь природные богатства, доходим до мысли, что недозрелый человек портить, топтать, ломать, разорять то, что создано великим художником — природой. Пусть и нет на лесной поляне таблички «Запрещается». Запрети себе сам оставлять дурной след. Это стыдно, это не позволяет тебе совести.

Вот рассказ Гриши Коваленко: «Прибежал я из школы домой, открыл калитку — Рекс лежит на дорожке. «Пошел вон, — говорю, — ишь разлеся!» Я перепрыгнул через собаку и побежал домой. Потом гляжу, лежит он в палисаднике, заднюю лапу лижет. Подошел, зову, а он не поворачивает головы. Ранили его, видно, в собачьей драке. Я сделал перевязку. Но мне и сейчас стыдно, что я зря обидел его. Он уже ластится ко мне, а мне стыдно смотреть ему в глаза».

Не знаю, так ли всю было, как рассказывал Гриша. но ведь важно само направление его чувств и мыслей. Невольно вспоминаешь слова Чехова: «Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой».

Для грамматического разбора я нередко использовал афоризмы, которые могут заставить ребят задуматься. Например: «Закон, живущий в нас, называется совестью. Совесть, собственно, есть применение наших поступков к этому закону» (И. Кант); «О совести, наших дел закон и обвинитель, свидетель и судья» (В. Жуковский); «Берегись всего того, что не одобряется твоей совестью» (Л. Толстой). Я не жалел времени на то, чтобы до класса дошел смысл этих важных слов.

Вспоминается встреча школьников со столяром Евдокимом Шубенко. Он говорил о красоте творческого труда, о том, что каждый человек

должен оставить свой след на земле. Особенно их поразили слова: «Всю жизнь я стремился видеть себя. И всю жизнь мне хотелось знать, как меня видят люди». На другой день ребята допытывались у меня: «Как это видеть себя? Не в зеркале, конечно?»

Мы потом много беседовали о внутренней нравственной жизни человека, об умении слышать голос совести, который спрашивает: помогаешь ли ты людям или ждешь лишь заботы о тебе? Что ты требуешь от людей и что сам им даешь? Задавать себе такие вопросы — это и есть умение видеть себя со стороны. Тогда острее станет потребность добра и непримиримость ко злу, стремление во всем соблюдать собственное достоинство.

Убежден, что такие беседы нужны подросткам и юношам. Скажу больше: ученики любят и ценят, когда старшие вовлекают их в подобные раздумья. Они постигают общественную значимость собственных, казалось бы, таких личных переживаний. И это в свою очередь учит их глубоко лично относиться, например, к тому, о чем говорил Леонид Ильич Брежнев в докладе «О 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик»: «Не секрет, что у нас до сих пор еще нередко дают себя чувствовать такие унаследованные от прошлого, чуждые социализму по своей сути социальные болячки, как недобросовестное отношение к труду, расхлябанность, недисциплинированность. Партия считает своим долгом обращать внимание всего нашего общества на эти явления, мобилизовывать народ на решительную борьбу с ними, на их преодоление, ибо без этого нам коммунизм не построить».

...Работу эту партия ведет и будет вести все более широким фронтом. Здесь практически имеет значение все: и правильная атмосфера в семье, умелая организация учебного процесса, и здоровая обстановка в трудовом коллективе...

Умение отвечать перед своей совестью за свой труд, за отношения с людьми, за все свои помыслы и поступки — это важнейшее умение мы должны настойчиво воспитывать в наших детях.

*С. Черевик,
педагог,
председатель
совета общественности
при детской комнате милиции
поселок Христофоровка
Днепропетровской области*

говорят дети

Аркаша, 4 года

Рассматривает фотокарточку:

— Это кто?

— Это Андрей, здесь ему два года.

— А я где?

— А тебя тогда еще не было.

— Недоверчиво:

— Что-то я не помню, чтобы меня не было...

Сережа, 4 года

— Что-то в садике сегодня карантин пахнет...

Гена, 4 года

В деревне у бабушки бегал босиком, купался в речке. Вернулся в город и вскоре заболел. Объясняет врачу:

— Я у бабушки закалился, а дома откалился.

Лена, 4 года

— Мама, ты себе туфли новые купила?

— Да.

— И сзади новые?

Алик, 4 года

Впервые увидел ветряную мельницу:

— Мама, смотри: дом-вертолет!

Андрюша, 5 лет

Мама показывает ему на картинке мамонта. Объясняет:

— Это ископаемое животное.

— А чем же оно копает?

Вова, 4 года

Увидел велосипед с моторчиком: — Папа, смотри, велосипед мотоциклом притворяется!

Феликс, 7 лет

— Феликс, не напрягайся!

— Что ты, мама, я наоборот распрягаюсь...

— Когда начался свет?

— ??

— Ну, жизнь на Земле когда началась: утром или вечером?

Виталик, два с половиной года

Гуляя, увидел в небе косяк журавлей:

— Мама, смотри, смотри: «В мире животных» полетели!

Записали наши читатели: Н. Лукашова (Белорусская ССР), В. Лапыцкая (Новосибирская область), С. Кучма (г. Кривой Рог), А. Чиженкова (г. Уфа), М. Катунина (Киргизская ССР), Н. Симонова (г. Усть-Каменогорск), С. Мондрус (Ворошиловградская область), Д. Рубатова (г. Рига), Р. Родимкина (Чечено-Ингушская АССР)

О пользе семейных дневников

Уже девять лет ведется у нас в семье дневник. Мы берем на заметку по возможности все, что касается наших двух дочерей, которым исполнилось 12 и 7 лет.

О существовании дневника девочки не знают, хотя им и известно, что у родителей в обычае собирать и сохранять интересный материал об их детской жизни. Это делается на память, для самих себя. С каким удовольствием, например, рассматривают дети свои старые рисунки, первые письменные работы! Внимание к детским делам, занятиям, интересам сближает нас с дочерьми. Ребенок ведь обычно чувствует, как сильно отличается его жизнь от жизни взрослого человека, поэтому дети нередко начинают как бы стесняться, что родители их не поймут и даже могут посмеяться над тем, к чему маленькие относятся серьезно.

Родительское внимание к событиям их жизни становится своего рода социальной санкцией: оно естественно активизирует не только те или иные занятия, игры, стремления, но и определенный стиль отношений друг с другом. А в этом, как нам кажется, и состоит воспитание — в том, чтобы уметь целесообразно направлять поведение ребенка.

Дневник заставляет нас быть внимательнее к детям, дает возможность обдумать высказывания и поступки ребенка, проверить, какие плоды приносят те или иные способы родительского воздействия. Это зеркало, в котором родители должны научиться видеть себя и собственные поступки.

Трудность заключается в том, что слова и поступки детей нельзя расценивать по аналогии с жизнью взрослых. В детях все своеобразно, все происходит по-своему. И воспитателю очень важно уметь воспринимать и поступать «по-детски». Но это не значит «примитивно». Наоборот, такой поступок сложен, он необычен.

Малышке около двух лет, в магазине она не хочет постоять в уголке, не отстает от матери, пока та делает покупки. И вдруг мать предлагает: «Держись вот за этот гвоз-

дик!» (Гвоздик в стене). Предложение, нелепое с точки зрения взрослого человека, оказывается приемлемым: девочка терпеливо, старательно «держится за гвоздик». Как часто бывает, разумные доводы ребенок не воспринял, а на практическое предложение — откликнулся. У него своя логика целесообразности. Понимая или чувствуя ее, мы и можем управлять поведением малыша.

Очень важно, на мой взгляд, начать наблюдения и записи возможно раньше. Первые проявления человеческих свойств требуют к себе особенного внимания: ведь именно в раннюю пору закладывается то, что будет сказываться на всем последующем развитии ребенка.

Дневник помог нам отчетливее увидеть одну существенную опасность, с которой так или иначе встречаются все родители. Вот в жизни ребенка произошло что-то тревожащее нашего вмешательства. «Как поступить?» — решаем мы. А решив — торопимся действовать. Такая поспешность ведет к тому, что воспитательное средство, употребленное «не к месту», оказывается безуспешным или даже ведет к плохим последствиям. Это все равно что полагаться на хорошее лекарство, не установив диагноза. Педагогический диагноз, оценка происходящего — самая первостепенная задача. И здесь, в самом начале чаще всего и делают ошибки. В результате педагогические средства оказываются неоправданными, а истинная причина неудач — не понятной. Мало иметь хорошие воспитательные намерения и цели, надо еще научиться видеть фактический смысл своих действий и поступков.

Можно видеть, скажем, как родители слишком усердно помогают ребенку в игре: что-то придумывают, говорят за малыша, строят, передвигают и т. д. Думая, что тем самым они быстрее научат его играть, родители фактически отстраняют его от этого занятия. А потом удивляются: не хочет играть один, не умеет, требует постоянного присутствия взрослых. Затем обнаруживается еще более важное: нет усидчивости, увлечений, самостоятельности... И действительно, зачем ребенку старание, если чуть стало трудно — ему уже спешат на помощь?

Дневник помогает нам правильно оценивать свои собственные действия. Конечно, этому родители учатся и без ведения дневника. Но ведь ребенок не будет ждать, пока мы научимся воспитывать: дневник заставляет оценивать, проверять наши отношения с детьми по свежим следам.

Часто говорят: для того чтобы правильно воспитывать, нужны, прежде всего, педагогические знания. Бесспорно. Книга, лекция, советы учителя могут указать нам общее направление действий. Но од-

ними общими, теоретическими установками не обойдешься: отец и мать всегда оказываются перед необходимостью найти собственное решение именно для данного обстоятельства.

Парадоксально, но факт: дети могут давать ответ на волнующие нас вопросы! Они его, конечно, чаще всего не высказывают, да и самого вопроса для них может не существовать. Но не раз мне приходилось ловить себя на мысли, что то или иное удачное решение в затруднительной педагогической ситуации было, в сущности, подсказано самим ребенком. Точнее, был замечен и в какой-то мере удовлетворен его интерес, приняты в расчет его предположения. Так может быть, конечно, лишь при соблюдении некоторых обязательных условий: маленькому члену семьи предоставлена известная свобода выбора действий, с его мнением и интересами считаются.

Так, в нашей семье действует правило, которое было выдвинуто, если можно так сказать, самими детьми: не только младшие должны слушаться старших, но и старшие должны слушаться младших. «Равноправие» позволяет нам апеллировать к решениям самих детей, а это значительно облегчает воспитание. По предложению детей вошел в нашу практику и «прием компромиссных решений», как его можно было бы назвать. Например, когда ребенок чем-то занят, а нам нужно, чтобы он делал что-то другое, то возможен такой вариант: «Еще немного позаниматься своим делом, а потом взяться за то, что требуется». Здесь сохраняется самое ценное: доверительное, уважительное отношение друг к другу; не первым месте стоит не уступка, а вопрос «чести», договор, собственное решение ребенка. (Сам решил — нельзя сделать иначе). Мы считаем, что пробуждение и развитие у детей с малых лет чувства собственного достоинства, чести и совести — основа основ воспитательной работы.

Воспитание тем не похоже на строительство, что здесь ничего не может быть создано «на пустом месте». Надо непременно как бы зацепиться за что-то в самом ребенке, что подтолкнуло бы его действовать в необходимом нам направлении.

Мы поняли также, что в воспитании вообще часто требуется просто вовремя заметить и поддержать, направить разумную инициативу ребенка. Образно говоря, здесь первый ход в игре делает сама природа. Стало ясно, как важно не упустить момент и правильно отреагировать на «первичный» поступок, когда дети лишь только начинают приобщаться к новому занятию, привыкать к новой норме поведения, усваивать ее. Хорошее начало — половина дела.

Один из самых важных и глубоких секретов воспитания заключает-

ся в умении соединять педагогические требования с желанием ребенка, чтобы он с охотой делал то, что нужно. У нашего требования должно быть «подкрепление»: предварительная заинтересованность воспитанника, его положительное отношение к новому в своей жизни, в занятиях.

Другое необходимое условие касается первоначальных результатов. Тут перед нами стоит задача: сделать первый шаг ребенка в новую область отношений и деятельности успешным, радостным для него, приносящим какое-то удовлетворение.

...Вот мальчик пошел к девочкам и начал играть с ними в куклы. Рядом проходит человек, он смеется, затрагивая «мужское достоинство»: «Мальчик, а играет в куклы!» И дело сделано, и не одно плохое дело — расстроена игра, сконфужен мальчишка. А взрослый ведь ничего такого намеренно и не хотел: он «просто пошутил».

Особенно бережным надо быть к первым, очень рано появляющимся у детей проблескам моральных чувств, представлений и интересов: стремлению к самостоятельности и ответственности, желанию быть полноценным членом семьи, защищать справедливость и человеческое достоинство, поступать в соответствии с тем, как «правильно», как «справедливо». По форме эти порывы могут показаться нам смешными, наивными, трогательно-беспомощными; но давайте же видеть не форму, а суть. Стоит снисходительно посмеяться над этими первыми порывами, не посчитаться с ними — и эта оценка, вами и не осознанная, будет замечена ребенком и послужит для него уроком. Вы будете потом искать причины нечуткости или равнодушия сына, забыв о самом начале: о своем «первичном» неудачном поступке.

Дневник тем и полезен, что он учит бдительности, помогает воспитателю увидеть новые положительные или отрицательные качества в самом зародыше, в «мелочи», которая обычно забывается.

Ребенок без страха ложится спать один в темной комнате. Неосторожно похвалите его — и произойдет неожиданное: он будет беспокоиться за свое одиночество. Из одобрения он извлечет особый смысл, смекнув: значит, в данном случае все-таки есть причина для страха.

Искусство воспитателя заключается в умении сделать педагогическое воздействие по возможности незаметным, используя его лишь как «корректив», который становится могучей силой, если он применен вовремя, в меру и решительно. Не случайно у А. С. Макаренко можно найти слова, взятые им у одного из русских писателей: «Вы посмотрели на ребенка — вы сделали великое дело».

Сейчас наша старшая дочь уже подросла. Некоторые почему-то счи-

тают подростковую пору обязательно трудной. Очевидно, потому, что в этот период с наибольшей силой начинают давать о себе знать все допущенные ранее педагогические просчеты, а воспитатели и на этот раз хотели бы сослаться на какие-то другие причины. Нам, конечно, еще рано делать заключения, но мы с удивлением заметили, что новая возрастная ступень не принесла никаких особых новых трудностей. Иногда даже возникает беспокойство, что воспитание идет у нас в последние годы так гладко, без особых конфликтов. Давно нет необходимости в особых наказаниях и поощрениях, хотя требовательность к детям, как нам кажется, довольно высокая. Живость и непосредственность детей, их занятия и игры указывают на то, что наши требования не превышают возможностей возраста.

Как происходит наблюдение за детьми, как ведется дневник? Уже было сказано, что мы не делаем из этого тайны, но, однако, и не допускаем, чтобы у детей возникла мысль, что за ними постоянно наблюдают: ведь ребенок, чувствуя себя «объектом наблюдения», обычно начинает вести себя по-иному, искусственно, нарочито. Поэтому записи в дневник делаются скрытно. Иногда, чтобы не забыть высказывания дочерей или мелькнувшей догадки, делаем короткие заметки на листке. Заметки такие нужны — ведь хочется что-то любопытное схватить с наибольшей точностью, по живым следам. Бывает, что накапливается немало заметок, которые потом разворачиваешь в дневниковые записи. Мы уже привыкли делать это, и нам интересно, поэтому не ссылаемся на занятость и усталость.

Дети охотно сами рассказывают о себе, своих делах, товарищах, событиях и т. д. Но эта открытость сама собой не появляется: надо не только искренне интересоваться детской жизнью, но и помогать ребенку в его затруднениях, разделять с ним радость и огорчения. Готовность и потребность детей делиться всем важным с родителями — очень точный показатель педагогического благополучия.

Больше всего детских рассказов бывает после возвращения из школы, дача, с улицы и во время совместных вечерних или субботних, воскресных прогулок. Заметно пробуждают детскую доверительность и воспоминания родителей о своем детстве и школьных годах, рассказы о своей жизни и работе, о товарищах, родственниках. Очень естественно раскрываются дети также в совместной работе, в общих домашних делах, занятиях и играх. Возможности наблюдения значительно расширяются, когда в нем участвуют все взрослые члены семьи.

О чем же стоит записывать? Мы это делаем по принципу: замечать

все новое в ребенке и следить, как это новое меняется, закрепляется или исчезает. Надо быть внимательным не только к «хорошему», но и к «плохому». Обязательно следует отмечать также не только свои успехи в воспитании, но и упущения, ошибки.

В центре наблюдения должно быть то, что стоит в центре воспитания: реальные отношения детей к миру, людям, коллективу, к своим занятиям, труду, природе, самому себе. Говорят, что душа и сердце человека сотканы из его отношения к другим людям. А отношения эти так или иначе находят выражение в поступках. Будем внимательны к ним — и нам, без назойливых распросов и «приставаний», удастся увидеть, что у ребенка «на душе».

Три области детской жизни одинаково важны для наблюдения: занятия детей, сфера их общения с другими людьми и «мнения» (слова, суждения, мысли). Конечно, в реальной жизни эти три области не разделены, а взаимосвязаны, переплетены. И все же каждая дает свой оттенок, свой особый материал для понимания ребенка.

Конечно, мы не обходимся в дневнике и без собственных суждений и оценок, но стараемся, чтобы они всегда опирались на «логику факта». Мало будет пользы, если отмечать в дневнике лишь то, что нам «по душе» в поступках ребенка; явления неприятные, неожиданные должны стать предметом особенно пристального внимания. Да и к себе, к своим действиям воспитателю надо быть очень строгим, иначе недолго оказаться на такой позиции, что мы-то хороши и все делаем хорошо, да вот ребенок «плох» — не хочет и не понимает, когда ему добра желают.

Иногда, к сожалению, на страницы родительских дневников попадает лишь то, что может позабавить или умилить взрослых. Есть и такие дневники, где «в фокусе» оказываются только ребенок, а самих родителей, их задач, которые они ставят себе, их собственных действий мы не видим. В результате возникает впечатление, будто в детях все появляется само собой, с возрастом, от природы. А отсюда так легко вывести в качестве главной воспитательной позиции снисходительность: мол, со временем все будет, как надо.

Если же родителям удастся сделать свои наблюдения объективными и всесторонними, их дневники могут представить интерес и для педагогической науки. Последовательная картина жизни ребенка, отмечающая все значимые перемены, которые он испытывает с раннего детства, — ценный и в чем-то неповторимый документальный материал: ведь исследователю-педагогу увидеть жизнь семьи «изнутри» чрезвычайно сложно.

А. Фролов

Размышления о судьбах учебника

Из учебника Яни Амоса Коменского
«Мир чувственных вещей в картинках»

1. Из ранней истории учебника

Жанр учебника — один из древнейших книжных жанров. Среди сохранившихся в виде глиняных дощечек шумерских учебных текстов (а это и школьные тетради, и стабильные учебники в одно и то же время) иные имеют возраст около четырех с половиной тысяч лет.

К числу замечательных письменных памятников народов СССР относится арифметический задачник вардапета (учителя) Аниции Ширакии (VII век). Вот, например, одна из его задач: «В Мармете в реке Ерасхе поймали сома; я взвесил его и оказалось, что голова его составляла четвертую часть всего веса и хвост шестую часть, а туловище весило сто сорок литров. (Здесь — римский фунт, около 324 граммов. — А. М.). Итак, узнай, сколько всего литров он весил». Неправда ли, она выглядит совсем молодого для своего возраста в 13 веков?

Латинская грамматика Элия Доната (IV век) служила учебником до середины XVI века, то есть также добрых 13 веков. Она удостоилась чести быть одним из самых первых произведений гутенберговского

станка (сороковые годы XV века).

Но если говорить о долговечной службе учебника, то ничто не сравнится с «Началами» Евклида (около 300 года до нашей эры). Еще в конце прошлого века, то есть через 22 века после написания, английский перевод этой книги (вернее, первых 6 книг «Начал») служил учебником геометрии для английских школьников. С начала книгопечатания до конца XIX века библиографы насчитывают 2500 изданий «Начал» в разных странах мира!

1974 год — памятная дата в истории русского печатного учебника. Ровно четыре века назад, в 1574 году, во Львове русский первопечатник Иван Федоров выпустил свой «Букварь»; в послесловии он характеризует эту книгу как «от грамматики мало нечто, ради скорого младенческого научения». За ней пошли и другие печатные буквари и грамматики. Из четырех веков существования русских печатных учебников первая треть приходится исключительно на учебники этого назначения: своего рода «букварно-грамматическая» эра.

Пожалуй, после федоровского Букваря самой заметной вехой на этом длинном пути был букварь Кариона Истомина, полностью гравированный Леонтием Буниным (1-е издание — Москва, 1694; 2-е издание — там же, 1717 (?)). Здесь букварь освобождается от своего традиционного спутника — набора религиозных текстов. Листы букваря укра-

шены изображениями людей, животных и растений, построек, предметов труда и быта, раскрытой арифметики, «звездозаконника» со зрительной трубой, наблюдающего звезду, «историографа», держащего в руках раскрытую книгу и чернильницу. Их названия включены в нехитрые вирши, дающие первый материал для чтения. Учебник знакомит читателя не с одной только русской, но и с латинской, греческой и даже с польской азбуккой. Наконец, предназначается он составителем не только отрокам, но и отроковицам, не только мужам, но и женам «имущим учиться... писати».

По всем этим признакам он как нельзя лучше предваряет новый период в истории русского печатного учебника, связанный с реформами первой четверти XVIII века. Петр I, озабоченный развитием в стране не только традиционного грамматического образования, но и математического и технического, обращает сначала свои взоры на Запад, полагая, что новые учебники для русской школы могут быть созданы вдали от России, в Голландии. Но несмотря на все старания предпринимчивого дилетанта Ильи Копиевского, амстердамские учебники в России не привились — они были слишком бессистемными и поверхностными. Первым учебником нового типа, широко и с толком использующим источники, основательными и доступными, местами занимательным, соединяющим теоретические сведения с их практи-

Вступительная статья к сборнику
«Проблемы школьного учебника».
Этот сборник составлен группой по
проблемам учебника издательства
«Просвещение»

ческими применениями, удовлетворяющим научным педагогическим и высоким полиграфическим и эстетическим требованиям, явилась «Арифметика» Леонтия Магницкого, отпечатанная в 1703 году в Москве. Хотя шрифт ее еще старый — кирилловский, но цифры уже новые — арабские.

Огромное влияние на развитие просвещения в России оказали учреждение Академии наук (1724), академической гимназии (1726) и Московского университета (1755). Выдающееся место в создании научных и учебных книг, бесспорно, принадлежит М. В. Ломоносову.

В «Волфианской экспериментальной физике» (СПб., 1746) — первом учебнике физики на русском языке — он довольствуется еще скромной ролью переводчика. Однако небольшое предисловие Ломоносова к этой книге — это своего рода манифест передовой науки и просвещения в России. Здесь дается не только глубокая оценка достижений мировой науки, начиная с Декарта (который «ученых людей ободрил против Аристотеля, против себя самого и против прочих философов в праве спорить, и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению»), но и отмечается проделанная самим переводчиком работа по созданию основ русской естественнонаучной терминологии, приписанию «слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые... со временем через употребление знакомее будут».

Ломоносов создает затем один за другим труды, в которых его глубокие творческие достижения изложены столь ясно, последовательно и доступно, что они, без какой-либо дополнительной переработки, сразу же становятся учебниками. Это — «Краткое руководство к красноречию» (СПб., 1748), представлявшее курс общей теории литературы, положения которого иллюстрировались образцами оригинальной и переводной поэзии и прозы, и, в особенности, «Российская грамматика» (СПб., 1755) — первая подлинно научная грамматика русского (а не церковно-славянского) языка, ставшая родоначальницей всех последующих грамматик и вместе с тем одним из самых распространенных учебников. Наконец, Ломоносову принадлежит и конспективное пособие по русской истории: «Краткий российский летописец с родословием» (СПб., 1760), предвзятое оставшуюся неоконченной за смертью автора пространную историю русского народа, с особым вниманием к тем древним, темным и трудным ее частям, которые служили почвой для измышлений немецких коллег Ломоносова — Байера и Миллера.

К числу выдающихся учебных руководств, созданных в России XVIII века и оказавших глубокое влияние на мировую учебную литературу, относятся учебники современника Ломоносова — Л. Эйлера «Руководство к арифметике для употребления гимназии при Академии наук...» (ч. 1, СПб., 1740) и «Универсальная арифметика» (т. 1—2, СПб., 1768—1769). Последняя являлась руководством по алгебре, многократно переиздававшимся и переводившимся на другие языки. Выбор, расположение и способ изложения материала в этой книге определили характер курса алгебры более чем на столетие.

Строго говоря, эйлеровские «Письма к немецкой принцессе» («Письма о разных физических и философических материях», ч. 1—2, 1768—1774) не являются учебником. Это скорее что-то вроде позднейших гимназий или университетов на дому. И все же мы полагаем, что в истории учебника нельзя пройти мимо этого замечательного произведения, где с поразительным педагогическим мастерством творец науки говорит удивительно просто и интересно, целомудренно избегая внешней занимательности, о самых сложных вопросах современной науки и философии, раскрывая перед читателями научные методы, заставляя размышлять вместе с автором, не требуя ничего брать на веру или стараться запомнить наизусть. Анализ эйлеровского мастерства поучителен и для

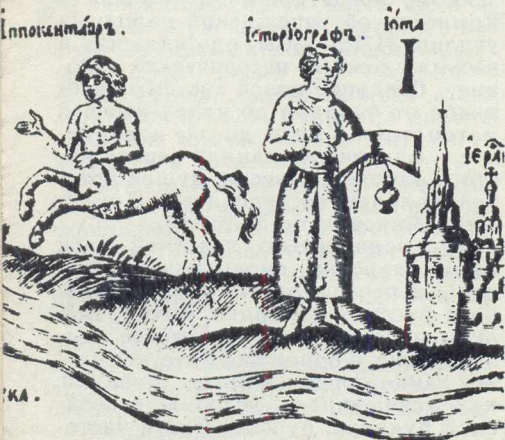
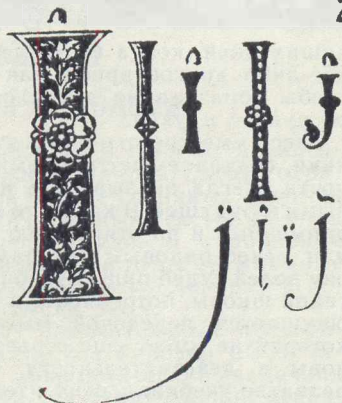
наших дней, когда более чем в какое-либо другое время так важно, чтобы образование двигалось рука об руку с наукой.

Здесь уместно отметить, что учебники, создаваемые творцами науки, почти всегда оказывались нацеленными в будущее. В какой-то мере это применимо и по отношению к более или менее рядовым авторам, когда они волей судеб пишут учебники для такой школы, потребность в которой ощущается передовой мыслью, но которая не имеет еще серьезной основы в действительности. Словом, развитие учебника, относительно подвижного, иногда опережает развитие школы, обладающей несравненно большей инерцией.

Разительную иллюстрацию к сказанному представляет деятельность Комиссии об учреждении народных училищ (1782—1802), протекавшая в весьма сложных исторических условиях. Создание новой системы учебников от букваря до начал высшей математики — дело, дотоле невиданное, — фактически заняло первое место в работе Комиссии, душой которой являлся последователь Коменского Яковлев де Мириево.

За сравнительно короткий срок были написаны вновь или переведены и переработаны применительно к русским условиям того времени и изданы более или менее единообразно, в одном формате, не только такие элементарные учебники, как «священная» история, российский букварь, руководство к чисто-

Из «Арифметики» Леонтия Магницкого

Приведем одну только мысль из предисловия к переводному «Краткому руководству к физике» (СПб., 1783), характерную для общего направления ряда учебников Комиссии: «Она (физика.— А. М.) освобождает нас от суеверий, заблуждений, страха и ужаса, происходящих от ложного о вещах понятия». Нельзя подходить с современной меркой к работе Комиссии, действовавшей в стране, где подавляющее большинство населения изнывало тогда в рабстве, нищете, невежестве. И все же нельзя не признать, что именно Комиссия об учреждении народных училищ наглядно показала, каких поразительных результатов можно добиться, если создавать учебники организовано, в продуманной системе, охватывающей все предметы и на всех ступенях обучения,— системе, основанной на определенных педагогических принципах и выдвигаемых перед обучением целях,— при условии, что вся работа направляется и проводится группой единомышленников, выбирающих авторов как в своей стране, так и за ее пределами, а также включающей переводчиков, редакторов, иллюстраторов, издателей. Этот опыт далекого прошлого, если как следует в него вдуматься, имеет значение и для будущих судеб учебника

2. Попытка заглянуть вперед

В течение довольно продолжительного времени советские школьники изучали математику по учебникам Киселева, Рыбкина, Шапошникова и Вальцева, впервые увидевшим свет в конце прошлого столетия. Конечно, за свою долгую жизнь эти учебники не оставались без перемен; в них вносились исправления и изменения, их приспособляли к новым программам. И все же дело от этого существенно не менялось: они отражали состояние математического преподавания примерно полувекской давности. Можно утверждать с уверенностью, что эти книги — последние представители того почтенного рода учебников-долгожителей, во главе которого в качестве патриарха стоят «Начала» Евклида. Ныне быстрое развитие науки, техники и культуры, вынуждающее образование «поспешать» за ними, приводит к сокращению «века» каждого отдельно взятого учебника, какими бы достоинствами он не обладал. Однако было бы ошибочно представлять себе учебник близкого будущего как своего рода «поденку», жизнь которой исчисляется лишь немногими днями. Журнал «Учебно-педагогическая книга», печатавший в первых номерах призы к созданию журнала-учебника, газеты-учебника, сам оказался поденкой: он прожил только полтора года (1931—1932).

На самом деле обеспечение учебно-воспитательной работы учебниками, пособиями и техническими

средствами обучения в громадных масштабах Советского Союза предполагает известную устойчивость. Дидактические пособия, требующие немалых затрат, должны быть рассчитаны на определенный срок службы, в течение которого и содержание и методы не должны существенно меняться. Разумная устойчивость совершенно необходима и для успешности обучения.

Но условие стабильности находится в кажущемся противоречии с условием изменчивости учебного процесса — противоречии, которое нельзя отбросить, потому что школа не должна отставать от жизни, от требований научно-технического прогресса. Не слышим ли мы часто, да же, быть может, слишком часто, что каждые десять лет (иные говорят даже, что восемь или шесть) объем человеческих знаний удваивается. Как поспеть за этим десятилетней школе? Не должны ли мы, подобно некоему древнему философу, опустить руки и только шевелить пальцами, выражая этим, что все, мол, течет?

Реальный выход из этого противоречия основан на том неопровержимом факте, что хотя научные журналы и монографии, если оценивать их объем по числу страниц, действительно приводят специалистов в некоторых областях знания, например в химии, к выводам об удвоении знаний за сравнительно короткий срок, все же объем и содержание *общеобразовательных* знаний, необходимых каждому члену общества, независимо от его специальности, отнюдь не возрастает в такой же безумной прогрессии.

Точнее говоря, в содержании общего, нужного для всех образования так же, как и в содержании почти каждого учебного предмета, можно выделить основную, относительно массивную, устойчивую, во всяком случае весьма медленно меняющуюся, часть — назовем ее *ядром* — и другую, с гораздо меньшей массой плотностью, распределенную по своему рода *оболочке*, где и происходят все важнейшие текущие изменения. Из нее, из этой оболочки, недавно поступившие в нее идеи, понятия и факты могут со временем перейти в ядро, вытеснив из него при этом нечто устаревшее или потерявшее свое значение, или же, сыграв свою эфемерную роль, совсем исчезнуть из оболочки, не задев ядра.

Эта модель структуры учебного предмета может быть детально проиллюстрирована на примерах родного и иностранного языков, математики, физики, химии, истории и других дисциплин, составляющих школьный курс. Если принять эту концепцию, то из нее вытекают важные следствия и для методов и для средств обучения. В самом деле, ядерный материал должен усваиваться прочно и надолго, для него необходима особая система закрепления знаний и умений и соответст-

вующие пособия, рассчитанные на сравнительно долгую службу. Для того же, что относится к оболочке, как правило, требуется лишь достаточное осмысление, ориентировка, общее представление; здесь пособия могут меняться быстрее, чтобы не отстать от научно-технического прогресса.

Что следует из сказанного для учебника ближайшего будущего? Быть может, то, что *нужно научить* строить учебник из двух неравных по объему, значению и техническому выполнению частей: *основной, стабильной*, призванной служить школе достаточно долго, скажем, 5—10—15 лет, и другой, *меньшей, подвижной* части, которая по мере необходимости может извлекаться из книги и заменяться новой? Не будем входить здесь в технические детали: подобный замысел может осуществляться различными путями. Важно было подчеркнуть, что *теория и практика создания учебника должны находиться в прямой зависимости от теории учебного предмета*, для которой схема ядра и оболочки может оказаться полезной.

Чем больше мы отдаем себе отчет в той ответственной и сложнейшей роли, которую играет учебник в деле обучения и воспитания молодого поколения, тем яснее становится, что к созданию каждого нового учебника в будущем нужно подходить как к комплексной проблеме. Здесь должны быть обеспечены система и вытекающая из нее глубоко продуманная организация деятельности многих связанных между собой людей и основательный расчет. Говоря о системе, мы прежде всего имеем в виду систему учебников, учебных пособий и дидактических средств обучения, относящихся к одному и тому же предмету. Здесь должны быть обеспечены связи и внутреннее единство как с тем, что изучалось в предшествующем классе, так и с тем, что на основе данного учебника будет изучаться в последующем классе (требование преемственности).

Но и в пределах занятий по одному и тому же предмету, в одном и том же классе, учебник как средство обучения не выступает в одиночку. Рядом с ним используются задачки, атласы, словари, книги для чтения и хрестоматии, учебные фильмы, диафильмы, кольцовки, магнитофонные записи, далее, демонстрационные и лабораторные опыты, а в недалеком будущем — видеокассеты и т. п. До последнего времени все эти средства обучения планируются и создаются разными учреждениями и разными лицами, без глубоко продуманного согласования, а затем учитель, в руки которого попадает все это богатство, пытается своими силами как-то наладить их сосуществование. Более высокая ступень организации, которой, надеюсь, мы достигнем в недалеком будущем, должна предполагать продумыва-

ние и сознание разнородных средств обучения по единому замыслу, вплоть до деталей. *Все учебные средства, включая учебник, должны взаимодействовать как части хорошо слаженной машины.*

Только что сказанное относилось к учебным средствам одного и того же предмета, скажем, физики, математики, географии или истории. Но предметы объединяются в циклы, например, физико-математический, биолого-химический, гуманитарный; циклы в свою очередь организуют некоторое более высокое единство — единство содержания всего обучения в средней общеобразовательной школе. Отсюда вытекает, что учебные средства каждой отдельной дисциплины должны вписываться в систему многих учебных дисциплин, что требует учета *межпредметных* связей разного порядка (более близких между собой и более далеких дисциплин), соблюдения единства содержания и направленности всего среднего образования на воспитание всесторонне образованного, коммунистически убежденного человека.

Выражаясь образно, каждый учебник входит в «солнечную систему» средств обучения, тяготеющую к своему солнцу, — языку, литературе, истории, физике, биологии, все эти системы образуют в свою очередь, единство высшего порядка — «галактику», сложную и все же единую и цельную систему школьного обучения и воспитания, формирующую духовный мир строителя коммунистического общества.

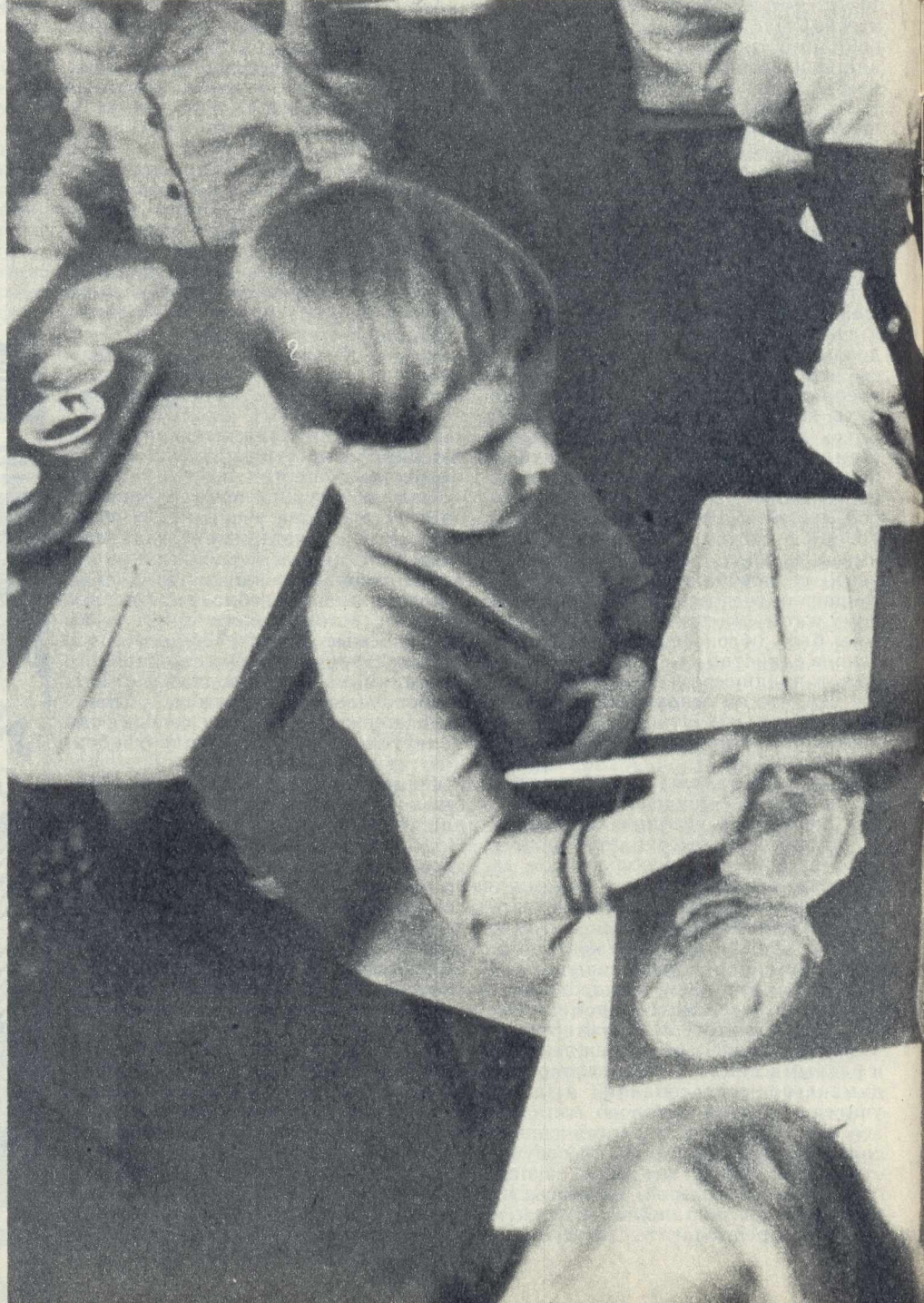
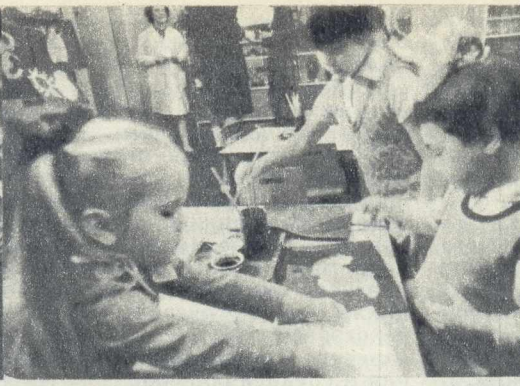
Сколько нужно еще трудиться нам, педагогам и ученым всех областей науки, редакционно-издательским работникам, художникам, кинематографистам и писателям, представителям всех областей учебной техники сегодняшнего дня, чтобы создаваемые нами учебники точно соответствовали всем сложнейшим условиям, которые предъявляет наш требовательный заказчик — советская школа! Конечно, и сегодня появляется немало хороших учебников; свидетельство тому — Государственная премия, которой недавно были удостоены учебники по истории Древнего мира и средних веков. Но как важно было бы добиться такого уровня знания всего того, от чего зависит высокое качество вновь создаваемого учебника, и такой продуманной организации всего этого дела, чтобы способные, знающие и увлеченные люди, привлекаемые к непосредственной работе над учебником, могли определенно рассчитывать на успех!

И вот тут мы сталкиваемся еще с одной важной проблемой, которую можно назвать «проблемой Агафьи Тихоновны». Помните: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще доверности Ивана Павловича — я бы

тогда тотчас же решилась». Здесь Агафья Тихоновна, совсем в науках не искушенная, построила блестящую модель тех ситуаций, которые почти неизменно возникают на конкурсах учебников. Перед умственным взором жюри витает почти идеальный образ учебника, но так как губы Никанора Ивановича нельзя приставить к носу Ивана Кузьмича, то и приходится довольствоваться только одним из претендентов, по необходимости мирясь со многими его недостатками.

Но, позвольте, а почему же собственно нельзя? Почему нельзя в высших интересах школы и государства прежде всего щедро компенсировать отдельных авторов или коллективы авторов, сумевших частично решить проблему создания нового учебника, может быть, наградить их медалями, а затем объединить представителей этих коллективов, вместе с их материалами, ставшими уже достоянием государства, в *единый отряд конструкторов нового учебника*, в котором рядом с ними будут работать, если это нужно, писатели, художники, фотографы, специалисты по техническим средствам обучения, консультанты-гигиенисты, психологи, полиграфисты?!

Детский сад рисует

Я шла по бывшим ленинградским окраинам. Теперь здесь, в районе, выросшем за «Невской» заставой, шумно и многолюдно. — заводы, новые дома... Спросила у прохожего: «Не знаете ли, где тут детский сад № 29 при трамвайном парке имени Володарского?» — «Шатуновский-то? Кто его не знает...»

Детский сад № 29 («шатуновский» — по имени его директора Дианы Георгиевны Шатуновой) знают теперь не только в районе. Громкая его известность как «рисующего» детсада вышла за пределы Ленинграда и даже страны. Однако первое впечатление было самое обыкновенное. Светло, чисто, мебель типовая, как везде. Только, пожалуй, «эстетички» в убранстве больше, чем обычно встретишь. Тут и яркая хохломская роспись на деревянных тарелках, и керамика, и пестрые, бочковатые матрешки на стеллажах.

Я знала, конечно, что буду здесь не первым гостем. Учитывая интерес к своей работе, воспитатели сада каждый третий четверг месяца устраивают открытое занятие по рисованию. Добро пожаловать. Многие побывали на этих занятиях — от коллег с соседних и дальних улиц до делегаций из Англии, Японии, США. Что ж, есть на что смотреть и чему удивляться. Вот цифры, говорящие за себя: с 1957 года, за семнадцать лет, 267 детсадовцев приняли участие в международных конкурсах детского рисунка, проводившихся у нас, в ГДР, Австрии, Индии и Турции, и получили на них 48 золотых медалей. Налицо прочная традиция, ее не объяснишь случайностью или стечением обстоятельств, и поэтому мой первый и основной вопрос Диане Георгиевне был о секрете этой традиции.

— Прежде всего, условимся, — говорит Диана Георгиевна, — нет никаких секретов. Мы не хотим воспитывать вундеркиндов и главная наша забота — общее развитие детей. Мы стараемся как можно шире раздвинуть их кругозор, развить фантазию, обострить наблюдательность. И по рисункам видно, что воображение детей питают именно впечатления, полученные от первого знакомства с

Рисуют все...

чудесами реального мира. Наши питомцы — дети трамвайщиков, и мы поддерживаем контакт с парком имени Володарского, организуем экскурсии, наблюдаем их работу. И вот результат: когда рисовали на тему «Кем я буду», вагоновожатые победили даже космонавтов. Кстати, и первая наша медаль получена за рисунок «Мамин трамвай идет по нашей улице». Они очень любят городские праздники — парады и демонстрации, часто рисуют «Аврору» и моряков, красивые здания в центре города, особенно почему-то Адмиралтейство. И конечно, то, что у них перед глазами по пути из дома в детский сад: новостройки, башенные краны, каркасы строительной арматуры. А летом на даче сколько сюжетов: солнце, лес, вода! Мы уделяем большое внимание здоровью детей. Зимой заливаем во дворе каток. Конечно, это лишние синяки, шишки, лишняя ответственность и работа, но ведь надо. Детей старших групп два раза в месяц возим в бассейн — это сравнительно недалеко, несколько остановок на автобусе...

Из разговоров с Дианой Георгиевной я поняла, что ее не устраивает, страшит всякая односторонность, однобокость в воспитании детей. В садике есть свой кукольный театр — дети сами и костюмы для кукол мастерят, и спектакли с ними разыгрывают; есть свой оркестр, конечно, небольшой. Ведь детям свойственно в любви к музыке стремление к активности, они хотят не просто слушать музыку, петь ее, но и создавать.

— А не хотите ли сегодня вместе со старшей группой поехать в Русский музей? — спрашивает меня Диана Георгиевна. — Мы не часто совершаем такие экскурсии. Не все соглашаются с нами, некоторые считают, что в таком возрасте слишком рано знакомить детей с большим искусством. Но ведь показывается детям далеко не все, что есть в музее, — только то, что ими может быть воспринято — пейзажи Шишкина, Айвазовского, Левитана. И ведь каждый поход в музей — открытие большого мира. Детей все удивляет — мраморная лестница, анфилада комнат, резная мебель. Это богатые впечатления... Мы старательно замечаем, что ребята говорят, о чем спрашивают и сразу и потом, когда пройдет какое-то время. Область детского восприятия — настоящая страна чудес. Проникнуть в нее — значит научиться формировать человеческую личность.

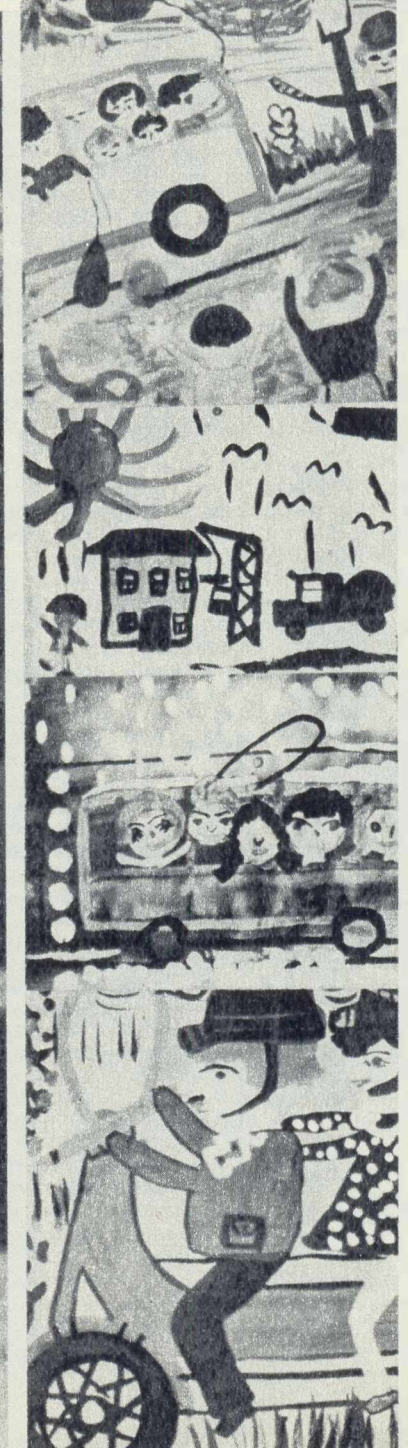
Самой методикой занятий сад объясан Е. Г. Ковальской, кандидату педагогических наук, и художнику С. Д. Левину, ведущему при городском методкабинете занятия с воспитателями детских садов.

— Екатерина Григорьевна была замечательным учителем, — рассказывает Диана Георгиевна. — В дошкольники пришли в Русский музей

Детский сад рисует

грамме для воспитателей детских садов записано: знакомьте детей с вертикальными и горизонтальными линиями, замкнутыми формами — квадратом, кругом, треугольником. И если слепо, без воображения этому следовать, ребятишкам станет просто скучно. А Екатерина Григорьевна считала, что если детей обучать в игре и ставить перед ними все более и более сложные задачи, у них откроются способности, о которых никто не подозревает. Конечно, надо начинать с простого. Приносим в группу разноцветные мячи и клубки ниток разного цвета. И в этот день рисуем все круглое, все шарообразное, что только могут они вспомнить. Вот уж они руки от красок отмыли, а им несут с кухни свежее выпеченные колобки. И повар, оказывается, с ними играет в эту игру. Очень вкусная игра! Доходит черед до рисования зверей. Показываем игрушку, объясняем, из каких простых форм она сделана, игрушку убираем, и тогда дети рисуют по памяти. Уже и в средней группе даем задания необычные: «Сегодня будем рисовать про грустное». Это чтобы разбудить фантазию детей, да и для нас это интересно — что их печалит. «Улетел шарик», «Пропал котенок» — это самое грустное. А вот когда рисуем красивое, все, неговариваясь, изображают своих мам.

...На следующий день я пришла на занятия в младшую группу.

«Дети, мы будем рисовать сегодня утят. Ну-ка вспомним, какие утята», — сказала воспитательница.

Прошло несколько минут, на листах бумаги появились пятна и линии, а на лицах малышей можно было прочесть самозабвенную увлеченность — кто-то и язык высунул, кто-то под нос бормотал считалки или стихи про утят, кто-то потихоньку пел. Одно удовольствие было смотреть на сосредоточенные мордочки. Через двадцать минут воспитательница прикрепляла кнопками к доске рисунки с еще не высохшими красками. И вот тут-то нельзя было не ахнуть: утята щипали цветы и траву, дрались, смотрели на солнце... Простые, выразительные линии, безоглядная смелость в распоряжении цветом и пространством листа.

Есть ли хоть один такой детский сад, где дети не рисуют? Наверное, нет. Как хотелось бы, чтобы всюду, в каждом из них к детскому рисованию относились с тем же вниманием, той же заботой, такой же ответственностью, как в детском саду ленинградских трамвайщиков.

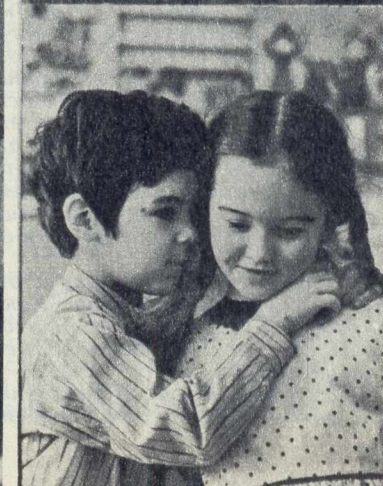
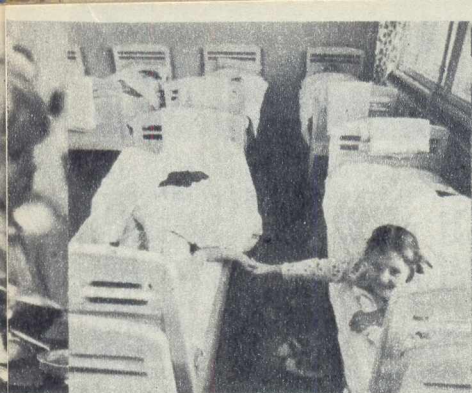
Л. Осипова,
Д. Воздвиженский (фото),
специальные корреспонденты
«Семьи и школы»

Жизнь детского сада разнообразна: игры, музыка, кукольный театр.. Шалости, секреты, первые серьезные обязанности...

Детский сад рисует

О Блонском

«Я считаю для себя величайшим счастьем, что жил в эпоху Октябрьской революции. Такие эпохи заставляют задумываться решительно над всем, ставят все под вопрос, обнажают самые скрытые основы. С другой стороны, вряд ли когда бывает что-либо хотя бы немного похожее на то огромное богатство творчества, которое проявляется в эти эпохи».

Эти слова принадлежат Павлу Петровичу Блонскому, выдающемуся советскому педагогу и психологу, одному из зачинателей нашей школы.

Павел Петрович Блонский родился 27 июня 1884 года в Киеве в семье служащего. Его отец служил писцом, а затем секретарем в небольшом учреждении по опеке сирот.

В 1893 году девятилетний мальчик сдал экзамены в подготовительный класс Киевской 2-й гимназии, которую окончил в 1902 году с золотой медалью, и поступил в Киевский университет.

О детских годах Блонского подробно рассказано в его книге «Мои воспоминания». Эту книгу хотелось бы рекомендовать всем, кого волнуют вопросы воспитания, ибо она имеет отнюдь не чисто биографическое, но и общепедагогическое значение. Острая, психологически точная наблюдательность автора («Я любил наблюдать людей и разбираться в их характерах, чувствах и мыслях», — признавался сам Блонский) позволяет нам ясно увидеть, как складывается личность ребенка, как отражаются в ней качества и поступки окружающих его взрослых. Большое влияние на Блонского оказала его бабушка. Павел Петрович вспоминает, как в раннем детстве вместе с бабушкой он ухаживал за цветами. Он писал: «Я и сейчас считаю уход за цветами в саду незаменимым средством трудового, эстетического и умственного воспитания для школьника».

У доброй, кроткой бабушки был, однако, сильный характер. Какую нужно было иметь силу воли, чтобы скрыть от близких страшную, неизлечимую болезнь!

Образ этой доброй, мужественной женщины всегда вдохновлял ее вну-

ка. Блонский посвятил памяти бабушки свою книгу «Философия Плотина».

Очень важным для Блонского был и нравственный пример отца. В «Воспоминаниях» мы читаем: «Отец был очень честным человеком, и культ, — да, именно культ — честности царил в нашей семье. О ней постоянно говорила и мать». Этот культ честности в семье старались привить и детям.

«С твердым сознанием, что я буду жить только на том, что заработаю, я рос и спешил как можно скорее начать зарабатывать». С 14 лет я уже давал уроки», — писал Блонский. И дальше: «Я не мечтал ни о славе, ни о почестях... я мечтал «недаром прожить»».

П. П. Блонский приоткрывает важную, но скрытую от постороннего взора линию формирования привычек под воздействием уклада семьи, примера родителей «Отец был очень спокойный и молчаливый человек, большой домосед... Спокоен он был до крайности, и я не знаю ни одного случая, когда бы он с кем-нибудь поссорился».

Семья Блонских жила небогато. «Истратить в день хотя бы на несколько копеек больше положенного было страшно», — вспоминает он, — и мать экономила. В этом я воспитывался.

Внимательно, любовно, но вместе с тем и беспристрастно всматривается Блонский в жизнь своей семьи и отмечает не только достоинства и удачи в воспитании.

После смерти дочери мать Блонского из воспитательного дома взяла девочку. Но заменить дочь та не смогла. «Мать болезненно замечала в ней малейшие недостатки, подчеркивая их, а это ведь лучшее средство их укрепления. Девочка, например, ленилась. Но эта детская лень воспринималась остро. Девочка попадала в «лентяйки» и на самом деле стала такой».

Слова эти воспринимаются предостерегающе. Сколько теплоты и мудрости надо иметь воспитателю, чтобы добрыми и вместе с тем требовательными глазами увидеть в человеке лучшее, что в нем есть. Все вре-

мя направляя наше внимание на плохое, не способствуем ли мы нередко его укоренению?

...В 1907 году Блонский оканчивает университет. Но продолжать научную работу и просто оставаться в Киеве он не мог; ведь он был участником революции 1905 года, несколько раз арестовывался, да и после освобождения оставался под подозрением, на положении неопределенном, почти что полулегальном. В это время учитель Блонского, психолог Г. И. Челпанов получает приглашение занять кафедру в Московском университете. Вслед за ним вскоре переезжает в Москву и Блонский. Он ведет научную работу, готовится к магистерским экзаменам и после их сдачи в 1913 году получает звание приват-доцента. В эту же пору начинается и учительская деятельность Блонского: он преподаёт педагогику в учительской семинарии и старших классах нескольких московских гимназий. «Преподавать я стал ради заработка», — писал позднее Блонский, — но... эта подсобная деятельность вытесняла основную... преподавательские впечатления и интересы овладевали мной настолько, что трудно было от них отвлечься».

С этой поры и до последних дней в центре научных, да и жизненных, личных интересов Блонского — школа, дети, вопросы воспитания.

«Победу Октябрьской революции я встретил радостно», — писал Блонский. — Начиналась самая счастливая эпоха в жизни многих и многих миллионов людей, в том числе и в моей жизни».

Блонский, вместе с А. В. Луначарским, Н. К. Крупской, С. Т. Шацким, работает над изданием новых школьных программ, составляет первую советскую учебную книгу для начальной школы «Красная зорька». Позднее, в 30-е годы, большое место в его исследованиях занимают всестороннее изучение личности ребенка, проблемы мышления, памяти, восприятия.

Научное наследство Блонского обширно: более двухсот работ по педагогике, психологии и философии — книги, брошюры, статьи. Что объединяет их, что является внутренне связующим, направляющим? Ответить можно бы так: глубокая, истинно сердечная любовь к детям, забота о их счастье, о том, чтобы сделать их жизнь полнокровной и радостной. Блонский писал: «Воспитание должно быть бодрым, укрепляющим ребенка в жизни, не внушающим страха перед жизнью, а наоборот, развивающим желание жить».

Поискам путей и методов именно такого воспитания и была посвящена жизнь Блонского.

В семье

Нравственное воспитание

...Все говорить о правильном воспитании ребенка в семье, если между родителями нет нормальных отношений, если мать не может или не умеет воспитывать, если вообще весь семейный уклад нездоровый. Всякому ясно, какое огромное значение имеет при воспитании влияние среды, но именно при начальном семейном воспитании это влияние особенно велико, и потому оздоровление семьи должно быть выдвинуто в первую очередь.

Но вот перед нами уже есть эта товарищеская трудовая жизнь физически непорочных и к семейной деятельности подготовленных родителей для блага семьи; эта жизнь пользуется признанием и поддержкой со стороны общества, которое зато имеет и право в случае нужды вмешательства во имя блага детей; жизнь родителей — не изолированная, но связанная определенными организациями с жизнью и деятельностью других родителей. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что подобная семья будет проникнута духом любви, труда, порядка и социальности. В этом духе и должно быть дано первоначальное воспитание ребенка.

Первые заботы матери о физическом уходе за ребенком уже кладут прочное основание взаимному пониманию и любовному отношению ребенка к окружающим, каковое отношение является главным условием всего дальнейшего нравственного воспитания. Материнская и вообще родительская любовь сильнее и больше, чем что-либо другое, воспитывает сердце ребенка, наполняя его чувством привязанности, теплоты и доверчивости. Атмосфера сердечности и задушевности, царящая в идеальной семье, есть самое лучшее, что можно пожелать ребенку: она снабдит его духовной красотой на всю его дальнейшую жизнь. И, конечно, эта атмосфера имеет больше всего шансов возникнуть там, где родители — два равноправных товарища, создающих общее семейное благо...

Но наша идеальная семья не только сердечная, но и трудовая. Каждый из родителей занят своим делом, и дети, сначала просто бегая за ро-

дителями, сопровождав их в их делах, а затем, по мере возможности, помогая им, получают прекрасное трудовое воспитание. И те родители, которые привлекают детей к семейному труду в той или иной форме, дают им прекрасную подготовку к жизни: собственноручно, надо поставить за правило, что все, что возможно, должно быть сделано в семье руками детей при участии родителей. Соблюдение этого правила даст в будущем прекрасных тружеников, но сознаемся, как далек этот идеал от настоящего времени, когда, насколько возможно, всеми силами стремятся отстранить детей от участия в домашних работах и превращают их в каких-то маленьких ничего не делающих господ.

Прибавим, что в нашей семье царит порядок. Этот порядок также является прекрасной школой жизни для ребенка: он с колыбели приучается все делать в свое время, — именно с колыбели, так как можно сказать, что весь секрет воспитания ребенка в течение первого года жизни сводится к регулярному кормлению его. Этой регулярности в семейной жизни требует гигиена, но она же необходима и для души ребенка, которая также до известной степени является механизмом, а механизм должен работать регулярно. Идеально, если все в семье производится по определенному порядку и в определенное время: это самое действительное средство для того, чтобы ребенок усвоил себе семейные навыки. И опять сознаемся, что современную семью часто можно упрекнуть в цыганщине и беспорядочности.

Наконец, наша семья не есть уединенный остров. С трех-четырех лет ребенок проводит время в компании сверстников в «семейной группе»; также не одинока в своей работе и его мать, член родительского союза.

Итак, в идеальной семье, где царит сердечность, мир и порядок и где все трудятся, об особых воспитательских мерах можно и не говорить: в такой семье ребенок уже сам по себе развивается нормально; его упражняет в хороших привычках сама семейная жизнь. Но, понятно, подобная семья — идеал, и, следовательно, встает вопрос об особых воспитательных приемах. Мы разберем по порядку наиболее употребительные из них. Оговоримся, однако, что так как необходимость в них возникает вследствие неидеальности семейной среды, то на них мы должны смотреть лишь как на суррогаты.

Обычно в семье широко практикуются запрещения и приказания. Мы стали бы протестовать против столь популярного ныне пользования ими: все это стеснения, тягостные для ребенка и потому вооружающие его против родителей. Гораздо разумнее вместо беспрестанного стеснительного «нельзя» наводить ребенка на правильный путь, давать ему какое-

нибудь рациональное занятие: чаще всего «нельзя» приходится говорить ничего не делающему ребенку; также предпочтительнее вместо часто делаемых приказаний развивать в ребенке услужливость вследствие любви к старшим. Итак, мы рекомендовали бы лишь изредка, в случае большой необходимости, прибегать к запрещениям и наказаниям, но «раз уж приказываешь, делай это решительно»: колебания воспитателя или несогласия воспитателей между собой крайне вредно действуют на ребенка. Если, например, отец что-нибудь запрещает, а мать позволяет, то такой поступок матери является лишь свидетельством ее педагогического невежества или злой воли.

Также восстали бы мы и против наказаний. Против них существует масса возражений, и мы сможем привести лишь главные:

1) оно апеллирует лишь к животному страху перед физическим неудовольствием;

2) оно вселяет ненависть к тому, из-за чего наказывают;

3) оно делает ребенка забитым и потому ничтожным;

4) понесенное наказание как бы освобождает ребенка от угрызений совести и раскаяния: меня наказали, вот грех и искуплен;

5) наказания впоследствии делаются для ребенка нечувствительными, и он даже начинает бравировать ими; чтобы избежать этого, приходится переходить к истязаниям;

6) наказание унижает человеческую личность и создает морального циника;

7) физическое наказание вредно действует на половую сферу ребенка, вызывая приток крови к половым органам;

8) наказание развращает воспитателя. Будем прямодушны: редкий из нас, наказывая ребенка, думает об исправлении его; обыкновенно наказание это — расправа раздраженного взрослого со слабым ребенком.

Точно так же восстали бы мы против распространности обычая упрекать ребенка, говорить возможно чаще о его недостатках. Под влиянием упреков ребенок, существо, которое вообще плохо верит в себя, теряет и последние крохи этой веры, и у него могут совершенно опуститься руки: так, совершенно невольно, мы можем внушить ребенку убеждение в его негодности. Особенно поддаются такому пагубному внушению дети впечатлительные, нервные, с подавленным душевным настроением, а также дети мало развитые и слабые. Наоборот, поощрение ребенка крайне благотворительно и увеличивает его любовь к добру; точно так же внушение ребенку доверия к своим силам сильно повышает его работоспособность.

В заключение скажем несколько слов о надзоре за ребенком. Он необходим в целях предохранения его от вредных влияний, но он не дол-

жен вырождаться в усиленный специальный надзор, стесняющий ребенка, мешающий выработке в нем самостоятельности и делающий его скрытным. Воспитатель должен быть умелым психологом-наблюдателем, но не сыщиком.

После всего того, что уже раньше, в предыдущих главах, говорилось о педагогическом значении игры, вряд ли следует добавлять, что и в семье игры ребенка являются лучшим естественным средством развития его личности. Именно в игре ребенок развивается как существо самодостаточное и социальное, иными словами, в игре развиваются как раз самые идеальные черты его личности. Таким образом, для матери встает задача разумно организовать игры ребенка, подобрать соответствующий материал для его самостоятельного творчества.

Вторым естественным средством воздействия на ребенка является общение с ним: ласка, совместная жизнь и душевная беседа. Мать должна почаще разговаривать с ребенком, рассказывать ему разные доступные ему истории, своими рассказами заинтересовывать и согреть его. Мать должна непременно научиться искусству рассказывать, для чего также уже существуют соответствующие методики; что же касается ласки и сердечного общения, этих великих преимуществ семьи перед детским садом, где все же чужие женщины и часто при этом не матери, а девицы, то этому может научить мать лишь ее материнское сердце.

Резюмируя, мы скажем: дать нравственное воспитание в семье задача несложная, но лишь при том условии, если эта семья — здоровая, трудовая, без всяких неурядиц; при этом игра ребенка и совместная жизнь с ним — самое главное, а различные меры педагогического воздействия — лишь суррогаты, правда, иногда необходимые.

Говоря о материнской нежности и ласке, мы вовсе не подразумеваем под этим баловства, то есть изнеживания ребенка и потворства его капризам. Наоборот, ребенка надо воспитывать возможно проще, в строгой умеренности. Лакомство и роскошь должны быть изгнаны, и воспитатель в этом отношении должен быть чуть-чуть спартанцем. Ребенок ни в каком случае не должен быть требователем к пище — он ест то, что ему дают, руководствуясь исключительно гигиеной питания. Точно так же ребенок должен исподволь приучаться к перенесению лишений и боли. Ахать над ушибшимся ребенком, что-де ему больно — верх глупости, и Руссо был прав, называя детские шишки учителями ребенка. Сами дети иногда устраивают игры, в которых состязаются в перенесении боли и в воздержании от пищи; разумное покровительство таким играм и рациональная организация их в целях воспитания в ребенке нетребовательности и выносливости весь-

ма жательными. Точно так же по отношению к детским капризам следует помнить Локка и никогда, как бы ни добивался ребенок, не исполнять ни одного каприза: в противном случае он очень быстро делается деспотом. В этом отношении воля воспитателя должна отличаться непреклонностью.

Воспитание целомудрия

Вопрос о половом воспитании является одним из самых спорных. Прежде всего, расходятся во мнении, насколько сексуальным является дошкольный возраст: одни — и это общераспространенное мнение — считают данный возраст нейтральным, другие же считают, что уже в этом возрасте мы встречаемся со многими проявлениями сексуальной жизни, причем в подтверждение своего взгляда они приводят богатый фактический материал. Особенно у детей-дегенератов замечаем мы обострение половой психологии в раннем возрасте. Но раз правильно второе мнение, тогда, конечно, встает вопрос о половом воспитании, причем этот вопрос в последнее время обыкновенно превращается в вопрос о половом просвещении. Здесь мы опять встречаемся с двумя мнениями: одни восстают против полового просвещения, находя, что оно лишь раздражает воображение ребенка, заинтересовывает его половой жизнью, следовательно, косвенно развращает; другие же считают, что скрывать от ребенка половую жизнь бесцельно, ибо все равно он узнает о ней со стороны, и поэтому надо начинать эти беседы возможно раньше — «лучше днем раньше, чем часом позже». Но споры идут дальше: во-первых, кто должен заниматься половым просвещением ребенка, авторитетный ли учитель, компетентный ли врач или же родители, более всех других имеющие возможность завязать с ребенком интимный разговор; во-вторых, каким способом должно совершаться половое просвещение. По отношению ко второму вопросу обыкновенно рекомендуют такую программу: размножение у растений, у животных, половая жизнь человека (размножение, онанизм, пороки половой жизни); однако против этого возражают, указывая, что во всех этих беседах культивируется животная сторона сексуальности, а задача полового воспитания — облагородить ее, придать ей идеальный характер.

Автор этих строк вполне убежден фактическим материалом в том, что половая жизнь ребенка дошкольного возраста несравненно богаче, чем это обыкновенно думают, но он очень резко восстал бы против полового просвещения, считая его, в лучшем случае, бессознательным развращением ребенка, а в худшем — своеобразным сексуальным компонентом самой воспитательницы, особенно если последней является не мать, а какая-нибудь пожилая дева, то есть

существо, зачастую само живущее ненормальной половой жизнью. Ребенок данного возраста нуждается не в половом просвещении, которое разжигает и укрепляет его нездоровое и очень часто случайное любопытство, но в половом воспитании, которое имеет целью сохранить и укрепить целомудрие ребенка: правильнее не о половом воспитании, но о воспитании целомудрия должна идти речь.

Воспитание целомудрия достигается двоякими мерами: гигиеническими и психологическими. Гигиенические меры сводятся, главным образом, к борьбе с онанизмом: гигиена платья; по возможности, устранение у ребенка возможности дотрагиваться: запрещение держать руки в карманах; жесткая постель; не позволять валяться в кровати по утрам; избегать запоров; чистота половых частей; закаливание тела; избегать лазания, качания, борьбы. В крайнем случае, возможна и интимная предостерегающая беседа, отнюдь без вредного для ребенка и, как говорят многие специалисты, не вполне основательного запугивания. Что же касается психологической стороны, то соответствующие меры должны быть двух родов — отрицательные и положительные; отрицательные ведут к устранению душевного напряжения, интенсивных аффектов, чрезмерного страха и страсти к жестокости; положительные же меры должны отвлечь интерес ребенка к более идеальным явлениям и пробудить в нем стыдливость.

Чувство стыда, связанное первоначально отчасти с фактами половой жизни, вообще говоря, выходит за пределы ее и является выражением неодобрения всякому нарушению нравственной нормы. В стыде противится влечениям плоти в животном смысле этого слова человеческого достоинства и целостность человеческого существа. Поэтому охранение и укрепление детской стыдливости, как противоядия половой распушенности и корня развивающейся в ребенке совестливости, должно стать неременной задачей воспитателя, конечно, отнюдь без форсирования этой стыдливости, что также является очень опасным в смысле возбуждения детского воображения. Вместе с тем, повторим, он должен суметь противопоставить половому интересу ребенка более возвышенные интересы и занятия: половой соблазн особенно опасен для незанятого ребенка...

Вы познакомились с несколькими отрывками из работы П. П. Блонского «Введение в дошкольное воспитание». Видимо, имеет смысл сказать об общем направлении этой работы и о том, как в целом Блонский рассматривал смысл и содержание семейного воспитания.

«Введение в дошкольное воспитание» было написано Блонским почти

60 лет назад, в 1915 году. Огромны изменения, происшедшие за это время в жизни общества, в укладе и жизни семьи. Многие, о чем Блонский мог только мечтать, сегодня стало уже реальностью, многое из того, с чем он считал необходимым бороться, попросту исчезло из нашей жизни. Вместе с тем было бы несомненной ошибкой заключить на этом основании, что работа эта имеет для нас лишь исторический интерес. Нет, в своем главном направлении она перекликается со многими нашими сегодняшними заботами и запросами. И более того — на некоторые проблемы, поставленные Блонским, еще предстоит дать ответ современной науке, а возможно, и науке будущего.

На рубеже двух веков среди теоретиков педагогики были как горячие сторонники общественного воспитания, так и его противники. Большинство ставило вопрос «или-или»: или общественное, или семейное воспитание. Одни стояли за патриархальное семейное воспитание: дети — собственность родителей, и те делают с ними, что хотят. Другие ратовали за исключительно общественное воспитание.

Некоторые прогрессивные педагоги полагали, что в обществе будущего воспитание детей перестанет быть заботой семьи, оно целиком перейдет в руки общества и государства. (Такая позиция находила выражение и позднее, в 20-е годы и даже в сравнительно недавнее время. Не далее как в 1960 году академик С. Г. Струмилин так представлял картину воспитания детей в коммунистическом обществе: «Каждый советский гражданин, уже выходя из родительного дома, получает направление в детские ясли, из них — в детский сад с круглосуточным содержанием или в детский дом; затем — в школу-интернат, а из него отправится с путевкой в самостоятельную жизнь — на производство или на дальнейшую учебу по избранной специальности»).

Блонский — за разумное сочетание обоих видов воспитания, но его позиция не была просто «срединной»; важнейшую задачу он видел не в механическом сложении усилий семьи и общества, а в их объединении, взаимопроникновении.

Общественное воспитание, считал он, необходимо пропитать семейным духом, внести в него атмосферу сердечности и теплоты.

С другой стороны, воспитание в семье не может быть лишь частным делом родителей; оно требует общественного внимания, поддержки, контроля. Материнство должно расцениваться как деятельность общественная, утверждал Блонский, и мать должна иметь права и обязанности общественной работницы.

Сегодня эта позиция кажется очевидной; но не забудем, что она была высказана в то время, когда положение женщины было неравноправ-

ным и в социальной сфере, в семье же она, и законодательно и фактически, была полностью подчинена воле мужа. И в этих условиях Блонский показывает, насколько важно равноправие женщины не только с социальной, гуманистической, но и с педагогической точки зрения; без него семья просто не в состоянии выполнить стоящие перед ней общественные задачи в области воспитания.

Воздействие семьи является общественно значимым еще и потому, что оно не может быть равноценно заменено никакими другими средствами воспитания. То, что получает ребенок от родителей, что впитывает в семейном кругу, остается в нем навсегда. становится основой его личности.

О воспитании детей, о их будущем нужно думать задолго до их рождения. С этой целью Блонский считал, в частности, необходимым медицинское освидетельствование перед браком и экзамен по вопросам семьи и воспитания. Эти предложения и сегодня многим могут показаться спорными; но постарайтесь увидеть не форму их, а суть. Сегодня генетика установила наследуемость некоторых болезней; уже создаются специальные генетические консультации, позволяющие родителям в сложных случаях получить прогноз специалиста о здоровье будущего ребенка.

Не столь уж утопична и его идея педагогического испытания перед браком. Блонский ясно понимал, что в дореволюционной России она не могла быть реализована. — Это — задача для будущего. Но теперь, в наши дни уже имеются немалые предпосылки для ее осуществления. И дело здесь не столько в форме (экзамен), сколько в значимости самого педагогического просвещения будущих родителей.

Педагогическому просвещению Блонский вообще придавал весьма большое значение, настаивая на том, что семье необходимо пропитать духом общественности. С этой целью он предлагал создавать родительские союзы, кружки, кооперации; организовать родительские курсы и университеты, библиотеки педагогической литературы, педагогические музеи и т. п.; проводить педагогические консультации, читать лекции и рефераты и т. п. И здесь опять он во многом предвосхитил будущее, ибо только в нашей стране и в наши дни педагогическое просвещение приобретает столь широкий размах.

Все суждения Блонского о воспитании в семье пронизаны глубокой любовью и уважением к ребенку, верой в возможности семьи, утверждением ее незаменимости в деле воспитания. Трудовая, дружная, объединенная отношениями любви, уважения и сотрудничества семья, по мнению Блонского, — лучшая школа нравственности для ребенка. К этому мнению мы и сегодня можем полностью присоединиться.

В. Реутова

учение с увлечением

Память

У человека два вида памяти: произвольная и произвольная.

Непроизвольная память «работает» сама собою так же неустанно, как движется кровь и бьется сердце.

Никто не «заучивает» все то, что происходит с ним в жизни — и отчего-то помнит эти долгие годы, забывает, опять вспоминает — неожиданно для себя.

Непроизвольная память есть и у животных, и к тому же замечательно прочная.

Память человека отличается от памяти животного именно тем, что человек может запоминать по особому желанию. У животных этого, естественно, нет.

Вообще-то говоря, чтобы учиться, можно обойтись одной произвольной, случайной памятью. Важные для нас факты запоминаются сами, без малейших усилий. Замечательное свойство. Но годится ли оно для школы? Ясно, что произвольная память не даст нам систематических знаний, а школа — это прежде всего система, система, система...

Советский психолог П. И. Зинченко подробно изучил произвольную память. Он проделал для начала такой опыт: взял карточки с рисунками и пронумеровал их. Потом попросил ребят классифицировать карточки по рисункам, разложить их в определенном порядке. На следующий день ребят спросили: какие рисунки вы запомнили и какие цифры? Оказалось, что хотя ребят и не просили ничего запоминать, многие рисунки они произвольно запомнили. Цифры же почти не запомнились им.

Тогда взяли другую группу ребят и попросили их раскладывать карточки по порядку цифр. На следующий день оказалось, что эти ребята произвольно запомнили цифры, а рисунки запомнили хуже...

В чем же дело? Ведь и те и другие видели перед собой и рисунки, и цифры; и те, и другие одного не старались запоминать; но одни запомнили рисунки, другие — цифры...

Значит, произвольная память зависит не просто от самого содержания того, что перед глазами, а от чего-то другого... От чего же? Оказы-

вается, от места и роли этого содержания в наших действиях. Что, например, запоминается нам по дороге в школу? — спрашивает Зинченко. И отвечает: все, что помогает или мешает движению к цели, все, что вызывает вопрос или удивление (тоже вроде препятствия) — все, с чем мы физически или мысленно действуем, оперируем.

Хочешь запомнить что-нибудь? Поработай с этим «чем-нибудь»: раздели на части, упрости, расширь, свяжи с другим, примени в задаче, обдумай, обсуди — есть тысяча таких способов поработать.

Чтобы произвольно запомнить материал, надо не просто повторять его, надо с ним что-то поделаться в уме.

Произвольное запоминание

Я проделал такой смешной опыт: попросил двадцать взрослых людей, окончивших школу 20—30 лет назад, вспомнить некоторые исключения из правил русской грамматики. Не запинаясь, не ошибаясь, ни на мгновение не задумываясь, все говорили мне:

— Уж, замуж, невтерпеж! — Гнать, держать, дышать и слышать, смотреть, видеть, ненавидеть, и обидеть, и терпеть, и зависеть, и вертеть... Стекланный, оловянный, деревянный...

Но никто — ни один человек! — не мог сказать, например, из какого же правила исключения «Уж, замуж, невтерпеж».

Исключения помнили все.

Потому что исключения учили наизусть...

Старый русский педагог Каптерев говорил, что «настоящее, твердое и правильное запоминание есть запоминание волевое».

В дореволюционной гимназии очень много учили наизусть. Чтобы сдать экзамены на аттестат зрелости, надо было, например, знать наизусть 96 стихотворений и прозаических отрывков, в том числе одних только басен Крылова — 20, стихотворений и отрывков из поэм Пушкина — 23...

Можно по-разному относиться к этому, можно презрительно бросить: «зубрежка», но такая «зубрежка», хотя она и нелегка была, очень развивала память.

Маркс для развития своей памяти в юности учил наизусть стихи на неизвестных ему языках: чтобы работала (и развивалась) только память.

В школе Сухомлинского ребята со слабой памятью учили наизусть большие поэмы или целые повести в прозе — например Гоголя.

Когда я учился в школе, наша преподавательница литературы заставляла нас учить наизусть большие отрывки из всех произведений, которые мы проходили. Мы, естественно, злились на нее, судачили, говорили, что учительница эта больше ни на что не способна — только заставлять

выучить цитаты.

Но пришли экзамены — и нам было легко писать сочинения. В ту пору книгами на экзаменах пользоваться не разрешалось. А прошло много лет, и если скажут — «Война и мир!» — сразу вспоминается: «Старый дуб, весь позеленевший...» — и так далее, и так далее, и будто видишь Андрея Болконского перед собой и слышишь дивную речь Толстого...

Оттого, что учили *основательно*.

Неосновательное учение не имеет силы. Что само собой запоминалось — то само собой и забудется: что легко пришло — легко уйдет.

Так, что же, все зубрить наизусть. Нет, отчего же все?

На уроке нужно понять.

Многое невольно запомнить.

Облегчить себе этим произвольное запоминание.

Потом запоминать уже целенаправленно.

Пересказ

Но ведь в обычной школьной жизни учить наизусть хоть и надо, но и не так уж часто. Далеко не каждый день.

Зато каждый день надо уметь *пе-*

ресказать несколько страниц учебника. А пересказывать — совсем не то, что заучивать.

«В пятом классе у меня по истории была пятерка,— пишет И. К. из Фрязино Московской области.— Это потому, что я все параграфы учила наизусть. Но на это уходило полтора часа. А сейчас я их наизусть не учу, они очень большие. Получаю тройки. Я не понимаю, зачем нужна история. Ну зачем нужно учить про жизнь и быт феодалов, про то, как жили славяне? Зачем?»

На сегодня нам задали мало, всего одну страницу. Я уже прочитала ее пять раз и ничего не запомнила. И еще пять раз прочитаю. И все равно не буду знать, чем отличаются классы при феодальном и рабовладельческом строе...

У человека беда: он приучился все брать на память; это было возможно еще в четвертом — пятом классе, и совершенно невозможно в старших классах.

Та же самая беда у Бориса Ратникова из Куйбышева — и, наверно, у многих-многих ребят:

«От перечитанного я буквально ничего не помню. Я занимаюсь, можно сказать, больше, чем отличник.

Приду из школы, отдохну немного и сяду за уроки. Прочитаю текст несколько раз — и ничего не помню. Так просиживаю над ними до вечера. Приходится учить почти наизусть, тогда только немного запоминаю. А приду в школу, опять в голове ничего нет. Прочитаю на перемене, расскажу кое-как. Это началось у меня с пятого класса, а до пятого я учился хорошо. Думаю, что даже не сдам экзамены. Учу, учу, а ничего не помню. Свободного времени почти не остается. Если честно сознаться, я из-за памяти учусь неважно».

Во всех этих бедах Борис не виноват. Когда он учился в начальной школе и еще не умел сам управлять своим учением — вот когда он нечаянно допустил ошибку, а учительница не поправила его. В начальной школе особенно опасно стараться все учить наизусть, это приводит к зубрежке в старших классах. Если у вас есть младший брат или сестра в первом, втором или третьем классе, следите, чтобы они никогда не учили наизусть то, что нужно пересказывать.

«Как мне натренировать память?» — спрашивает Борис. Но как раз память ему тренировать не надо.

Надо упорно учиться пересказывать своими словами.

Переделывать текст «по-своему», упрощать, сокращать. Не читать его по пять раз, а работать, оперировать с ним: составить план, выписать главные понятия и определения, постараться понять содержание материала, тогда и усвоишь лучше, и запомнишь легче (по закону непроизвольного запоминания).

Память и увлечение

Лера Трояк из Приморского края для себя избрала свой метод. Вот ее письмо.

«Меня зовут Лера. Я учусь в восьмом классе. Самый скучный для меня предмет — это анатомия. Может, и не так он скучен, как противен. Учишь его и не веришь, что ты состоишь из всего того, что там написано. Я задумалась: может, есть такой способ, чтобы мне могла понравиться анатомия? Я подумала: а большую ли пользу принесит этот предмет? И решила — очень большую, ведь наши врачи без анатомии не могли бы вылечить людей, они бы не знали, где у человека сердце, где легкие. Я представила себе, что мы с подружкой заблудились в тайге и она сломала себе ногу, а я не читала параграф, где об этом написано, и Люда осталась калекой. Я так себе это внушала, что даже испугалась и выучила чуть ли наизусть этот параграф, и еще один лишний (на всякий случай). Потом пошла к подружке и сделала задание, указанное в учебнике, тренировалась на Люде оказывать первую помощь. Я даже не знала раньше, что можно так интересно учить урок. Мы нашли старые журналы и прочитали все статьи о переломах, вывихах и растяжениях, а потом до самого вечера перевязывали друг друга. Вчера я получила «пятерку» и считаю, что мой опыт удался. Потому что опять учу анатомию сегодня, хотя знаю, что меня не спросят завтра. Теперь хочется всегда учить так все предметы. Вдруг ты не научишься читать карту, а тебе это необходимо в данный момент, а вдруг к тебе подойдет иностранец, а ты не знаешь английского языка, и англичанин везде будет рассказывать, какие глупые люди в Советском Союзе, ведь по одному человеку судят о целом коллективе...

Мне 14 лет. Учение с увлечением! Трояк Валерия».

А Вера Губина из поселка Октябрьского Свердловской области научилась... превращаться в разных людей, в зависимости от предмета.

«Если я учу химию или физику — я химик или физик, но никто не верит в мои открытия. И мне нужно доказать, убедить людей. А вдруг я ошибаюсь? Проверяю свою работу вновь и вновь. Если решено верно — я рада, что все хорошо. Когда учишь алгебру или геометрию, тоже можно придумать множество занятий.

И так к каждому предмету можно

найти подход. Тогда все, что ты учишь, покажется интересным, новым и, главное, нужным. Все эти превращения мне очень помогают». Дальше умная эта девочка рассуждает совсем серьезно — видимо, ее опыты не прошли зря, и она научилась предвидеть возможные разочарования. Вера пишет:

«Может быть, кто-нибудь скажет, что такое серьезное дело, как учение, превратилось в игру. Мне кажется, он будет неправ. Ведь так превращаясь, ученик получает крепкие знания. Ему интересно. Он хочет учиться. И ведь он может выбрать профессию по душе. Он переберет уйму профессий. И какая-то ему понравится больше всех. Ведь эти превращения помогли мне и заинтересоваться учением, и я уже знаю, кем я буду. Я буду инженером-строителем...»

Степа Мельников из поселка Усга Кировской области «превращается» немножко по-другому. «Моим любимым предметом была математика», — пишет Степа. — И я вообразил, что я — великий математик, и стал делать задачу. Через полчаса она у меня получилась». На восьмой день пребывания в великих Степа обнаружил: «Когда я сажусь делать уроки по математике, то очень радуюсь! И во всем этом мне помогло учение с увлечением. Теперь у меня такое правило: «Математика — мать учения. Без математики никуда, но с математикой везде».

«Нравится ли вам такой способ учения? — спрашивает Степа. — Лично мне — очень».

Не знаю, как кому, а мне — тоже нравится, потому что Степа, как видно из его письма, стал лучше учиться, стал решать задач больше, чем задано. У него и на этот счет появился девиз: «Чем больше, тем лучше».

И, наконец, совсем другой прием придумал Саша Титов из Мурманска: «Перед тем, как учить русский язык, я говорил себе, что это очень интересная работа и что нет большего удовольствия, чем делать ее. В самом тексте я делал как бы «станции». Это заглавные буквы, у имен собственных. Я говорил себе, что заглавные буквы очень красивые и вы-

глядя ввусительно. Я старался писать как можно красивее, выполнял все задания и, наконец, первого октября почувствовал что-то похожее на удовольствие, когда я делал русский язык. А третьего октября нам не задали по русскому языку, и я был огорчен. Теперь у меня самый любимый предмет — русский язык».

Конечно, вывод, пожалуй, и успешный: через неделю любимый предмет может оказаться опять в нелюбимых... Но интересно, что Саша увидел один из подводных камней заучивания и нашел способ преодолеть его: чем однообразнее материал, тем хуже он запоминается. Саша выделил «станции», яркие, заметные слова, разбил однообразие — и работа пошла быстрее!

Возможно, сначала кажется, что все эти «превращения» к памяти не имеют отношения.

Но ребята поняли самое важное в проблеме памяти: чтобы запомнить что-то, нужны не только приемы, но прежде всего потребность запомнить, цель!

С. Соловейчик

К читателям-родителям

Понятно, что улучшить память в течение двух-трех недель нельзя. Так что на этот раз не задания, а советы.

1. Если у вас есть возможность помогать детям делать уроки, следите за тем, чтобы они — особенно в первых классах — не учили наизусть то, что нужно только пересказывать. Выучив урок назубок, сын, возможно, порадует вас «пятеркой», но сегодняшняя «пятерка» позже обернется «тройкой», сегодняшняя радость — завтрашней бедой.

2. Рассказы ребят в этой статье о мысленных «превращениях» помогут вам самим придумать такую игру. Подскажите своим детям такую возможность.

3. Если у ребенка плохая память, постарайтесь увлечь его целью побольше учить наизусть стихотворений и прозаических отрывков из книг. Но помните, что это не может быть вашим требованием: учи! Это должно стать целью ребенка. Скажите ему: «Давай развивать память! Но это трудная работа — на год или на два». Смело поручитесь, что успех придет обязательно («я тебе обещаю», «ты сам удивишься результату», «через два года у тебя будет замечательная память»). Сына или дочь непременно увлечет такая цель. А дальше все зависит от вашего внимания, от ваших напоминаний и похвал, от вашей настойчивости.

Нужно только искренне верить в то, что память ребенка развить можно, и не отчаиваться, если результаты будут видны не сразу. Ваша уверенность в успехе передастся детям и придаст им силы.

Беда, которой могло не быть

...В свободное время отец любил вырезать из фанеры и дерева различные фигурки, рамки. Сережа увлеченно наблюдал за его работой: «Покажи, как это делать...» Но в ответ слышал: «Успеешь, мал еще». А мальчику не терпелось попробовать самому. Как-то, оставшись один, он взял остро отточенный нож и начал строгать палочку. В неумелых руках нож соскользнул и поранил сухожилие. Понадобилось делать операцию, а затем, когда сняли гипс, долго разрабатывать больную руку.

С детскими травмами — ожогами, переломами, порезами, ушибами — в семью приходит несчастье. Как же избежать беды, охранить, защитить детей?

Много самых разных неожиданностей подстерегает ребят — любопытных, пытливых, нетерпеливых в своем стремлении познать мир. Не имея опыта, они во всем стремятся подражать взрослым, однако неумение порой обходится им очень дорого. Если бы отец Сережи внимательней отнесся к просьбе сына, научил его пользоваться ножом, да еще припас для мальчика особый, не такой опасный нож, ранения можно было избежать.

Для такой науки, для таких занятий с детьми у родителей всегда должно найтись время. Старшие обязаны обучить ребенка, сообразуясь с возрастом, несложным приемом обращения с самыми разными предметами. Например, показать девочкам, как пользоваться иглой, вязальным крючком, спицами. А мальчикам — как строгать, пилить, рубить. Детей нужно научить пользоваться газовой плитой, спичками, электроприборами, объяснив, в чем может заключаться опасность. Если же вы и сами будете аккуратно соблюдать все меры предосторожности, обращаясь с вещами, то ваш пример будет лучшим уроком для ребенка.

Что же касается малышей, то от них пока придется прятать все предметы, которые они могут обрести себе во вред. Пуговицы, брошки, мелкие монеты — все блестящее, яркие маленькие безделушки, которые взрослые иногда дают детям поиграть или просто не забываются убрать подальше, могут принести немало неприятностей. Вот маленькая Марина увидела на ков-
ре яркую бусину, оброненную мамой,

и положила ее в рот. «Что ты делаешь! — закричала мать. — Выплюнь сейчас же!» Девочка вздрогнула, вдохнула, и бусинка попала в дыхательное горло. Пустяк обернулся серьезной неприятностью.

Если вы оставляете хоть ненадолго маленького ребенка одного, не забудьте тщательно проверить, не забыли ли вы случайно опасные вещи — режущие, колющие — на виду у малыша. Со временем вы научите его обращаться с ними, а пока лучше избежать преждевременного знакомства. Совет этот не оригинален, и тем не менее им часто пренебрегают. А ведь для малыша даже яркий, заманчивой клубок шерсти с воткнутыми в него спицами — опасное «оружие»...

...В один из детских стационаров был доставлен четырехлетний Витя с тяжелыми ожогами. Что же произошло? Мальчик был простужен, и родители уложили его в постель. С Витей остался отец, затем ему понадобилось ненадолго отлучиться из дому. Он ушел, забыв на столике у кровати сына папиросы и спички. Поиграв с этими предметами для ребенка всегда соблазнительно, но огонь, к сожалению, распространяется быстро...

Вы сами можете рассказать не один случай. И все же продолжают попадать в больницы дети с ожогами, полученными из-за небрежности, недосмотра, оплошности родителей, которые привыкли к «опасным» вещам. Ведь взрослым они не сулят особых бед, если с ними обращаться осторожно.

Довольно часто врачам приходится выводить из тяжелого состояния детей, «попробовавших на вкус» лекарства и химические препараты, которые дома неправильно хранились. Привычные, безобидные аспирин, обезболивающие оставляются иной раз на виду у детей. Яркие упаковки привлекают внимание малышей. «Знакомство» с этими веществами может привести к сильнейшим отравлениям. К примеру, несколько таблеток амидопирин (пирамидона) вызывает у ребенка тяжелое нарушение функции почек.

Большие неприятности может доставить и хорошо известный хозяйкам укус. Трехлетняя девочка попала в больницу с сильными ожогами ротовой полости, пищевода, желудка. Несчастье случилось в день рождения. Готовясь к приему гостей, мама налила в чашку уксусную эссенцию и на минуту вышла из кухни. Маленькая именинница сделала несколько глотков... И вместо дня рождения — несчастье. Предстояло длительное, неприятное лечение. Виновата мамина неосторожность (к сожалению, мама еще и не знала, что в таких случаях надо сразу дать выпить разведенную питьевую соду, нейтрализующую уксусную кислоту).

Даже на минуту оставленные без присмотра младенцы падают с кро-

ватей, опрокидывают на себя чашки с горячим молоком. Привлеченные пролетающими мимо окон голубями, дети тянутся посмотреть, срываются с подоконников, падают с балконов. Стоит ли говорить, какими предосторожностями должны быть взрослые, стараясь предвидеть все, что угрожает жизни и здоровью ребенка.

Но, пожалуй, труднее всего с подрастающими. Их мир сложнее и многообразнее, игры, особенно у мальчиков, всегда активны, подвижны, и сколько бы вы ни внушали сыну, что нельзя лазить по деревьям и прыгать через канавы, нет никакой гарантии, что он будет вести себя так, как вам хочется. И все же дисциплина, воспитанная с малолетства, сумеет удержать подростка от безрассудного риска в игре. Но и взрослые должны позаботиться о том, чтобы у ребят было как можно меньше возможностей получить травму.

Особенно много травм бывает на неприспособленных для игр, не оборудованных для занятий спортом площадках. Минувшей зимой мне пришлось познакомиться с девочкой, которая очень хотела научиться кататься на коньках и просила маму поехать с ней на каток. Но маме было некогда. «Пойди во двор, сначала поучись там кататься сама», — предложила она дочери. Во дворе не было настоящего катка, девочка попробовала кататься по неровной дорожке, упала, подвернув ногу. Повреждение связок стопы надолго помешало ей свободно двигаться.

Когда дело касается организации полноценного здорового отдыха ребят, родителям не стоит отмахиваться, ссылаясь на занятость. В их силах и возможностях помочь оборудовать площадки для игр, провести с детьми спортивные соревнования. Дежурство взрослых во дворах, около школ, на спортивных площадках поможет поддерживать там порядок.

...У дома смели сухие листья, собрали и подожгли мусор. Дворник ушел, решив, что выполнил свои обязанности. А у костра суетились ребята, подбрасывали щепки, затеяли шумную, веселую возню. Один из мальчиков упал, угодил в пламя, на нем загорелась одежда. Приятели растерялись, взрослые поблизости не оказалось, и мальчик получил сильные ожоги.

Недобросовестное отношение к своим обязанностям, нарушение трудовой дисциплины, антиобщественное поведение взрослых часто приводит к тяжелым случаям детского травматизма. На ногу одиннадцатилетнего мальчика упала бетонная плита перекрытия, которую не удалось убрать строители. Конечно, находиться на стройках детям категорически запрещено, но ограждение сделали наспех, ворота после окончания рабочего дня оказались открытыми, а сторожа вообще не было. Этим и воспользовались ребята.

чтобы побывать в заманчивом для них месте. Один из них расплатился за любопытство тяжелым увечьем.

Обычно идут рядом травмы и пьянство. Где бы ни находился нетрезвый человек, он угрожает здоровью и благополучию детей.

...В глазной больнице оказался мальчик восьми лет с ранением правого глаза. Его отец, явившись домой пьяным, затеял скандал на кухне, ударил кулаком по стеклянной двери. Отлетевший осколок попал в глаз сыну.

Детские травмы обусловлены и возрастными особенностями, и состоянием здоровья ребенка, и воспитанием.

Точнее — недостаточным воспитанием. Отсутствие прочных навыков правильного поведения дома, на улице и в общественных местах, неумение ориентироваться в окружающей обстановке чревато серьезными последствиями. Немало несчастий с детьми происходит на улицах и дорогах. Ребята перебегают улицу перед идущим транспортом, не обращая внимания на сигналы светофора, затевают игры на проезжей части. Как правило, выясняется, что они знали, где и когда можно переходить улицу, знакомились с этими правилами в школе. Но не были приучены к их строгому выполнению. Довольно часто и мы, взрослые, подаем детям дурной пример, на их глазах нарушая правила уличного движения.

Многие не знают, что детям до четырнадцати лет ездить на велосипеде по улицам города запрещается. А дети ездят, пользуясь нашим невниманием и попустительством. Да еще катают на раме или на багажнике приятелей.

Итак, профилактика детских травм складывается из нашей внимательности, аккуратности, собранности и дисциплинированности и того, как мы воспитаем эти же качества в детях.

Еще одно обстоятельство: хорошо физически развитые, ловкие, сильные мальчики и девочки меньше падают, ушибаются, реже получают повреждения во время игр, катаются на коньках и лыжах. Значит — физкультура и спорт тоже помогают предотвратить травмы.

Ну а если несчастие все-таки произошло? Мы должны быть готовы и уметь оказать пострадавшему правильную своевременную помощь. Остановленное кровотечение, вовремя сделанное искусственное дыхание могут спасти жизнь ребенку, улучшить исход травмы. В то же время в этих случаях опасна и излишняя активность. Неумелое вправление вывихов и переломов, смазывание неподходящими «домашними средствами» обожженных поверхностей, неправильная транспортировка в лечебное учреждение могут причинить непоправимый вред.

Т. Рудякова,
кандидат медицинских наук

До прихода врача

Не только взрослым, но и ребятам старшего возраста надо хорошо знать правила оказания первой доврачебной помощи при травмах. Следует запомнить некоторые общие положения:

1. Рану нельзя трогать руками, промывать водой, прикрывать тряпкой или бумагой. Ее поверхность лучше всего обработать перекисью водорода, небольшую ранку можно смазать йодом. Если нет перекиси, а рана значительная, то йодом надо смазать только кожу вокруг нее, а затем наложить стерильную повязку или обвязать чистой, хорошо проглаженной материей.

2. При кровотечении, когда поранена рука или нога, накладывают жгут (можно сделать закрутку из ткани или резиновой трубки). Жгут накладывают выше места повреждения: на руке — выше, у плеча. На ноге — в верхнем отделе бедра. Жгут может быть наложен не более чем на два часа. Поэтому надо обязательно запомнить и рассказать врачу, когда это было сделано.

На голову и туловище при кровотечении после обработки раны перекисью или йодом накладывается тугая повязка.

3. При подозрении на закрытый перелом руки или ноги в тех случаях, когда ребенка приходится самостоятельно доставлять в лечебное учреждение, накладывают фанерную шину или предмет, ее заменяющий (лыжу, толстый картон, дощечку), прибинтовав суставы, находящиеся ниже и выше повреждения. Можно также прибинтовать больную ногу к здоровой, а руку — к туловищу.

При открытых переломах, когда имеется рана, ее надо сначала обработать, как уже было сказано, перевязать, и только потом накладывать шину. Не следует при этом делать грубых движений, пытаться что-то «вправить», ибо можно вызвать еще более сильное кровотечение.

4. При сильных ожогах надо ограничиться наложением повязки или обернуть ребенка в хорошо проглаженную простыню, дать ему горячий сладкий чай и поспешить в больницу.

При небольшом легком ожоге поврежденное место можно смазать спиртом, одеколоном, слабым раствором марганцовки или вазелиновым маслом. Но лучше и такой самодельностью не заниматься. Ни в коем случае нельзя смазывать обожженные поверхности жиром, соевыми жидкостями и другими домашними снадобьями.

5. Если при отсутствии видимых повреждений ребенок бледен, пульс слабый, то можно заподозрить повреждение внутренних органов, черепно-мозговую травму. В этом случае не надо его тормошить, давать питье, сердечные лекарства, лучше постараться как можно скорее вызвать скорую помощь. Если это невозможно, следует аккуратно, со всеми мерами предосторожности, стараясь не трясти, доставить больного в лечебное учреждение.

6. Нельзя самостоятельно вправлять вывих. Это должен сделать врач. Надо только перевязать конечность, создав ей максимальный покой.

7. Отмороженные места нельзя растирать снегом, ваткой: могут возникнуть дополнительные мелкие травмы кожи и попасть инфекция. Растирать можно лишь ваткой или чистой тряпочкой, смоченной спиртом или водкой, до появления чувствительности кожи, затем смазать поврежденную поверхность вазелином и наложить повязку. Если отморожение глубокое и появляются пузыри, то растирать это место вообще не следует, надо только наложить повязку, согреть пострадавшего, дать ему горячее питье, и как можно скорее доставить в больницу.

8. Если у пострадавшего отсутствует дыхание при повреждении электрическим током или нет дыхания у ребенка, спасенного из-под воды, где он оставался какое-то время, надо немедленно приступить к искусственному дыханию. Теперь это делают способом «рот в рот» или «рот в нос»: вдыхают воздух в рот или нос ребенка с частотой 16—18 дыханий в минуту. Искусственное дыхание надо продолжать делать до прихода врача или фельдшера.

После оказания первой доврачебной помощи ребенок обязательно должен быть доставлен в травматологический пункт, поликлинику или больницу.

Семена «Золотой розы»

Беру том сочинений Константина Паустовского с «Повестью о жизни» и открываю первую часть этой повести — «Далекие годы». Многократно читанную. Вроде бы и насквозь закомую. И все-таки, начав перечитывать, не могу оторваться.

Мне кажется полезным внимательно вчитаться в эту книгу о детстве и отрочестве, в эту историю ребенка, чья отзывчивость на радости и горести жизни удесятерена скрытыми в его душе семенами «Золотой розы».

...Люди помнят свое детство по-разному. Одни с очень ранних лет, другие — лет с пяти. Одним больше запомнились радости первых лет, другим — огорчения. Но абсолютно всем знакомы вспышки эмоциональной памяти, вызванные каким-нибудь случайным запахом или прикосновением.

Первая радость, доставляемая нам книгой Паустовского, — это именно возвращение читателю остроты детского зрения.

Мы слышим, как плещутся караси в глухой воде пруда, и вместе с маленьким Костикум, присоединившимся к отцовской рыбалке, погружаемся в таинственный мир воды и растений. Мы остро вспоминаем детское восприятие жаркого лета с его страшными грозами, зарослями ежевики и радостным ощущением беззаботности. Фантазерство маленького Костику будит в нас память о наших собственных детских фантазиях.

С самого раннего детства начала складываться та отточенная наблюдательность, которую мы так ценим в книгах Паустовского. Так же рано определилась и другая главная черта личности писателя — страсти к странствиям, к неизведанным местам. Частые переезды семьи маленьким Костику воспринимает с восторгом. Сады Киева и Брянские леса. Геленджикская бухта и заснеженные равнины Средней России — все это мы видим светлыми и чистыми глазами ребенка. Приведем отрывок, достойный, мне кажется, такого же заучивания наизусть, как, скажем, «Чуден Днепр при тихой погоде»:

«Я не знаю страны, обладающей

такой огромной лирической силой и такой трогательно живописной — со всей своей грустью, спокойствием и простором, — как средняя полоса России. Величину любви к ней трудно измерить. Каждый знает это по себе. Любишь каждую травинку, поникшую от росы или согретую солнцем, каждую кружку воды из лесного колодца, каждое деревце над озером, трепещущее в безветрии листьями, каждый крик петуха и каждое облако, плывущее по бледному и высокому небу.

...Мало одной жизни, чтобы испытать до конца все очарование и всю исцеляющую силу нашей русской природы».

До поры до времени ребенок ставит знак равенства между красотой мира и его добротой. Блаженное неведение о зле, о несправедливости присутствует Костику почти до семи лет.

И вот — первое вторжение боли. Чем гармоничнее был внутренний мир ребенка, тем острее эта боль.

Бабушка-полька взяла Костику с собой в свое паломничество по католическим святым местам. Ченстохов, Вильно, Варшава... И тут впервые мальчик сталкивается с безысходным человеческим горем. Весь сжавшись от ужаса, он наблюдает страстные молитвы какой-то матери за умирающего ребенка. Он потрясен. Оказывается, в этом радостном и простом мире есть непонятные горькие тайны, есть болезнь и смерть...

Вскоре приходит новое печальное открытие. Существует еще и бедность, унижительная нищета. И гнездится она совсем неподалеку от Костику, на пустыре, раскинувшись в конце тихой Святославской улицы в Киеве. Там живет шарманщик, ходящий по дворам со своей дочкой Лизой — гимнасткой, «человеком без костей» — и с попугаем, вытаскивающим «счастье». Попад в впервые в жилище шарманщика, Костику — великодушная, рыцарственная натура — просто захлебывается от ужаса. Его собственная семья, живущая на скромный оклад отца-статистика, сразу кажется ему несправедливо богатой по сравнению с семьей шарманщика. Вот гибнет у них кормилец-попугай — и сразу же они на грани полного голода...

Что же произошло с этим миром, который, казалось, так надежно покоился на разумных и добрых основах? Неокрепшее сознание ищет ответа на трудные вопросы. Рождается неистребимая страсть к чтению. Костику становится яростным пожирателем книг... Мать мальчика приходит в ужас от этой неумеренности сына. Не менее опасной кажется ей приверженность его ко всевозможным зрелищам. Уж очень эта страсть самозабвенна. К тому же Костику никак не может отделить театральное зрелище от действительности.

Да и вообще в пристрастиях этого

ребенка нет никакого чувства меры. Одно увлечение сменяется другим, и в любом случае — он неистов. То бредит театром, то путешествиями... Так увлекся игрушечным флотом, что занят этим круглые сутки. Создал целое пароходное предприятие со звучными названиями кораблей, следит за рейсами, зачитывается путеводителями, судовыми справочниками...

Тут-то встревоженная мать и проносит вслух: «Как бы это не кончилось менингитом». А в минуты раздражения начинает пророчить сыну пресловутую «смерть под забором». И с каждой такой сценой сын отдаляется от нее, укрепляется в ощущении своей непонятности.

Читатель «Далеких годов» неизбежно отложит в этом месте книгу и задумается. Ведь перед каждым родителем и воспитателем почти обязательно встает вопрос — об увлечениях ребенка на переломе от детства к отрочеству. С большей или меньшей страстностью — это уж зависит от темперамента — почти каждый ребенок проходит эту стадию всепоглощающих увлечений. И часто увлечения эти тем глубже, чем одареннее ребенок.

И вот мальчик, забрасывая все свои дела, бредит поочередно то астронавтикой, то мореплаванием. В конце концов не так уж важно — чем. Гораздо важнее — не натворит непоправимых воспитательских беспроколов в этот ответственный момент душевного горения ребенка. Ведь никакие запреты не в состоянии оторвать мысли ребенка от захватившей его страсти. Никакие уговоры насчет необходимости правильно распределять время, не запускать школьные занятия и вообще «не выдумывать» не возымеют действия, а только подтвердят ощущение непонятности.

И наоборот, взрослый, проявивший понимание и сочувствие, надолго сохранит благодарную привязанность ребенка. Таким понимающим человеком был отец Костику.

«...Намного позже, — пишет Паустовский, — я понял, что мой отец был по существу совсем не статистиком, а поэтом».

Проявляя терпимость по отношению к фантазиям и завихрениям впечатлительного, нервного, одаренного мальчика, никогда не позволяя себе дурных пророчеств о его будущей судьбе, отец в то же время старался воспитывать в нем чувство реальности, умение ориентироваться в практической жизни. В этом отношении характерен такой эпизод: когда в семье было решено отправить Костику на лето к дяде, отец категорически заявил, что Костику поедет туда один, без сопровождающих. Эта самостоятельная поездка ученика подготовительного класса осталась в памяти писателя как крупная веха в его душевном становлении. Преодолев волнение и безотчетный страх, мальчик почувство-

вал вдруг радость от своего первого самостоятельного жизненного шага.

«...Я был счастлив. Я впервые испытал ту путевую беззаботность, когда ни о чем не надо думать, а только смотреть за окном на ржаные поля, рощи, маленькие станции...»

Детство Костика протекало в эпоху, насыщенную знаменательными событиями. Революция 1905 года. Колонны демонстрантов, свист полицейских нагаек. Декабрьское вооруженное восстание в Москве. Неудивительно, что уже в очень ранние годы Костик и его сверстники узнают имена Плеханова и Чернышевского, Герцена и Кропоткина. Приобщение городских подростков к духовной жизни эпохи создает условия для быстрого созревания юной души.

От эпизода к эпизоду читатель наблюдает, как формируется в растущем человеке тот внутренний стержень, который стигматизирует все дела, мысли, чувства в одно целое — личность. И эта формирующаяся личность трепетно ждет счастья, не смотря на то что семья, в которой живет мальчик, глубоко несчастна. Она раздражается внутренними противоречиями и наконец распадается совсем.

И вот парадокс, сложившийся в семье Костика. Казалось бы, вся вина за распад семьи лежит на отце. Ведь это именно он нашел привязанность «на стороне», именно он проявил инициативу в разводе с прежней семьей. Мать же, наоборот, самоотверженно и беззаветно отдает себя детям. Она обиженная, страдающая сторона. И тем не менее, несмотря на сыновнюю жалость, Костик все больше отдаляется от матери.

Почему так произошло? В том бескомпромиссном раннем возрасте, в каком находился Костик в момент распада семьи, он еще не мог полностью глубоко оценить готовность матери к любой жертве ради детей и, наоборот, проявлял крайнюю раздражительность против того, что мать не поняла его и трезвено расценивала увлечения сына как нелепое и даже опасное для жизни фанатизмство.

А вот отец — грешник, во многом виноватый перед семьей, сохранил доверие сына и контакт с ним. Почему? Потому что он умел интуитивно проникнуть в его внутренний мир, в то же время доверительно допуская мальчика в свои заветные чувства и мысли.

Вот именно этой интонацией беседы на равных, этим горьким признанием своего жизненного поражения, а главное верой в одаренность сына, в его светлое будущее и победил отец. Несмотря на разлуку с ушедшим отцом, Костик сохраняет с ним глубокую внутреннюю связь.

Так обстояло дело в момент распада семьи. И однако... Было бы ошибкой судить о матери прямолинейно, однопланово и подводить ее

отрыв от сына под мещанскую формулу «сама виновата». Пройдет еще сколько-то времени, и юноша, сразу повзрослевший у отцовского гроба, взглянет на мать новыми глазами, впервые ощутив глубину ее страдания. Все это читатель почувствует, если внимательно перечитает замечательную главу «Смерть отца».

Усадьба, где умирал отец, стояла на острове среди бурной реки Рось, в двадцати верстах от Белой Церкви. Как раз в ту роковую для Паустовских ночь на реке пошел лед. С большим риском Костик добрался до умирающего. Мать приехала к берегу реки немного позднее, когда уже не могло быть и речи о переправе. Ночью, когда над отцом читали псалтырь, Костик вышел на берег.

«Река ревела. Вода шла через греблю холодным водопадом... И все время кто-то махал на том берегу фонарем и кричал, но слов за шумом реки нельзя было разобрать...»

Утром, когда хоронили отца, а река все не унималась, юноша увидел на том берегу маленькую женщину в черном — свою маму.

«Она стояла неподвижно на берегу. Она видела оттуда, как выносили отца. Потом она опустилась на колени и упала головой на песок...»

Потом она вскочила и побежала вдоль берега к гребле. Извозчик схватил ее. Она бессильно опустилась на землю и закрыла лицо руками.

Отца несли по дороге в рощу. На повороте я оглянулся. Мать сидела по-прежнему, закрыв лицо руками».

Это было именно то редкостное мгновение жизни, когда во мраке горя неожиданно высветляются многие тайны чужой жизни. С этой похоронной тропинки открывался для сына обратный путь к матери.

Кроме родительской семьи, Паустовский в «Далеких годах» вводит читателя в мир другого, более сложного и многозначного коллектива. Это коллектив киевской мужской гимназии, о которой в книге говорится то с раздражением, то с гордостью, то с иронией, то с восхищением, но неизменно с любовью.

Нет, конечно, это вовсе не идеализация революционного российского среднего образования. Писатель зорко видит все то серое, формальное, гнетущее, что несла с собой официальная система. Полны обличительной сатирической силы такие персонажи, как законоучитель протоиерей Трегубов, ненавидевший детей и вызывавший ответную ненависть, как словесник Тростянский, деливший всех писателей на крамольников и благонамеренных. Но читатель понимает и разделяет любовь автора к лучшим наставникам.

Неисчерпаемый материал для размышлений об учительской профессии дает эта книга. Паустовский, рисуя портреты своих талантливых учителей, как бы дает ответ на вопрос: «Какие же качества — профессио-

нальные и человеческие — делают влияние учителя на молодежь неотразимым?»

Прежде всего — эта высокая образованность в области своей науки, помноженная на страстное, глубоко эмоциональное отношение к ней. Вот перед нами учитель истории, именуемый «старик Клячин». Именно он открыл своим ученикам самые огневые точки в истории Западной Европы.

«Он бросал слова, как комья глины. Он лепил ими живые статуи Дантона, Бабефа, Марата, Бонапарта, Луи-Филиппа, Гамбетты».

Негодование клекотало у него в горле, когда он говорил о девятом термидора или о предательстве Тьера...»

А вот словесник Селиханович, пришедший на смену бездарному Тростянскому:

«Он снял с нее (с литературы. — Е. А.) пыль и грязь неправильных и мелких оценок, равнодушия, казенных слов и скучной зубрежки. И она заиграла перед нами таким великолепием красок, глубиной мысли и такой великой правдой, что многие из нас, уже взрослые юноши, были поражены».

Образ классного наставника Субоча написан особенно теплыми красками. Бескорыстная откровенность от всяких личных соображений, великодушие, готовность в любую минуту прийти на помощь каждому из этих мальчишек, так бездумно досаждающих ему.

Лучшим учителям гимназии удавалось достичь труднейшей педагогической цели — стать подлинными друзьями своих воспитанников.

«Золотой розой» Паустовский называл писательское творчество. Он говорил: «Каждая минута, каждое брошенное незначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутовская мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца... все это крупинки золотой пыли...»

Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями... собираем незаметно для себя, превращаем в сплав и потом выковываем из этого сплава свою «золотую розу»...

Закрывая «Далекие годы» — книгу Паустовского о его детстве и отрочестве, я задумываюсь над тем, что ведь крупинки золотой пыли — это материал не только для литературного сплава, но и для многих других чудесных сплавов.

Каждый человек с его богатым внутренним миром постепенно накапливает, начиная с самых ранних лет, свои золотые крупинки, чтобы потом выковать из своего сплава свою собственную «золотую розу».

А нам, родителям и педагогам, — только бы не проглядеть, только бы вовремя различить за фантазиями и завихрениями мальчишки или девчонки семена «золотой розы». И не только различить, но и бережно взрастить их.

Девочка Люба и другие

Л. Матвеева. *Казаки-разбойники. Повесть. Рисунки С. Трофимова. М., «Детская литература», 1973.*

Это книга о довоенной поре, о ребятах одного московского двора, об их буднях и праздниках, встречах и потерях, радостях и горестях.

Девочка Люба, главная героиня книжки, вместе со своими друзьями и подругами жила тогда на Плющихе, где «летит-гремит под гору грамвай», где в керосиновой лавке «на полках лежат связки толстых желтых свечей и стоят ящики с гвоздями», где воздух бывает «не гемно-синий, а просто синий и какой-то нарядный...» Ребята любят свой двор, особенно тот его угол, в котором кто-то сложил пахнущие «свежими опилками и сыростью доски», или — длинную скамейку, на которой «сколько хочешь, столько и поместится народу...» В таких дворах каждый день случаются десятки историй — иногда веселых, иногда не очень.

Мир детства изображен автором очень подробно, красочно и ярко. В нем и тайны, и елки, и школьные диктанты, и катание на санках вдоль Бережковской набережной. Есть здесь и самое главное, ради чего пишется книга, — образ времени. Времени челюскинцев и Чкалова, экспедиции Папанина и отважных летчиц, борющейся Испании и пионерских песен про взвивающиеся кострами синие ночи, времени, которое определило взгляды на жизнь и сами судьбы этих мальчишек и девочек, выросших на старом плющихинском дворе. Отсюда они ушли на войну с врагами Родины, и не всем дано было вернуться назад...

Хотя книжка Л. Матвеевой, судя по издательской ремарке, предназначена «для младшего возраста», не менее полезно будет познакомиться с ней родителям и педагогам. Дело даже не в занимательности или точно зафиксированных бытовых подробностях. Речь идет не столько об эффективности сюжетных поворотов, сколько об эффективности воздействия книги на читателей самого разного возраста, о ярко выраженном педагогическом характере большинства эпизодов и коллизий произведения. При всей ее яркости и внешней легкости, «Казаки-разбойники» — проза достоверная, часто

жестокая и даже беспощадная. Не просты в повести взаимоотношения детей и взрослых.

У девочки Сони, одной из Любых одноклассниц, в комнате жила курица. Соня выводила ее на веревочке гулять... Курица привыкла к веревочке, привязанной за лапу, понимала, что раз привязывают, значит, сейчас поведут гулять. И вот однажды Соня пришла в класс и плача рассказала, что курицу... съел папа. «Пришел пьяный, зарезал, сварил и съел...»

После, видимо, папу начинает мучить совесть, и на следующий день он заходит в школу, где учится Соня. «Вдруг открылась дверь класса, и вошел человек. Высокий и широкий, в мятном синем костюме в полоску, под пиджаком у него не было рубахи, а была майка, он застенчиво прикрывал грудь толстой ладонью...» Конечно, он снова был пьян. Но вот он видит, что педагог Вера Ивановна стоит перед ним «вся вытянутая вверх» и смотрит «сердито и справедливо... Наверное, он почувствовал, что все здесь заодно». И ребята смотрели на него «строго и брезгливо».

Эта скупое и твердо написанная сцена — впечатляющий и поучительный пример.

...Мальчика Никифорова каждый раз по дороге из школы встречает бабушка — к великому его стыду перед товарищами, перед девочками. А он, как назло, длинный — выше всех в классе. «Привстав на цыпочки, бабушка укутывала длинную шею Никифорова серым пушистым шарфом, завязывала уши шапки и еще сверху приглаживала уши ладонями, чтобы плотнее прилегли».

Ясно, что в этих эпизодах повествование ведется и для взрослых. Автор решает параллельно сразу две задачи. Во-первых, он старается привлечь внимание ребенка на в общем-то знакомый ему мир, ненавязчиво, хотя и настойчиво объясняя, что такое хорошо и что такое плохо, а во-вторых, — помогает взрослому увидеть мир детства со всеми его особенностями и сложностями.

В. Черняк

Профессия? Офицер!

Вадим Инфантьев. *Честь и долг. Рассказ о военной профессии. Оформление А. Зубова. М., «Детская литература», 1973.*

Книги на военно-патриотическую тему, в частности о военных профессиях, всегда интересовали наших школьников. За последние годы эта литература обогатилась и новыми именами, и новыми книгами. Среди них хотелось бы отметить книгу Вадима Инфантьева «Честь и долг».

Несколько лет назад вышла книга того же автора — «Солдат всегда солдат» — о подготовке юношей-допризывников к службе в армии. Небольшая по объему, она сразу обратила на себя внимание читателя и была высоко оценена критикой.

Новая книга В. Инфантьева продолжает военную тему. Она знакомит читателя с профессией кадрового офицера. В сжатой, но образной форме автор рисует перед читателем облик советского офицера, рассказывает, как подготовить себя к этой нелегкой, но почетной профессии.

Мы ценим в советском воине его преданность Родине, исполнительность, мужество, честность, отвагу, благородство, глубокие знания. Автор показывает все это на конкретных примерах, в живых и выразительных сценах. Часто он ссылается на собственный жизненный опыт. «Об этом я говорю уверенно — пишет В. Инфантьев, — так как знаю ее (военную профессию. — Е.Р.) не по книжкам и не понаслышке. Ей я отдал многие годы своей жизни. И этим горжусь».

Книга В. Инфантьева «Честь и долг», написанная живо и занимательно, имеет и познавательное значение. Юный читатель найдет здесь много полезных советов; особенно они важны для тех молодых людей, кто решил стать кадровым офицером. В небольшой книжечке (всего 47 страниц!) автор сумел сказать о многом и подробно раскрыть характер советского офицера, защитника социалистического Отечества.

Е. Ручимская

Воспитание делом

Н. Макарова. *Рассказы об отце. М., «Знание», 1973.*

Эта книжка написана об отце — известном критике Александре Макарове, личности незаурядной, активной. «В этой книге нет особой последовательности, строгой логики изложения, педагогических наставлений», — пишет Н. Макарова в авторском предисловии. И действительно, так; книга и интересна именно тем, что как отец-воспитатель проявляется в ней не наставлениями, не беседами (хотя говорит он интересно), а делом.

Много ли стоят слова о том, что надо помогать людям, заботиться о них, стараться понять их... Отец делает добро, считая это жизненной необходимостью, и вовлекает в эти свои «взрослые» дела дочку.

Очень важно в отце, о котором написана книжка, стремление не противопоставлять себя — человека мудрого, много знающего и делающего, — дочери. В книге не возникает ситуаций, когда отец говорит доче-

ри: мне некогда. Скорее случается, что дочь пытается остановить отца в каком-то связанном с ее жизнью деле, потому что ему действительно должно быть некогда. Отец никогда не предлагает брать пример с себя, а если говорит дочери о каких-то ее недостатках, то всегда заметит: все, дескать, нам такое тоже свойственно, но вот видишь — стараемся, изживаем.

Эта книга о воспитании доброты — добротой, скромности — скромностью, искренности — искренностью... Секрет воспитания, талант отца здесь, казалось бы, очень прост: в обращении с ребенком быть хорошим человеком. Не стараться выглядеть лучше, чем ты есть, — так ничего не добьешься, — а быть действительно лучшим.

Интересно написано о мягком, терпеливом, понимающем отношении отца к девочке-подростку, к опасному «переходному» возрасту. «Помню, однажды я сказала матери что-то очень несправедливое и через минуту, опомнившись, пожаловалась отцу: «Папа, почему я такая?..» — «С возрастомглупеешь, малыш», — ответил он. И в ответ на мой недоуменный взгляд пояснил: «Многие ступени в жизни человека хоть и ведут вроде бы вверх, но начинают с вот с такого...»

О том, как отец помогает дочери преодолевать нелегкие возрастные ступени, не стоя на вершине «лестницы» и «вещая» оттуда, а стараясь идти с ней рядом, вместе с ней, — об этом книга Н. Макаровой. Автор не провозглашает универсальности и единственности тех воспитательных методов, которыми пользовался А. Н. Макаров. «Рассказы...» написаны в «отцовской» манере: они не учат и даже не советуют, а убеждают мыслью, примером, делом.

И. Завьялова

Тайное становится явным

Книги для детей по атеизму

О новгородском «чуде» рассказывает летопись.

Во главе совета, управляющего делами Великого Новгорода, стоял одно время епископ Иоанн. И хотя был он лицом духовным, поговаривали о нем всякое. А тут — засуха: все живое гибнет. Вздурораженные, голодные люди подумали, что виной всему — Иоанн, погрязший в грехах, и решили утопить его в Волхове. Но в последний момент передумали — заменили смерть изгнанием. Посадили Иоанна на плот и пустили по течению.

«Вот тут-то и случилось невиданное, поразившее всех: плот, выве-

денный на середину реки, поплыл... против течения! Потрясенные люди, стоявшие на берегу, решили, что свершилось чудо — бог заступился за епископа и, чтобы показать это, изменил течение реки».

Известно, какой суеверный ужас вызывало прежде у людей все непонятное в природе: смерчи, оползни, кровавые дожди. Даже в наши дни безобидный голубой дождь, выпавший весной 1954 года в США, вызвал у многих суеверных американцев немало разговоров о чудесном, непознаваемом.

А шесть солнц на небе! Это не выдумка и мистика. Такую картину можно было увидеть 21 февраля 1964 года в нескольких районах Молдавии. «Природа... не устаёт представлять нам то, что заставляет задуматься даже человека, далекого от обожествления неведомых ему сил», — пишет В. Мезенцев в «Энциклопедии чудес». Все примеры, приведенные выше, из этой книги. Она не только рассказывает об удивительных и грозных явлениях природы, но и дает их современное научное толкование, помогает заглянуть в тайну явления.

Любые необыкновенные случаи, происшествия, граничащие с чудесами, всегда имеют естественные причины — утверждает книга В. Комарова «По ту сторону тайны».

Автора книги особенно привлекают процессы, происходящие в глубинах сознания человека, интересует природа галлюцинаций, сновидений. Черпая примеры из окружающей действительности, обращаясь к художественной литературе, В. Комаров старается разобрать каждый из приведенных случаев, объясняет ребятам причину явлений, доказывает, что нет ничего сверхъестественного и в так называемых «вещих снах», и в удачных гаданиях.

Ну а когда возникли суеверные приметы, предрассудки и почему они так живучи? Ведь до сих пор многие верят, что разбить зеркало — к несчастью, рассыпать соль — к ссоре, увидеть во сне хлеб — к прибыли. Во Франции, например, даже в XVIII веке суеверные люди посыпали новорожденного ребенка солью. Отголоски же этого варварского обряда, бытовавшего также у греков, армян, дошли и до нашего времени.

Что лежит в основе религиозных обычаев и обрядов? Почему верующие постятся и крестят детей? Зачем на масленицу пекут блины, а на пасху святят куличи?

На все эти вопросы дает ответ книга И. Жерневской и Л. Ласкиной «Куда ведет аллея сфинксов».

История возникновения суеверий и любопытнейшие сведения о суевериях, существующих сейчас, содержится в книге В. Островского «Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!»

Оказывается, мощным исцеляющим средством считалась... веревка повешенного. В Германии еще в про-

шлом веке верили, что от бешенства можно уберечься с помощью... совы. Ведь сова — символ мудрости, поэтому тем, кто носит под мышкой ее сердце и правую лапку, не страшны укусы бешеной собаки. В русских деревнях знахари рекомендовали при носовых кровотечениях «взять замкнутый замок и дать крови капать через дужку». В английском графстве Суффолк еще совсем недавно «лечили» коклюш с помощью волос. Когда в семье заболевали дети, у старшей дочери вырывали несколько волосков, нарезали их на мелкие кусочки, бросали в молоко и поили им детей.

История суеверий — это и чудовищные по своей жестокости и бесчеловечности процессы против «ведьм». О них тоже рассказывается в книге. «Я бы предпочел, чтобы меня судили дикие звери, — писал судебный чиновник Герман Лёэр, — я бы предпочел попасть в логово львов, волков и медведей, чем в руки судьи, ведущего процессы против ведьм». Один только Бенедикт Карпцов — немецкий юрист и судья, живший в XVII веке, подписал 20 000 смертных приговоров. Документы тех времен, тексты приводятся на страницах книги — мрачное свидетельство злодеяний церковников, превративших охоту за «ведьмами» в доходный промысел.

«15 января 1757 года архиепископ города Кёльна подписал один из самых жутких документов в истории... Этот страшный документ состоит из пятидесяти пяти пунктов. Я заставил себя прочитать его от начала и до конца. Я узнал расценки на всевозможные виды пыток и казней. Пятьдесят пять пунктов, в точности определяющих суммы, которые надлежит выплачивать палачу за каждую из его услуг. Этот чудовищный список невозможно даже воспроизвести в печати», — пишет В. Островский, заканчивая свой рассказ о разгуле инквизиции.

*Г. Румянцева,
старший библиотекарь
Государственной республиканской
детской библиотеки РСФСР*

Продолжение разговора

*А. Г. Хрипкова, Л. А. Богданович,
А. Н. Шибалева. Продолжаем разговор на трудную тему. М., «Педагогика», 1973.*

Эта небольшая книжка посвящена трудной и сложной теме — половому воспитанию детей. Проблема эта сама по себе деликатна и интимна. К тому же, сталкиваясь с ней, многие родители и учителя обнаруживают явную неподготовленность. А разговор об этом — нужен! Нужен и родителям, и педагогам, да и молодому поколению.

Наивно полагать, — пишут авторы, — что неосведомленность в вопросах пола сохраняет чистоту детских взглядов». Исходя из этого, авторы выступают активными сторонниками полового просвещения и воспитания. Просвещать и воспитывать — вот лейтмотив книги. Только так, по мнению ученых, можно дать правильное представление о половой жизни и оградить, таким образом, умы детей от вредных сексуальных знаний, добываемых из случайных источников. Пока что, к сожалению, влияние этих источников преобладает: по данным научного исследования, 16,8 процента мальчиков и девочек получили первые сведения по вопросам пола от учителей, 6—7 процентов — от родителей, а остальные — вот из этих самых «случайных источников».

Что же рекомендуют авторы книги? Они считают, что половое воспитание следует начинать не в период полового созревания детей, а с самого раннего детства. Вести это воспитание нужно раздельно, учитывая возраст, биологические и психологические особенности мальчиков и девочек. В дошкольном и младшем школьном возрасте родители и педагоги основное усилие направляют на воспитание у детей правдивости, честности, скромности, вежливости, искренности.

Особенно много вопросов в связи с половым воспитанием возникает и у родителей, и у учителей, когда дети шагнули в юность. Какую тактику избрать теперь? Авторы советуют прежде всего с уважением относиться к заботам и переживаниям старших детей, считаться с их мнением, беседовать с ними на равных. Задача родителей — предотвратить переоценку личности, особенно свойственную молодым, пока юноша или девушка не получили трудового опыта. Взрослые должны уберечь юношей и девушек от половой близости, чтобы сохранить красоту дружеского общения и здоровье детей, постараться, чтобы отношения между молодыми людьми были подлинно товарищескими.

Правильно и вовремя привитые моральные, этические и трудовые нормы удерживают от нездоровых влечений, порождаемых духовной ограниченностью и праздношествованием.

Опыт показывает, что если подростки выступают в юношеский возраст скромными, честными, трудолюбивыми, уважающими человеческое достоинство в себе и в других, тогда нет оснований опасаться за чистоту их отношений.

В ваших возможностях дать понять детям, что настоящая любовь приходит в годы физической и духовной зрелости человека. А юношеская влюбленность неустойчива, импульсивна, нередко случайна.

Как говорить с ребятами о вопросах пола? Самая лучшая форма, полагают авторы, — индивидуальная беседа, толковый анализ поучитель-

ных жизненных ситуаций, примеров из фильмов и т. п. Очень важно при этом избегать поспешности в суждениях, назидательности, грубости, неискренности. Тактичное и вовремя сказанное слово — сильнейшее средство воздействия на человека.

Половое воспитание — это не только откровенные беседы, обращение к разуму и сознанию ребенка; это и стройная система гигиенических мероприятий и организация рационального питания, режима дня, мира увлечений.

Авторы книги советуют на определенных возрастных этапах ознакомить детей с анатомо-физиологическими особенностями мальчиков и девочек, половым развитием, основами гигиены юношей и девушек.

Цель книги — привлечь внимание родителей и учителей к вопросам пола и предложить некоторые пути их решения, — достигнута.

В. Лыков,
заведующий отделом
Центрального
научно-исследовательского
института санитарного просвещения

Зачем мы возвращаемся в детство

В. Крапивин. *Всадники на станции Роса*. Повесть. Журнал «Пионер», № 5—7 за 1973 год.

«Далекое горнисты», «Штурман Кноплев», «Восьмая звезда», «Оруженосец Кешка»... Раскрывая книги, написанные свердловским писателем Владиславом Крапивиним, слышишь далекую дробь барабанных палочек, вспоминаешь мальчишку, первым из всего класса прокатившегося на только что пущенном по главной улице послевоенного города троллейбусе, желтую с кляксами типографской краски бумагу первой путевки в пионерский лагерь — «те времена, когда в небе светилась удивительная синева, мама была молодой, река наша казалась широкой, как морской прилив, а трава, которую сейчас мы топчем не замечая, была нам по колено» — так написал о детстве В. Крапивин.

Очень и очень важно, какими будут те книжки, которые прочитает ребенок, когда учится думать, чувствовать, сопереживать, когда жадно ищет вокруг себя удивительные примеры для подражания, верит в могущество и справедливость старших, которые могут все сделать, отвести любую беду. Поэтому высоко ценится у детского писателя живое воображение, непосредственность чувств, способность играть всерьез. Всеми этими качествами обладает Владислав Крапивин. Своей новой

повестью «Всадники на станции Роса» он еще раз доказал свое право называться Детским Писателем.

Сереза Каховский, герой повести «Всадники на станции Роса», вступает в конфликт с начальником пионерского лагеря. Мальчик и взрослый мужчина. Пионер и «руководящий работник», как подписывается Тихон Михайлович Совков, бывший заведующий овощной базой. Оставим в стороне причину конфликта, его последствия. Я хочу обратить ваше внимание на то, что мальчик, защищая собственное достоинство, нашел взрослого друга — корреспондента Алексея Борисовича, который сразу поверил в правоту мальчика и стал на его защиту:

— На вашем месте, — с усмешкой сказал начальнику лагеря Алексей Борисович, — я бы помнил, что никто не имеет права читать чужие письма. Помнил бы также, что у детей тоже есть чувство собственного достоинства, которое никому не позволено оскорблять, да еще публично.

Нашим детям авторитеты нужны не для того, чтобы их свергать, отстаивая свою малейшую правоту. Нет! Они надеются на нас, взрослых, берут в пример нашу силу и умение, наши знания и опыт. Вместе с тем они должны учиться оценивать людей и их поступки независимо от возраста. Это очень верно объяснил ребятам Владислав Крапивин. А еще им надо учиться активно бороться с плохим, вредным. И не пищать, когда больно, и не впадать в малодушное отчаяние при виде первой же гадости. Уметь оградить от липких, грязных рук высокие помыслы, человеческое достоинство и светлые пионерские идеалы. От пионерских костров не бывает пожаров. Они — искры, из которых «возгорится пламя».

Но не только этим интересна повесть «Всадники на станции Роса». Нам всегда полезно возвращаться в мир своей юности, к старым друзьям, прочитанным книгам. Зачем? Чтобы вспомнить детство и тем самым лучше понять своих детей. И пусть вашими проводниками станут всадники, которых придумал Сереза Каховский — мальчик-фантазер (не такая уж редкость в детской литературе). Этот мальчишка, возможно, сумеет вам объяснить «загадочную» жизнь вашего собственного сына. Может быть, вам станет понятен и странноватый подбор книг, которые он читает, и постоянный беспорядок в ящиках его стола. Может, вы перестанете допытываться у дочери, что звонит по вечерам и молча сопит в телефонную трубку...

А вдруг заметите, что выросший сын уже стал для вас другом, и вспомните, как резко и иронично осадил он здорового парня, пытавшегося хамить сестре?

Прочитайте «Всадников на станции Роса» вместе со своими старшими детьми.

Н. Байко
г. Донецк

Смотри глубже!

Дончо Цончев. Маленький Водолаз. Перевод с болгарского Л. Боровишки. Художник В. Винокур. М., «Детская литература», 1973.

Книжку «Маленький водолаз» берешь в руки, ожидая что-то узнать о подводном мире. Нет, нет, она не обманет этих ожиданий. Тут будет и Затонувший Корабль, и морские звезды, и мидии, и дельфин, и краб...

Но не простой это краб, а мудрый друг — Замечательный Краб, продававший немало важных мыслей под своим песчаным одеялом. И совсем по-особому полюбится юному читателю именно вот этот дельфинчик Тенти, который знает столько «воспитательных слов» и так весело делает вместе с Маленьким Водолазом «переднее сальто» и «заднее сальто». А красивые морские звезды, которые, оказавшись, поедают любопытных доверчивых рыбок, и скромная незаметная мидия, которая дарит мальчику прекрасную жемчужину, — все они дают малышу один из первых уроков сложной науки: судить не по первому впечатлению, смотреть глубже, не обманываться внешним, поверхностным.

Веселая, легкая игра затевается с первой же страницы. Что это? Книжка все никак не начнется. Словно, у нее не одна, а целых четыре обложки. Автор не сразу выпускает нас в книжку, встречает на пороге шуток. «...Почему эта книжка называется (тут следует страница-картинка «Маленький Водолаз»), а, например, не (картинка-обложка «Средний Водолаз») или (картинка-обложка «Большой Водолаз») или даже («Огромный Водолаз»)». И эта шутовская игра во всем, вплоть до лукавого примечания: «Все стихи, которые сочинил Тенти, перевела Э. Мошковская». В ключе этой книги воспринимаешь: перевела с дельфиньего!

Книга эта — добрая. Здесь чувствуется, что сам рассказчик — хороший человек. А разве не главный для детской книжки — чтобы самый воздух ее был пронизан сердечной добротой? Даже солнце здесь рано поутру «тихо умывалось в море, чтобы не разбудить тех, кто лег поздно».

И это книга умная. Она рассыпает зерна, которые прорастут поздно.

Вот мальчик разговаривает с «поющим голоском».

«— Никакая ты не рыбка, раз я не могу тебя увидеть! Я не считаю тебя рыбкой».

— О, как ты ошибаешься! — возразил голосок. — Ты еще не видел очень многих вещей, однако они существуют».

Право, детям нужна для здоровья

нравственного и такая прививка — против узости, безапелляционности суждений. А ведь обычно детские книжки не рискуют касаться столь тонких материй. Ибо редкая удача — найти для этого такую прозрачную, ясную форму.

Нет, право, жаль переводить изящную образность этой книжки на язык объяснений и пересказов. Обаяние ее ничто не передаст лучше ее самой. Остается только порадоваться, что автор ее Дончо Цончев тоже нашел себе настоящих друзей в лице художника В. Винокура и переводчика Л. Боровишки.

Э. Кузьмина

Недавно выпущено

Бальзан Ф. Черный Козерог. Перевод с французского А. Г. Москвина и М. И. Беленького. Научная редакция, предисловие и комментарии Л. Е. Куббеля. М., «Мысль», 1973. 230 страниц с иллюстрациями.

Известный французский путешественник, этнограф и натуралист описывает свои путешествия по Южной Африке вдоль тропика Козерога. В книге много интересного о жизни и быте малоизвестных у нас народов: готтентотов, герреро, бушменов и других.

Воротынцева Н. Профилактика желудочно-кишечных заболеваний у детей. Издание 2-е, дополненное. М., «Медицина», 1973. 72 страницы с иллюстрациями.

Этим заболеваниям чаще всего подвержены дети раннего возраста. В брошюре рассказывается об острых желудочно-кишечных заболеваниях, связанных и не связанных с инфекциями. Чем вызываются эти болезни, как протекают они, как ухаживать за больным ребенком, каковы меры по предупреждению подобных заболеваний.

Дитрих А. Голубые зеркала. Рассказы и сказки. Художник В. Карабут. М., «Детская литература», 1973. 141 страница с иллюстрациями.

Осенью в лесу много сверкающих лужиц. Человеку, любящему природу, писателю-сказочнику они представляются волшебными зеркальцами. Вся книга, рекомендуемая младшим школьникам, пронизана именно этим поэтическим восприятием леса, жизни его мохнатых и пернатых обитателей.

Кольцова М. Ребенок учится говорить. М., «Советская Россия», 1973. 160 страниц с иллюстрациями.

Книга доктора медицинских наук, члена-корреспондента АПН СССР, адресована тем, кто воспитывает ребенка в первые три года его жизни. Она рассказывает о своевременном и правильном развитии речи ребен-

ка. Используя новейшие данные исследований в этой области, автор стремится обратить внимание взрослых на многие важные моменты в их общении с детьми, способствующие лучшему развитию речи. Родители узнают из книги, почему иной ребенок долго не начинает говорить, какие недостатки речи ребенка должны вызывать беспокойство, как нужно разговаривать с ребенком с первых дней жизни.

Красных Г. и Лунина И. Будь готов! Рекомендательный указатель литературы для учащихся 4—6-х классов. М., «Книга», 1973. 56 страниц с иллюстрациями.

В этом аннотированном указателе рекомендуется литература о пионерии, раскрывающая славный путь юных ленинцев — от первых пионеров нашей Родины до пионеров 70-х годов.

Маликова Л. и Васильева В. В стране интересных уроков. Беседы о книгах для учащихся 4-х классов по истории, математике, природоведению, русскому языку и литературе. М., «Книга», 1973. 48 страниц с иллюстрациями.

Эти книги помогут им узнать о школьных предметах много нового, увлекательного. Беседы составлены так, чтобы заинтересовать ребят, вызвать у них желание познакомиться с книгой.

Маркуша А. Здесь будет город. Художник Г. Человечков. М., «Малыш», 1973. 95 страниц с иллюстрациями.

Это ярко иллюстрированная книга для детей младшего школьного возраста. Тема сложная — строительство современного нового города. Однако автор очень доступно и понятно знакомит маленького читателя с основными процессами работ, с людьми разных профессий, принимающих участие в градостроительстве.

Русских Р. Д. Лесные робинзоны. Ижевск, «Удмуртия», 1973. 168 страниц с иллюстрациями.

Автор, директор Удмуртской республиканской станции юных натуралистов, рассказывает о жизни и работе юных лесоводов Удмуртии, которые ежегодно собираются в свой лагерь «Лесные робинзоны», где учатся любить и понимать природу.

Студеникин М. Книга о здоровье детей. Издание 2-е, дополненное. М., «Медицина», 1973. 290 страниц с иллюстрациями.

Книга ставит целью дать необходимые сведения родителям по воспитанию здорового ребенка. Это воспитание необходимо начать с первых дней его жизни. Автор подробно рассказывает о режиме, питании, уходе за малышом до семи лет, о закаливании его организма и физических упражнениях, о том, как предупреждать болезни и как быть в несчастных случаях с ребенком.

из напечатанного

Профориентация и школа

Подготовка ребят к сознательному выбору профессии в 15-й средней школе города Винницы ведется с 1-го класса. Наблюдения за учащимися в школе и вне ее, беседы с родителями дают представление об их интересах и наклонностях.

Ребята всех классов могут выбрать себе любое занятие по душе, пойти в любой кружок или студию. Школа постоянно проводит встречи с героями труда, передовиками производства, знатными колхозниками, тематические вечера о различных профессиях.

Помимо экскурсий на предприятия, выставок наглядных пособий учащихся по предметам, олимпиад, конкурсов и т. д., школа ведет большую индивидуальную работу. Так, ребятам 8—10-х классов предполагается анкета «Пора выбирать», после которой проводятся беседы. Одному ученику такие беседы помогают избавиться от неуверенности в себе, другому — от самоуверенности, третьему — осознать трудности в избранной профессии.

«Народное образование», № 1, 1974

Книжка, которую писала сама любовь

Творчество Мамина-Сибиряка широко известно не только взрослым читателям: многие поколения детей читают и перечитывают его рассказы и сказки. Среди его книг для детей особенно любимы «Аленушкины сказки», появившиеся восемьдесят лет назад в Петербурге. Дети нашей страны и других стран полюбили удивительных героев «Аленушкиных сказок»: храброго Зайца-Длинные уши-Косые глаза-Короткий хвост, Воробья Воробенча, Ерша Ершовича и многих других. Сказки эти написаны для дочери писателя Елены Маминой — Аленушки (так звали девочку в семье). Жена писателя, Мария Морицевна, умерла от родов, подарив мужу болезненно-го, хрупкого ребенка. «На руках у меня осталась наша девочка, Елена — все мое счастье», — писал Дмитрий Наркисович матери.

Какова же судьба вдохновительницы «Аленушкиных сказок»?

Аленушка была развита не по летам, но нервна и вспыльчива, вспоминает ее двоюродный брат Б. Д. Удинцев. Став взрослой, она увлеклась музыкой и поэзией, писала стихи, которые никогда не публиковались:

Осень пришла и фатой золотой
Тихо покрыла деревья, кусты.

Первый морозец с подругою-вьюгой
Брызнул румянцем на клена листья...

Аленушка всего на два года пережила отца — она умерла в 1914 году, 22 лет. Сам писатель говорил об «Аленушкиных сказках», что это книжка, «которую писала сама любовь, и поэтому она переживает все остальное».

«Дошкольное воспитание», № 1, 1974

Соляной санаторий

Он существует в румынском городе Тыргу Окна. Расположен он под землей, в шахте, на глубине 130—160 метров. Залежи соли в этой шахте эксплуатировались еще в XVII веке, теперь здесь остались огромные помещения, отделенные друг от друга гигантскими опорами. И вот в этих помещениях стоят больничные кровати, работают врачи, свыше 4000 пациентов проходят здесь курс лечения ежегодно.

Что же лечат в соляном санатории? Прежде всего бронхиальную астму. Для больных бронхиальной астмой благоприятна атмосфера, насыщенная молекулами хлористого натрия. Атмосфере эту предоставляют соляные копи. Такой путь лечения бронхиальной астмы оказался и наиболее эффективным, и очень экономичным.

Санаторий в Тыргу Окна — один из немногих подобного рода в мире.

«Румыния», № 2, 1974

Первая агитбригада

Она называлась «Синяя блуза» и была создана 50 лет назад в Московском институте журналистики по инициативе студента Бориса Южанина.

«Живая газета» синеглазиков откликалась на события дня, вторгалась в гущу жизни, искала там свои темы. Вслед за «Синей блузой» в городах нашей страны возникают самостоятельные и профессиональные агитбригады: «Стройка», «Винтик», «Гайка», «У станка», «Смычка».

«Живая газета» была особенно необходима в то время, когда радио только зарождалось, а о событиях в стране должны были узнать все как можно скорее. Среди авторов и исполнителей «Синей блузы» были такие известные поэты, драматурги и композиторы, как Асеев, Кирсанов, Шток, Безыменский, Гусев, Масс, Арго, Кац, Листов, Адуев. Дружил с синеглазиками и Маяковский, не реже двух раз в неделю приходил он в маленький домик в Охотном ряду, где помещался штаб синеглазиков, помогал им, советовал, придумывал лозунги. Он написал для синеглазиков революционный гротеск «Радио-октябрь».

Новое время — новые песни. Агитбригады сменились самостоятельными коллективами, кружками, ансамблями, театрами, студиями, но, уходя со сцены, «Синяя блуза» завещала советской эстраде, советскому искусству свой боевой дух.

«Театр», № 12, 1973

Бережь природу!

Охрана окружающей среды в современном мире превратилась в серьезную социальную проблему.

Сегодня уже недостаточно охранять памятники природы, сегодня на первое место выдвинуты такие проблемы, как борьба с загрязнением среды, предотвращение эрозии почв, разрушения ландшафтов, истощения природных ресурсов.

Формирование природоохранительного сознания считается в настоящее время одной из основных задач воспитания.

Природоохранительное просвещение начинается в начальной школе. Такие предметы, как «родиноведение» (в Норвегии, Швеции, ФРГ), «природоведение» (в Великобритании), включают изучение окружающей природной среды, знакомство с животными и растениями. В Финляндии в начальных классах введен новый предмет «граждановедение», в котором особое внимание уделяется вопросам охраны природы.

«Советская педагогика», № 12, 1973

На открытках — коллекция часов

История часов удивительно интересна. Часовых дел мастера достигали совершенства не только в обработке механизма, но и во внешнем виде часов. У нас хранится всемирно известная коллекция западноевропейских часов XVIII—XIX веков — в Павловском дворце-музее. Экспонаты коллекции — подлинные произведения искусства, ярко и образно характеризующие эпоху своего создания.

Но особенно интересны музыкальные часы, которых немало в Павловске. Часы немецкие, инкрустированные черепахой, часы английские, через каждые три часа исполняющие марши, гавоты, менуэты, давно забытые песни. А большие напольные часы из Малинового кабинета дворца исполняют восемь музыкальных пьес. В их корпус вмонтированы орган и струнный инструмент.

Интересна история музыкальных часов «Дезертир». Корпус часов напоминает миниатюрную театральную сцену. В живописных позах застыли бронзовые фигурки персонажей из оперы Монсиньи «Дезертир». Время от времени часы исполняют изящные оперные мелодии. Небезынтересно знать, что в России опера «Дезертир» с успехом шла на сцене придворного Эрмитажного театра в исполнении крепостных певцов графа Шереметева. Партию Элоизы пела знаменитая Параша Жемчугова.

С коллекцией часов Павловска можно знакомиться заочно, посмотрев серию открыток — «Западноевропейские часы. Павловский дворец-музей». Эта серия выпущена издательством «Аврора».

«Филателия СССР», № 12, 1973

Семь вечеров с разными людьми

Многосерийный фильм, поставленный по сценарию Н. Долининой Центральным телевидением (режиссер Г. Павлов), называется просто: «Разные люди». Может быть, точнее было бы: «Люди — разные», ибо именно эта мысль утверждается, повторяется, раскрывается в течение всего фильма.

Мысль эта только на первый взгляд кажется простой и понятной. Точнее, она и в самом деле сама по себе проста, сделать из нее правильный вывод — вот в чем сложность, вот что нередко не удается. С одной стороны, я отлично понимаю, что мой сын или моя дочь обладают собственными чертами характера, склонностями и способностями, что они не такие, как я сам был в отрочестве

и юности. Но с другой — я дольше живу на свете, больше видел в жизни и, конечно же, лучше знаю, что нужно и полезно моему ребенку. Лучше, чем кто? Чем он. И в конце концов не так уж сильно он отличается от других: вот у Ивана Ивановича сын поступил в институт, а мой разве глупее? Вот такие примерно диалоги произносятся мысленно или вслух во многих семьях, и попытки младших самим решать свою судьбу или хотя бы добиться «права голоса» все еще нередко воспринимаются старшими неодобрительно.

Правда, выбор профессии — это только одна из ситуаций, чреватых конфликтами, хотя, пожалуй, наиболее распространенная и, так сказать, «вечная». Вспомним героя одной из первых пьес Виктора Розова «В добрый час!» Андрея Аверина — какую бурю вызвало в семье его решение не поступать в институт! Пьеса эта прошла по сценам многих театров, фильм, сделанный по ней, обошел всю страну — все, казалось бы, ясно и понятно, но тема остается, продолжает жить: к сожалению, в сфере воспитания чувств даже самое талантливое произведение искусства не совершает переворота в умах и душах — нужна долгая и упорная работа, необходимо продолжать и продолжать, еще и еще раз повторяя одни и те же кажущиеся прописными истины. Телефильм «Разные люди» — один из этапов этой работы.

...На уроке литературы учительница Ирина Сергеевна спрашивает: «Что больше всего запомнилось каждому в «Войне и мире»?» Смушавшись, встает Сергей Мамлин и вспоминает крошечный эпизод: Андрей Болконский в свой последний приезд в имение сталкивается с двумя маленькими девочками, тайком нарвавшими слив в господской оранжерее. Сергей говорит, что дети в этом эпизоде — маленькие, незащищенные от войны, от нашествия и что их надо защитить.

В сущности, Сергей говорит о себе, точнее — этот эпизод запал ему в душу потому, что он и сам раним, не защищен. Заторможенный, застенчивый мальчишка — на заводе он долго не мог выполнить норму, и мастер, чуткий человек, поняв, что Сергей не ленился, а просто ему трудно освоиться, приписывал ему процент выполнения.

Но если мы откроем «Войну и мир», то найдем еще и слова, которые наверняка запомнил Сергей: «...он, глядя на этих девочек, понял существование других, совершенно чуждых ему и столь же законных человеческих интересов, как и те, которые занимали его».

Как же, оказывается, трудно понять вот эти совершенно тебе чуждые, но не менее, чем твои собственные, законные человеческие интересы! И как легко объявить того, чьи интересы чужды тебе, упрямым, бездельником или попросту ничтожеством... Для матери Федора Ивановича сын — ничтожество, потому что она его не понимает, и может быть, даже вор — по этой же «причине». Никто из его товарищей не верит, что Федор замешан в краже прибора с завода — мать же допускает и это, допускает именно потому, что сын стал ей, в сущности, совершенно чужим человеком. Он не может говорить с ней о том, что ему интересно, о том, чем он живет, — и рвутся связи, все больше отдаляются друг от друга родные люди.

Федору интересно шить. Он хочет стать портным (его мать в ужасе: ребенок из интеллигентной семьи — и вдруг сам шьет). Сергей Мамлин больше всего любит рисовать. Этим двоим все более или менее ясно. Конечно, и у них свои трудности — даже если знаешь, чего хочешь, не так-то просто осуществить это. Мы знакомимся с ними в тот момент, когда их желания еще расходятся с возможностями — чтобы Федор смог поступить на курсы кройки и шитья, понадобилась целая «семейная революция». Но если говорить серьезно, то оба они, пожалуй, самые благополучные люди в том девятом классе вечерней школы, который мы видим в телефильме «Разные люди»: они нашли самое главное — цель, призвание, и теперь дело только в том, чтобы преодолеть, так сказать, «технические трудности».

Но как быть, скажем, Леониду Волкову, если он считает, что его призвание — помогать людям, а люди не принимают его помощи, упрекают его в душевной сухости, излишней «запрограммированности»? Что делать Ирине Сергеевне, когда дочь человека, которого она полюбила, смотрит на нее с ненавистью? Тут ведь не с обстоятельствами, не с внешним препятствием надо бороться, а с самим собой: разные люди — разные проблемы. Мне кажется, самая большая удача этого фильма — именно его «многопроблемность». Он не замкнут в пределах какой-то одной, пусть серьезной и значительной сюжетной ситуации, но как бы растекается, захватывая все новые и новые пласты жизни, характеры, явления. Качество это свойственно жанру многосерийного телефильма, более того — только в таком фильме оно и возможно (я, разумеется, не имею в виду литературу, роман). В обычном кино или театре содержание должно быть плотно «упаковано» в полтора часа киносеанса или в три часа спектакля. Многосерийный телефильм, с героями которого мы встречаемся каждый вечер целую неделю, создает ощущение течения жизни: ведь и с нами за эту неделю что-то происходило, и ге-

рои фильма жили в нашем сознании от одного вечера до другого, мы возвращались к ним мысленно, думали о них, спорили с ними. И вместе с тем события развиваются естественно, нет искусственной сюжетной остроты — от первой серии до последней проходит почти целый учебный год, а за это время и в самом деле много всего может случиться с десятком молодых людей, о которых рассказывает фильм.

Однако его авторы не стремятся привести к финалу все истории, развязать все узлы. Нет, жизнь продолжается, главное у этих молодых людей впереди, а сейчас они познают вместе со школьными премудростями только самые основные жизненные принципы. Эта незавершенность также представляется мне достоинством фильма — важно ведь не то, чем кончилась та или иная ситуация, но в чем изменились и изменились ли вообще герои фильма. Важно, что они поняли, о чем стали думать. Один ученый сказал о коллеге: мы можем найти в его трудах не истину, но направление мысли — где и как ее искать. Так вот, фильм «Разные люди» — о том, как человек приходит к тому направлению мысли, которое поможет ему найти истину. Найти не сразу — это тоже требует душевной работы, долгой нелегкой. Но первые шаги герои фильма делают сейчас, на наших глазах.

Выражается это прежде всего в том, что ошутимо меняются отношения в классе. У социологов есть такие понятия: формальная и неформальная группа — то есть совокупность людей, возникшая — с точки зрения, конечно, отдельного человека — более или менее случайно (класс, учреждение) или в результа-

те некоего отбора (скажем, компания друзей). В начале учебного года девятый «А» — типичная формальная группа: у каждого есть свои причины, по которым он пришел в вечернюю школу, одни смотрят на нее просто как на средство получить аттестат зрелости, другие вообще подумывают, не зря ли они затеяли это дело, у третьих действительно серьезное желание учиться. Но все, даже те, кто знаком друг с другом, разобщены, каждый сам по себе.

Постепенно они начинают узнавать и понимать друг друга. Получается так, что самое яркое, интересное и хорошее, что есть в каждом, вливается в какой-то «общий котел». Вначале Федя Иваненко может сказать Леониду Волкову: чего ты лезешь не в свое дело, кто тебя просит соваться со своей помощью и советами? Потом он поймет, что Леонид, выросший в детдоме, органически не может пройти мимо чужой беды и не вмешаться. И горячность Володи Родионова проявляется по-новому — он пытается отыскать родственников Леонида. Неумело пытаясь, ничего из этого не выходит, кроме нервозности для того Леонида, но опять-таки важен даже не результат, а новое направление движения души и мысли. Формальная группа становится неформальной — объединенной общими интересами, общим делом.

Пожалуй, отчетливее всего этот процесс духовного и нравственного взросления раскрывается на примере одной из героинь фильма — Зины Багляевой. Как она сама о себе говорит: приехала Зиночка в город и увидела, что всем она нужна, все ее на работу приглашают, на любом месте можно прочесть «Требуются...». Место в общежитии — пожалуйста, отработала свое — иди куда хочешь, развлекайся. Вот пошла в вечернюю школу — Леня Волков уговорил, не понравится — уйдет и будет проводить вечера на танцах в клубе пищевиков. Энергии у нее хоть отбавляй, оптимизма тоже неисчерпаемый запас — и огромное желание как можно больше увидеть, узнать, испытать.

Зина в том возрасте, когда это желание может принять различнейшие формы. Тут очень важно, кто окажется рядом: Зиночке, открытой всякому влиянию, любую ерунду можно подать под таким соусом, что она поверит — вот это и есть красивая жизнь. Можно сказать, что Леня Волков попался ей удивительно вовремя — страшно подумать, что вместо него мог оказаться кто-нибудь, кто «по-дружески» посоветовал бы: плюнь ты на эту школу, скучота одна.

Но в школе Зина обнаружила, что ей здесь прежде всего интересно. Интересно учиться, что-то узнавать, понимать, что в твоей голове происходят увлекательнейшие события — вот в тебя вошел Пушкин, вот Толстой, и они, оказывается, многое пи-

сали прямо про тебя, хотя и жили бог знает как давно. Интересна становится сама себе — уважать себя начинаешь, что ли. За что уважать? За то, что ты как будто к ним, к гениям, становишься ближе, что они понятны тебе. Зины хватает на все, она успевает и влюбиться, и обзавестись модными тряпками, и повоевать с подхалимом-мастером, но она сама понимает, что все это — так, мелочи, а главное — уметь и становиться по-настоящему взрослой. И ей это нравится — уметь, ей это доставляет удовольствие, ради которого она, в сущности, и учится, поскольку с учебой Зина пока не связывает никаких практических планов типа «поступить в институт». Она учится не для института, а потому что интересно.

Вместе с молодежью учится и учительница, Ирина Сергеевна. Если вернуться к социологическим терминам, то можно сказать, что за этот учебный год ей удалось превратиться из формального в неформального лидера своей группы. Как удалось? На первый взгляд, довольно просто, она очень любит литературу и очень хочет, чтобы ее полюбили ученики. Поначалу ученикам, взрослым работникам, не очень интересна литература и к чуточке sentimentalным восторгам Ирины Сергеевны они относятся снисходительно. И опять-таки постепенно приходит понимание — ребята начинают открывать с помощью Ирины Сергеевны красоту и мудрость литературы, а она — ребят. Контакт возникает тогда, когда ученики сознают: то, что писал Пушкин или Толстой, имеет к ним, сегодняшним людям, самое прямое отношение.

Многое можно было бы сказать об актерах, среди которых выделяются Ирина Муравьева в роли Зины Багляевой и Андрей Попов, замечательно сыгравший старого мастера. Ради рецензентской добросовестности следовало бы упомянуть и о недостатках — скажем, о музыке, придающей лирическим эпизодам фильма sentimentalный оттенок, о несколько назойливой назидательности, возникающей, когда на экране появляются представители старшего поколения. Но вдаваться в подробности, в частности, честно говоря, не хочется. Перед нами произведение, в котором пресловутая «воспитательная тема» воплощена глубоко и точно. Речь в фильме идет не о рецептах поведения, но о нравственных принципах, которые человек должен постигать и вырабатывать для того, чтобы ему было интересно с другими людьми и людям было бы интересно с ним.

Ю. Сметков

Лохматый снег

Повесть

Глава 6

Петя Иванов объявил, что приглашает всех нас на день рождения и что подарков никаких не нужно. В момент объявления он смотрел по сторонам и рыл землю носком левого ботинка.

— Как же без подарков? — спросил Валя Крепчун басом, и Петя Иванов перестал ковырять землю, слушал.

— Что-нибудь сообразим, — продолжал Крепчун. — Фантастическое.

— Не надо, — настаивал Петя Иванов, чего-то не решаясь говорить, и продолжал смотреть по сторонам. Мы ждали, ждали, но он все канителлся, и мы разошлись, чтобы явиться при параде и вовремя.

Парада особенного не получилось, потому что всегда так бывает: нужные рубашки оказались в стирке, новейшие брюки запертыми в шкафу, а волосы дыбились вихрами, непослушными ни для смоченных ладоней, ни для расчесок.

Миша Малинин велел выложить деньги на бочку: оказалось немного. Мы отправились в магазин канцтоваров и купили гигантский карандаш. Помимо размеров, он был раскрашен... непонятно, как он был раскрашен: словно нефть по воде разлили, и она играла всеми цветами радуги. Мы были довольны.

Но уже гремел подарочным чайным сервизом Валя Крепчун. Он мотался без дела по всем трем этажам с коробкой, перевязанной широкой белой шелковой тесьмой, и всем становилось известно, что в коробке — чайник с золотыми цветочками на пузатом боку и одна чашка с такими же цветами, и что Петя Иванов будет пить чай — хороший мальчик, и писать картины — хорошие картины. В этом никто не сомневался, потому что мать Вали Крепчуна появлялась на лестничной клетке и, раскрасневшись от собственной щедрости, сообщала о том, как необходим хороший чайный сервиз хорошему мальчику для того, чтобы писать хорошие картины.

Во время всеобщего оживления появился дед, Василий Григорьевич Денисов. Он протиснулся бочком, хотел было войти к себе, но взвесив обстановку, застрял в приоткрытой двери, вздохнул, замотал белой го-

Окончание. Начало в № 4

Художник М. Верхоланцев

ловой, заходил пиджаком, который был черен, потому что не было на нем ни единой пылинки, и уронил слово, как в точку попал:

— Дорогой сервиз,— заключил он, взглянул лучисто на маму Крепчун, а не видел он ни пузатого чайника, ни чашки, ни золотых цветов.

Сделада мама Крепчун губы ниточкой, посмотрела нетерпеливо в морщинистое лицо деда и воздержалась все же от слов.

— День рождения? — спросил Василий Григорьевич, поправил воротничок косоворотки, расцветая.

— Вот есть у меня вещь,— запустил руки в карманы дед.

— Чтобы ориентироваться на местности,— добавил он, снова взглянул на маму Крепчун и улыбнулся. Он необычно легко нашел в кармане овальный предмет, обтянутый замшей, и протянул нам.

В футляре, обитом зеленым бархатом, был компас. Он покоился в углублении, поблескивал никелированным диском с черными делениями, с фосфорическими цифрами и буквами. Футляр защелкивался с тихим, значительным звуком, и было очевидно, что таким компасом пользоваться нужно в обстоятельствах крайних и важных, как пользовались им раньше другие люди.

Василий Григорьевич протиснулся в приоткрытую дверь, унося в полутьмноту коридора улыбку и еще что-то такое, что необходимо для всякого праздника.

Коробка отягивала Вале Крепчуну руку, он желал улыбаться, и вид у него был такой, как будто он пьет чай из чашки этого сервиза, но без сахара.

Махал рукавами белой рубашки Петя Иванов, приглашая нас подняться, и мы, толкаясь, в замешательстве, пошли по лестнице, машинально втиснулись в комнату Пети Иванова, были посажены на диван. Перед нами стоял стол, покрытый белой скатертью, а на нем были тарелки, и бутылки с лимонадом, и печенье, и мелко нарезанная колбаса, и шикарный круглый торт, и в изобилии салфетки, ножи и вилки, и Валя Крепчун водрузил на стол коробку с чайным сервизом и стал краснеть.

Вошел отец Пети Иванова, Семен Валерьянович, и начал ходить по комнате, заложив руки за спину. Мы видели его щеку, угловатую, тщательно выбритую, холеную, лицо в профиль — правильный, как на старинной медали, и почему-то хотели мы побыстрей увидеть все лицо, как будто от этого зависело решение чего-то главного. Но Семен Валерьянович резко поворачивался, и мы видели уже другую щеку, такую же угловатую, тщательно выбритую, холеную.

Мы припипились на диване, не смея посмотреть друг на друга, и казалось нам, что Семен Валерьянович начнет говорить и вынесет при-

существующим выговор с последним предупреждением.

— Селедку на стол, пожалуйста,— сказал Семен Валерьянович, и Петя Иванов, споткнувшись на пороге, исчез в коридоре передать приказ на кухню.

Мы никак не могли осмыслить резкий контраст Семена Валерьяновича с тем человеком, которого мы иногда видели в подъезде в ином, нетрезвом варианте. Разница поражала, и мы могли уже представить если не вред, то всеильность напитка, уравнивающего такие метаморфозы с вполне взрослым человеком.

— Так, картина. В праздник. Молоток и гвоздь,— отрывочно сказал Семен Валерьянович, и мы увидели: картина «Последний день Помпеи» слегка накренилась, и поняли, что в праздник — день рождения Пети Иванова — так Помпее погибать не положено.

Из кухни вместе с селедкой явились молоток, гвоздь и табуретка. Семен Валерьянович поставил ногу на табуретку, прищурил глаз, потрогал пальцем картину, отошел, снова поставил ногу, поправил, снова отошел, прищурил глаз и сказал:

— Вот так.

Тогда мать Пети Иванова, Зинаида Матвеевна, легко встала на табурет, выпрямила рукой старый гвоздь, Помпея стала гибнуть горизонтально, Семен Валерьянович отряхнул ладони, поморщился.

— Хорошо,— сказал он, и мы снова опустились на диван, ожидая новых распоряжений.

— Хлеб, хлеб, пожалуйста,— коротко сказал Семен Валерьянович, и Петя Иванов галопом ускорился на кухню.

— Так,— сказал Семен Валерьянович. Мы видели снова угловатую щеку. И еще мы видели цепочку. Она выбегала из потайного кармана брюк и другим концом цепляла там, внутри, брелок. Мы опять видели холеную щеку, и нам тоже захотелось ускориться галопом на кухню, и самим резать хлеб, и разделять селедку, и вбивать гвозди.

— Я рад вашему приходу вниманию моему сыну которого вы я знаю уважаете сказать есть за что,— говорил Семен Валерьянович без пауз, и нам особенно захотелось какой угодно деятельности.

— Так,— добавил он. Хватит вам там на кухне. Все к столу,— и мы увидели, как все бесшумно и быстро притупились на стульях, сложили руки на коленях,— какие-то незнакомые люди, старухи, женщины и brave молодые люди,— и все примагнитились глазами к Семену Валерьяновичу.

Семен Валерьянович встал, налил в рюмку водки. Все встали.

— Мне хотелось сына,— сказал водоводу Семен Валерьянович.— Он уже большой. Четырнадцать. Выпьем,— и мы выпили.

— Садитесь,— сказал Семен Валерьянович.

И мы сели.

— Закусывайте,— сказал Семен Валерьянович и потянулся к селедке. И мы тоже потянулись к селедке, хотя пили лимонад.

— Ну,— сказал Семен Валерьянович.

— Ну,— неожиданно сказал Имущий.

— Что «ну»? — переспросил Семен Валерьянович строго.

— Это я так,— смутился Корш и поправился: Подарок мы принесли.

Зинаида Матвеевна раскупорила картонку, тем временем Семен Валерьянович пропустил вне очереди два шкалика и разругался.

— Сервиз уже дарят,— сказал он, словно завидуя.— Художник,— продолжал он, заметно добрея.

— Я вот пришел в одних штанах... простите за выражение... устраиваться. В жизнь пробиваться. Так? — спросил он всех.

— Так,— сказали мы.

— Ничего не было. Какой там тебе... сервиз, торшер, диван. В одних штанах, простите за выражение, пробился. Так?

— Так! — сказали мы.

— Все есть теперь. Петя. Масляные краски. Видели, как рисует. Сейчас покажу. Петя, показать? В одних штанах. Так?

Мы промолчали.

— Я кусок хлеба искал. Он рисует. Маслом. Покажи, Петя, натюрмортале.

— Не надо,— сказал Петя Иванов.

— Вот и вы подрастаете, начнете зарабатывать, добьетесь, обставитесь,— жевал он пирог, непрерывно хватая бумажные салфетки, вытирал губы.

Было в том, что он говорил, какой-то тулик. Законченность движения человека в жизни, точка, которая была поставлена выше, конечно, той, с которой начинал когда-то жить Семен Валерьянович, но точка. И с этой точки виделось Семену Валерьяновичу все прекрасным, понятным и достигнутым. Он, сам того не подозревая, умалывал человеческое достоинство и никак не хотел понять, что сделанное им в жизни должно быть маленьким, незначительным началом для другого человека — Пети Иванова, и только тогда его труд будет иметь великий смысл. Он удвоится, удесятерится руками его сына, которого мы действительно уважали. Мы поняли то главное, что хотел сказать нам Петя Иванов, когда приглашал на день рождения, смотрел по сторонам, ковырял землю носком ботинка и не мог выразить в словах.

— А теперь? — услышали мы громкий вопрос отца Пети Иванова, и мы изобразили крайнюю внимательность, желая узнать, что же «теперь».

— А сейчас? — спросил Семен Валерьянович, ища нить речи, и мы попытались перестроить внимание на «сейчас».

— А нынче,— вспоминал Семен Валерьянович утерянную мысль.

— А нынче, погляди в окно,— дерзко процитировал Петя Иванов

Мы поджали под столом ноги И вдохновенно, сильно, размахивая руками, Петя Иванов продолжал:

— Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит.

— Каков! — сказал радостно Семен Валерьянович. — Четырнадцать. Художник. Маслом,— щеки Семена Валерьяновича опали, сделались мягче, глаза утратили жесткость, движения сделались вялыми. За столом оживились, задвигались, заговорили: напряжение проходило...

Во дворе мы вручили Пете Иванову гигантский карандаш и компас в замшевом футляре. Он одинаково был поражен и тем и другим.

— Можно нарисовать мильон картин,— говорил Петя Иванов, вертя гигант, отливающий всеми красками нефтяной радуги. Конечно, первым ему хотелось рассмотреть компас, да и нам тоже, но он был деликатным человеком, наш Петя Иванов, и мы немного честолюбивы.

Открыли футляр в зеленом бархате, подрагивала тонкая стрелка, блестел никелированный диск, делился черными насечками, ясны и понятны были цифры и буквы. Нажали на кнопку, метнулась стрелка, заколебалась, остановилась, и мы узнали, где восток, где запад, север и юг. Нам хотелось выяснить наше личное местонахождение относительно чего-либо. Относительно реки мы находились на юго-западе, а школы — на северо-востоке. Это очень интересно было узнать, но потом интерес прошел, и мы вынули осторожно компас из бархатного углубления, стали рассматривать и увидели на обратной стороне гравировку: «Красному командиру Денисову В. Г. от боевых товарищей». Мы прочитали еще раз и еще и никак не могли представить деда — красным командиром, деда, который запросто ходил по нашему двору, в брюках в широкую полоску, таскал ногу, с которой что-то давно случилось, и терял части карманной слесарной мастерской. Но это был факт, подтвержденный каллиграфическим почерком гравировки. Тогда мы решили узнать местонахождение нашего двора относительно тех мест, где, согласно учебнику истории, красный командир Василий Григорьевич Денисов с боевыми товарищами мог бы драться с белогвардейцами, и получилось — на западе, на севере, на востоке, подумали, вспомнили — и на юге тоже.

О чайном сервизе мы забыли.

— Отец — хороший человек,— произнес неожиданно Петя Иванов и насупился, посмотрел на нас, предупреждая улыбки.

Народ безмолвствовал.

Глава 7

Мы отчасти здесь выросли, в городском парке. Мы двигались вольно по аллеям зимой, осенью, летом, весной. В сезон, когда на танцплощадках, в аллеях бурлила публика, плыла шумным потоком, распекивалась даже на газоны: «По газонам не ходить», продавщицы ларьков, завидя нас, прикрывали широкими рукавами халатов выпавшие на прилавки конфеты, штучные печенья, пряники и выражали на лицах сильное сомнение. Иногда они говорили:

— Проходите, проходите, нечего. Мы шли мимо, не оглядываясь, не отвечая, но Петя Иванов, завидя статую, вставал напротив, к примеру, дискобола и, не утрачась его мощи, говорил:

— Проходи, нечего.

Дискобол могуче и вечно заматывался гипсовым блином, пружинились гипсовые мышцы, диск не свистел в воздухе на пути в космос, и мы, как и дискобол, были верны парку.

Все эти ларьки, белые халаты, неповоротливые продавщицы были несущественной и, на наш взгляд, ненужной частью парка. Мы видели и знали прямые, загадочные аллеи, эллегический сад, пруды. Но не только эллегия, грусть и сентименты были главными. Нет. Мы росли практичными, и чувство было все же второстепенным по сравнению с делом. Особенно это проявлялось, как ни странно, весной.

Мы шли по ледяной аллее катка, уже залитого весенней водой, скользили, и от носков ботинок, как от буксира на реке, уходили усатые волны и замирали в ноздреватом снегу. Мы смотрели себе под ноги. Солнце оттаивало все новые и новые слои льда, и каждый такой пласт таил в себе пятачки, гривенники, двушки, тройки — мелочь, которую как-то ухитрялись потерять за зиму конькобежцы.

Весна приносила нам доходы.

— Раз, два, три,— начинали опробовать работу радиоузла. И над парком, голым, пустынным, залитым водой, разносился голос, идущий, вероятно, из теплой студии и поэтому равнодушный ко всему остальному на свете.

— Ноль, девять, восемь...

Казалось, он должен был при счете наоборот ошибиться:

— Шесть, пять, четыре...

Но он не ошибался.

— Знает свое дело,— отмечал Миша Малинин не то со злорадством, не то с восхищением.

В динамике закрипело, заверещало, постучали по микрофону, потом все затихло, и вдруг пустой парк с застывшими аттракционами, забытыми на зиму ларьками, грустными деревьями заполнил шалашинский голос:

— Люди гибнут за металл...

— Это мы гибнем за металл. Пойдемте домой,— запротестовал Валерий Николаевич.— У меня хлюпает вода в ботинках.

Он вечно мерз, этот Корш, и тогда мы называли его Имурашкой.

Мы не торопились уходить: приближался парк публики, музыки, шумных ресторанов, вечерних огней, очередей за «перекусить», — таким мы его не любили. Мы уважали парк, когда не в нем отдыхали, а когда он сам начинал отдыхать: ранней весной и поздней осенью.

Парк был естественным продолжением нашего двора, и когда однажды у одной из многочисленных дыр пилообразного забора нас остановил милиционер и потребовал входные билеты, мы удивились настолько, что не обратились в бегство. Мы смотрели в загорелое лицо милиционера, на его маленькие усики и оттопыренные уши, переминались, а потом сказали:

— Мы здесь живем.

Что-то в тоне нашем было. Милиционер пожал плечами, сделал крепким корпусом влево и в сторону, мы прошли. Мы двигались хозяевами, заложив руки в карманы и смотрели на встречных, ища на их лицах почтение к нам.

И мы увидели однажды почтение.

Стоял человек в аллее, на красном толченом кирпиче, которым для неизвестной красоты посыпают в парках дорожки, валялись скрученные осенние листья. Человек был в ботинках, которые называются «прошай», молодость, седой, коротко подстриженный, смотрел он вольно и с почтением на нас, и много, много лет ему было, но сам-то с молодостью он не думал прощаться: был широк в плечах, прямой, сильный. Он улыбнулся нам, шагнул, вынул из кармана что-то вроде никелированной подковы и сказал:

— Это ручной силомер. Вот так нажать, стрелка подвинется, и можно узнать силу кисти. Попробуйте.

Обычно в такой ситуации начинается канитель: «да как?», «почему?», «да зачем?», «стоит ли», всякое стеснение и ломание, но человек больше не улыбался, был серьезен и походил на профессора.

Миша Малинин взял силомер, сплюнул, крикнул, надавил, покраснел, надулся, засипел — мы подумали, — конец силомеру, но стрелка вежливо показала на сорок, а всего делений было сто.

Мы начали улыбаться, подководец хотел надуться, но человек сказал:

— Очень хорошо.— Он потрепал Малинина по плечу, улыбаясь от удовольствия, даже нижнюю губу прикусил, потрогал бицепсы воеводы и еще раз сказал.

— Очень хорошо.

И Миша Малинин не успел уклониться: не нравилось атаману, когда его по плечу треплют и бицепсы трогают, и нахмуриться он тоже не успел: Профессор вручал силомер Валерию Николаевичу Коршу,

тот нажал, побелели косточки кулака, остались на ладони вмятины, и показывала стрелка только на двадцать.

— Средний результат, — сказал Профессор и, когда все попробовали, уложил силомер в мешочек, затынул бечевой, опустил в карман и прихлопнул сверху ладонью — основательно у него получилось. Он смотрел на нас и о чем-то думал. Были у него седые виски, большая голова, твердо посаженная на нормальной толщины шее, и мы, еще не понимая, начинали проникаться к нему симпатией, догадываясь о том, что этот человек принимает какое-то участие в судьбе таких, как мы, лирично настроенных молодых людей, любящих парк и бескорыстно и за счет уроков.

— Вы тренер? — спросил Имурашка.

— Нет, — ответил человек и не улыбаясь больше, прикусывая нижнюю губу и все думал.

— На турнике сколько раз подниметесь? — спросил он Мишу Малинина.

Но мрачнел Миша Малинин, сдвигал брови, потому что нравился ему человек с седыми висками, большой головой, с никелированным силомером, нравился, но тяжелое это чувство — симпатия, для тех, кто растет без отца. И ранит их доброта чужого человека. Эта доброта всколыхнет те чувства, которые насильно приглушены, искусственно забыты, заглушены, они забывают сильно — эти чувства, падая на воображение, фантазию и тайную мечту даже таких сильных личностей, как воеводы, атаманы и полководцы. Чужие люди уходят, и вместе с ними доброта...

Хмурился Малинин и процедил: — Нисколько.

— Пойдемте, — сказал Профессор, приглашая всех, и зашагал крупно, не оборачиваясь, уверенный, что мы пойдем за ним, и мы действительно пошли.

Дымил на берегу пруда ресторан «Кавказский», приготавливая шашлыка по-венгерски, и от этого посетители находили пруд живописным — своеобразное утешение перед дороговизной блюд. На этом, на наш взгляд, обычном берегу разместилась спортивная площадка, отгороженная от ресторана живой изгородью из подрезанных акаций, но не отгороженная, разумеется, от сильных и аппетитных ресторанных запахов. Пружинились растяжками турник, пахли скипидаром опилки под ним, покачивались акации, шипел шашлык, громко радовались на пруду, словно впервые оказались в лодках, катающиеся.

— Турник — это общее название спортивного снаряда. Он состоит из грифа или перекладины, стоек, растяжек, креплений. Поэтому правильно говорить: делать упражнения на перекладине, — сказал Профессор.

Мы вспомнили Физика.

— Попробуйте, — вторично предложил Профессор Малинину.

Миша ненавидел перекладину, подрезанные акации, крики удовольствия с пруда, запах шашлыка, небо — это было понятно по его лицу. Он ненавидел физические упражнения, потому что они тоже несли ему добро. А он сам большой, и все уже сделал сам, и сделает в будущем сам, без чьей-либо помощи, совета, предложения. Уже сделал. Смотрите: мрачно стянул с плеч пиджак Малинин, повесил на протянутую руку Пети Иванова, поллевал на ладонь, шагнул к турнику, подпрыгнул, схватился за перекладину и сильно, бешено подтянулся раз, другой, третий...

Задумчиво смотрел Профессор, прикусывая нижнюю губу, сутулился, а Миша все подтягивался, подтягивался, и уже кончились физические силы, и пришло что-то другое, наверное отчаяние. И атаманы не выпускал перекладину и лез к ней подбородком, дрожа телом, извивался.

Мы взглянули на Профессора, требуя выражением наших физиономий восхищения, но он был задумчив и, казалось, печален.

Миша прыгнул, наконец, и долго не мог опустить рук вдоль туловища — они у него топырились локтями, и он походил на букву «ф».

— Ну что ж, — сказал медленно Профессор, взглянул бегло на ф-образного полководца. — Поднимите руки вверх, потрясите кистями...

— Да мы уж как-нибудь. Обойдемся, — заявил полководец, с трудом переводя дыхание.

— Мышцы расслабятся, восстановится нормальное кровообращение, — продолжал говорить монотонно Профессор, и мы увидели, как этот человек наблюдает за Мишей, понял, что наш Миша ему нравится, он ценит нашего Мишу.

— А теперь нужно повиснуть на согнутой ноге, а другой, прямой, раскачаться так, чтобы оказаться на перекладине верхом. Попробуйте, — сказал человек и руками проиллюстрировал, как это сделать.

Миша был доволен собой. Он подошел вразвалочку, кривясь улыбкой. Он подпрыгнул. Прогнулась слегка перекладина. Он закинул ногу. Он махнул ногой, раскачиваясь. Заплясал стальной гриф. Заходили растяжки. Почти влетел Миша верхом на перекладину, но не хватило каких-то миллиметров до равновесия и кинуло его вниз, и опять он сделал мах, и опять не хватило какой-то малости до равновесия. Остервенился Миша Малинин, захотел влезть силой, поднимал локти над грифом, сжимал сталь, возжелав хоть сломать стальной гриф, но оказаться наверху, и нелепо было видеть его, сильного, большого, скрюченным вокруг перекладины, в собственных руках и ногах запутался, краснели от натуги щеки, ходили ходуном растяжки турника.

Мы взглянули с трудом на Про-

фессора. Он был внимательным и печальным, что-то взвешивал, прищурившись.

— Очень хорошо, — сказал Профессор, когда Миша Малинин совсем закрутился вокруг перекладины, и чтобы снять его оттуда, нужно, казалось, долго распутывать руки, и ноги, и шею, и туловище, и голову найти, спрятанную под мышкой.

— Здравствуйте, Владимир Николаевич, — услышали мы и увидели шестерых ребятшек. Они стояли вдоль дорожки из опилок, очень одинаковые. Держались вольно, с достоинством. В них не было силы Профессора, но уже намечалась какая-то общая осанка, манера уважительно и негромко говорить, держать голову достойно, красиво.

— А, пришли, — сказал Профессор. — Сейчас подойдет ваш тренер, пока разминайтесь. Очень хорошо, — еще раз сказал Владимир Николаевич Мише.

Миша самостоятельно распутался, шлепнулся на опилки, устремился к пиджаку, подбежал, стал его надевать, не попадая в рукава.

Ребятишки не улыбались.

— Ваня, — сказал Профессор, — сделайте подъем в упор махом левой.

Из строя ребятшек вышел мальчик, быстро снял рубашку, нажал на пуговичку — брюки упали, — и он оказался в спортивной майке и в коротких трусиках, худеньким, бiceps — ниточки, голова — подсолнух на стебельке-шее. Он подошел к турнику, подпрыгнул, вытянулся в прямую линию, медленно поднял ногу, махнул изящно другой и уже сидел верхом и смотрел вперед, застыл.

— Ваня, Ваня, — покачал головой Профессор, — ну куда это годится. Носки, как утюги.

И Ваня оттянул носки, и они слились в одну линию с ногой, удлинив ее, придав неожиданную стройность всему Ване и осмысленность его местонахождению верхом на турнике.

Миша Малинин успел попасть в один рукав пиджака, во второй не успел: он смотрел на хлюпика Ваню, так неожиданно и достойно преобразенного, почти элегантного, потом посмотрел на пришедших ребят. Они разминались, сосредоточенные, и были большеголовыми, коротко подстриженными. Они аккуратно поднимали руки, приседали — их никто не заставлял это делать, и они походили на маленьких мудрецов, совершающих таинство. А около, на низенькой скамеечке, на которой дыбились горкой брюки, рубашки ребятшек, сидел Валерий Николаевич Корш и беспредектно для спортивной площадки аккуратно и с упованием читал книжку «Простейшие схемы супергетеродинных приемников» и тоже походил на мудреца. И Мише Малинину совсем все стало непонятно и отчужденно, он сплунул с досады, попал в рукав пид-

жака, наконец, и сказал:

— Поплыли.

— Очень плохо, Ваня. Обратите внимание на живот,— говорил Профессор, ни разу не посмотрев на Мишу Малинина.

Со спортивной площадки уходил злой атаман, побежденный воевода и задумчивый полководец, ну, и мы с ними тоже уходили, необъяснимо чем-то довольные.

Парк становился для нас немножко другим...

Глава 8

Первый день учебного года прошел как дым, как утренний туман. Столько было осеннего солнца, сколько, казалось, не было за все лето, и оно втиснулось в классную комнату, ослепило,— и ничего не было видно, и даже ничего слышно не было, кроме первоначального приветствия учительницы:

— Рада вас видеть отдохнувшими, окрепшими, загорелыми.

К концу уроков мы так утомились, как будто не пришли сюда «отдохнувшими, окрепшими, загорелыми». Мы рады были увидеть себя на улице, подставляли лица ветру и искренне удивлялись, почему не занимались этим постоянно во время каникул. Заодно посматривали, чем бы дельным вообще мы могли заниматься — миллион важных дел, и каким образом пролетело такое великое количество свободных дней — сплошное недоразумение. Стало немножко печально и тревожно перед новыми обязанностями, которых неминуемо требовал, как сказал Валя Крупчун, «новый учебный процесс», и сам Валя так назойливо лез в глаза своей солидностью, надутыми щеками, значительным блеском очков, что пришлось поверить — начали учиться, и пришлось вспомнить — поручили Вале делать доклад.

Восстановилось в памяти, как Мария Антоновна, заложив руки за спину, расхаживала у доски, растворяясь в солнечных лучах, и строго говорила:

— Важно приступить к учебе сразу. Не раскачиваясь. Я целиком и полностью согласна с идеей докладов. В чем суть? Представитель каждого класса готовит доклад. Понимаете? Мы тоже выделим своего представителя — Валу, пожалуй, Крупчуна. Думаю, он справится.

С этого момента Валя Крупчун стал надуваться, но мы этого не могли заметить сразу, потому что он тоже растворялся в солнечных лучах. Он сидел на первой парте, но при нормальном освещении его щеки мы заметили бы и со спины.

— Какая тема? — продолжала расплывчатая Мария Антоновна. — Трудная: «Положение детей континента Южная Америка». Нужно привлечь как можно больше источников. Время для доклада — пятнадцать минут. Время на подготовку — неделя.

В классе было душно, как на континенте Южная Америка, с нашей внимательностью что-то произошло несуразное, предметы разбежались, и совсем было не до положения латиноамериканских детей, но как звучало: «континент», «Южная Америка», и Валя Крупчун встал и заверил:

— Мы подготовим, Марья Антоновна!

— Кто это «мы»? — спросила учительница.

— То есть я,— сказал Валя Крупчун, отказываясь от привычек летнего товарищества. Он оглянулся на нас. Мы парились под солнцем и не заметили, как «мы» превратилось в «я».

— Докладчик,— констатировал Миша Малинин на улице, начав соображать под влиянием свежего воздуха.

— Докладчик,— сказали мы, отчетливо осознавая этот факт.

Валя все надувался, надувался, чуть ли не до размеров огромного континента Южной Америки, и виделась почти рельефно на лице Вали Кордильеры, и река Амазонка, непроходимые джунгли, и полно детей на континенте, и за всех детей Вали в ответе, но мы все равно взяли его под ручки и повели домой, к маме и папе.

Мама очень обрадовалась новости. Она отставила дела домохозяйки и стала мучить себя по лестничным маршам, шуршала клеенчатым фартуком и заполнила весь подъезд словом «континент», и словом «доклад», и словом «доверили», и словом «умница», а Валя Крупчун ходил надутый и не собирався, по видимому, принимать нормальные размеры.

Пришел с работы папа, Александр Федосович, он тоже обрадовался, но потом перестал радоваться, потому что неслась уже мама Крупчун газетой и журналы, журналы и газеты, складывала на письменном столе, и Александр Федосович насильно наплевывая пенсне, теснилс манишкой, опускался на стул и страдал над источниками, которые были обильны, как река Амазонка.

Громыхали по железу стола любители «козла», затаячив нового партнера, слышались взрывы восторга, сомнений и огорчений, и тогда Кордильеры тоже содрагались от извержения недействующих вулканов. Александр Федосович спасался бегством, оказывался за столиком, окоченным железом, совершал чудные победы и терпел провальные поражения, напевал мотивы из «Возраста любви» и морщился.

— Такой богатый континент и знает, потрясающая бедность,— говорил он, рассматривая фишки.

— Бывает,— подде живала разговор Варвара Ильинична, смутно представляя местонахождение богатого континента.

— Стреляют там много,— сообщал Иван Никифорович.

— Стреляют? — интересовался Александр Федосович, прикидывая свежий, увлекательный поворот в докладе.

Валя Крупчун шевелил губами, нащепывая фразы, абзацы и отдельные выражения из готовых уже кусков доклада и был непреступен для человеческого общения.

— Хоть бы ты портрет Изабеллы нарисовал,— сказал Миша Малинин Пете.

— Я написал уже,— сказал Петя Иванов задумчиво.

И Петя Иванов вытаскивал картину в подъезд, всю замотанную тряпками. Разматывал целую вечность, разматал, присмотрелся мы: в общем-то это была Изабелла, но что за подбородок? Тяжелый, угловатый, а глаза пронзительные и чуточку нахальные. У настоящей Изабеллы ничего такого не было. Но у Пети Иванова дрожали руки, мы промямлили что-то положительное, общие места из благоприятного отзыва, а у Пети Иванова все равно дрожали руки.

— Ты же еще учишься,— ляпнул благосклонно Валя Крупчун, и художник повернулся, ни слова не говоря, и пошел домой. Картина была громоздкая и ударялась углом о цемент лестницы.

Глава 9

Как гремел двигатель внутреннего сгорания. Как сыпалась из оконных рам старая замазка, дребезжали наличники, да и сам дом ходил радостным ходуном. Разворачивался неповоротливо междугородний холодильник цвета азростата, загромождал наш небольшой двор кузовом, толстыми колесами, двухосным фургоном, кабиной с широким ветровым стеклом, а через стекла расплывался неудержимой улыбкой шофер первого класса Алексей Семенович Минаев. Он выключил двигатель внутреннего сгорания, и наступила тишина, которую мать Миши Малинина назовет райской, и в этой райской тишине ступил меховыми унтами на пупырчатую подножку Алексей Семенович.

Ступил и стал оглядываться.

Он выкроил из графика больше чем парочку часов и еще больше сотен километров. Летела ракетой по шоссе от самого Азовского моря машина серебристого цвета, сам Алексей Семенович поражал торжественной белозной рубашки, а это очень трудно: крутить баранку и иметь белую рубашку.

Стоял шофер первого класса и междугороднего холодильника, смотрел по сторонам, а когда увидел Прасковью Дмитриевну, то стал улыбаться и видеть только Прасковью Дмитриевну, бухгалтера районного отделения государственного банка, и никого больше не видеть, хоть будь тут тысячи людей, и эти тысячи людей были — мы. Спрыгнул с подножки Алексей Семенович и пошел большими, мягкими шагами

навстречу Прасковье Дмитриевне, кособочась кожаной шоферской курткой, по-медвежьи неуклюжий в меховых унтах, подошел, протянул обе руки и пожал крепко ладошки бухгалтеру районного отделения госбанка, и тысячи людей стали смотреть в землю; от осеннего дождя земля была пупырчатая, как поджжк.

Потом Алексей Семенович протянул руку Мише Малинину, и тот тоже вежливо протянул, и нам Алексей Семенович сказал:

— Здрасте.

И мы хором ответили.

На простор нашего двора, стесненного серебристым холодильником, скрипнув тяжелой дверью подъезда, вышла Изабелла. Она посмотрела на хмурое небо, поежилась, перекинула повыше на плечо длинный ремень ярко-красной сумки, и пошла она мимо, безразличная и очень красивая. Только на доли секунды взглянула она на неуклюжего, в унтах, шофера первого класса Алексея Семеновича Минаева, и мы вдруг увидели, что подбородок у нее в это мгновение был тяжелым, угловатым, а глаза пронзительные и чутьточку нахальные. Затем подбородок смягчился, сделался овальным, а глаза томными, прекрасно рассеянными.

— Петя, — сказали мы, — ты талантливый мужчина.

— Ты, Петя, — продолжали мы, — удивительный человек.

— Нарисовал ты, Петя, — ревели мы от восторга, — очень хорошую картину.

Петя ничего не понимал, искал подвоха, посматривал на нас, на Алексея Семеновича, а мы все говорили, теребили Петю Иванова, а потом обратились к компетентному лицу, Валерию Николаевичу Коршу, и потребовали:

— Скажи!

— Хорошую, — сказал Имурашка убежденно, и Петя Иванов расцвел.

Алексей Семенович улыбался. Прасковья Дмитриевна тоже улыбалась, и мы подняли во дворе значительный шум, потому что в чем-то главном мы не ошиблись. И хотя иногда трудно было верить в это, но верили, и потихонечку все сбывалось и именно так, как мы верили.

— Совсем большие стали, — сказала Прасковья Дмитриевна.

А потом мы идем в кинотеатр. Все вместе идем. Мы едим в фойе мороженое и запиваем его лимонадом. Миша Малинин тоже запивает, мороженое не ест.

— Будем друзьями, — говорит Алексей Семенович отчасти нам, но больше Мише Малинину. Мы готовы быть друзьями, но к нам обращаются только отчасти — и мы молчим, и Миша Малинин молчит.

Тогда мы поднимаемся и начинаем рассматривать картины передвижной выставки художников близлежащей области, выставлен-

ные в фойе. Но больше мы видим за столиком Прасковью Дмитриевну — она оперлась щекой на руку, задумчива, видим мы Мишу Малинина — он не ест и не пьет, и видим мы слегка растерянного шофера первого класса.

Мы смотрим на выпуклые часы, и стрелки все не сдвигаются. Наконец, они прыгают скачком, сеанс начинается. На экране происходят всякие удивительные события: скачут на быстрых конях, стреляют из пистолетов, и все проблемы и житейские неурядицы самым благополучным образом разрешаются, потому что люди на экране храбрые, красивые и очень метко, улыбаясь, стреляют.

На улице еще светло, появилось солнце. Мы шумно выходим из кинотеатра, шумно подражаем отдельным захватывающим эпизодам.

— Смотрите, какая машина, — сказал Петя Иванов.

Мы посмотрели. Машина была самая обыкновенная, грузовая, цветасто раскрашенная, а на борту большие буквы: «Не выбрасывайте жестяные банки. В них содержится олов».

Мы вспомнили Васю Краснотеревца, и вот его не было сейчас, а все равно у двух взрослых ничего не получалось.

— Ну вот. Посмотрели. За хозяйство надо приниматься, — сказала Прасковья Дмитриевна, и мы поняли, что она сидела в кинозале и не видела фильма, хотя так громко и великолепно там стреляли. И полководец не видел. И, может быть, Алексей Семенович не видел.

Качались мокрые ветви тополей на фоне неба, решившего было просветлеть, звенели трамваи, шли куда-то целеустремленно пешеходы. Они заражали этой целеустремленностью, заставили увидеть нас бес толково толкущимися на асфальте.

— А вы идите погуляйте, — медленно выговорил Миша Малинин Прасковье Дмитриевне и Алексею Семеновичу. И тогда шофер первого класса и междугороднего холодильника, искрясь безграничной улыбкой, шагнул к полководцу, взял за плечи и сильно, одним махом поднял его к небу, которое и на самом деле решило просветлеть. Он держал так долго, и Миша раздумал сопротивляться, ибо это было отчасти и бесполезно, потом обнял за шею Алексея Семеновича. И все же это очень важно побыть ребенком, чтобы стать в конце концов взрослым полководцем.

Мы не стали оглядываться на Алексея Семеновича и Прасковью Дмитриевну: они пошли по улице сначала на некотором расстоянии, потом взявшись под руки.

Мы направились в парк в слегка растерянных, но в целом приподнятых чувствах.

По спортивной площадке крупно вышагивал Профессор, значительно поворачивал широкими плечами,

поднимал руку, объяснял, и его беспрекословно слушались большеголовые мальчишки, становились элегантными. гордыми.

Нравился Малинину человек с седыми висками, большой головой, блестящим силомером, и теперь не ранило чувство симпатии к нему, потому что доброта другого человека — Алексея Семеновича Минаева — стала и его личной — Миши Малинина.

— Здравствуйте, Владимир Николаевич, — сказал Миша Малинин.

— А, пришел. Очень хорошо, — сказал Профессор. — Так будем заниматься спортивной гимнастикой?

— Будем, — сказал Миша Малинин.

— Очень хорошо, — повторил Владимир Николаевич. — Поднимите руки. Вот так.

И мы не знали, как здорово Миша изменится через год.

— Кисти расслабить, — сказал Профессор.

И мы еще не знали, какого успеха в спорте наш Миша достигнет через два года.

— Голову выше. Вольнее, — сказал Профессор.

Мы не знали, что через три года Миша Малинин будет выступать в Париже, заняв силы, гордой осанкой и элегантности у своего учителя, Владимира Николаевича Арнольде.

— Плохо. Очень плохо, — сказал Профессор. — Попробуем еще раз.

И мы не знали, как наш Миша покориет зрителей и как мы будем приплюсываться носами к экрану телевизора; и удивляться человеку с красивыми мышцами, в белом трико, в белой майке, с эмблемой нашей страны на груди, а человек будет запросто распоряжаться своим вольным, сильным телом, и это будет Миша Малинин, наш атаман, воевода и полководец.

— Поднимаете тяжести дома? — спросил Профессор. — На кого это вы так ополчились? Не надо поднимать много. Вы закрепили мышцы. Итак, пробуем еще раз.

И не знали мы, что Профессор — действительно профессор биологического факультета университета Владимира Николаевича Арнольде — в свободное от работы время приходил в парк, искал ребят, приобщал их к спортивной гимнастике и раскрепостил многим, многим ребятам не только мышцы, но и душу и сделал их людьми.

— Вам нужно составить расписание, — сказал Владимир Николаевич, и Миша Малинин энергично кивнул.

Глава 10

Счастье — непрочная, вертлявая штука. Если оно вдруг и приходит, то, как ему и положено, на мгновение. Но если остается подольше, то к нему привыкают, и что еще хуже — перестают считать за счастье.

В гнездо — так называли комнату Имурашки — должно было прийти счастье, настоящее, прочное.

логичное. Иначе нам раньше времени пришлось бы в чем-то разочароваться и видеть жизнь не такой, какая она есть.

Счастье ввалилось в пустынную, гулкую комнату Валерия Николаевича Корша шумно и радостно. Оно уселось на лоскутное одеяло, заявив твердо, что никауда отсюда не уйдет. Счастье заставило увидеть по-новому все в этой комнате, и оказалось, что младшие братья и сестры Имурашки все симпатичные, ладные и хорошо учатся.

Счастье отразилось в усталых глазах матери и выбило слезы, и она опустила на расшатанный табурет и поднесла к глазам вечный фартук. Счастье дало возможность посмотреть вокруг спокойно и осмысленно, сравнить с прошедшим и убедиться, что не так уже все плохо в семье и даже хорошо, как и у других людей.

Счастье заблестело в глазах Имурашки, потому что это счастье принес он сам.

Все началось так.

Имурашка, вместо того чтобы ответить на вопрос: «Когда Иван Грозный взял Казань?», странно посмотрел на Марию Антоновну, сел, потом достал из портфеля какой-то листок, посмотрел на него и улыбнулся. Затем у Валерия Николаевича Корша сделались глаза большими, зрачки очень черными, он рассеянно обвел класс, посмотрел куда-то мимо Марии Антоновны, извинился и вышел.

Стаж работы Марии Антоновны был еще не таким значительным, чтобы она не предстала перед нами в полной своей беспомощности. От сознания того, что она не может скрыть замешательства, как ее тому учили в институте, она еще и пунцово покраснела. От всего этого нам тоже стало неудобно, потому что были мы уже взрослыми, чтобы веселиться по этому поводу. Но и не настолько взрослыми, чтобы найти выход из щепетильной ситуации.

Мы сидели и молчали, молчали, молчали, и Мария Антоновна выскочила из класса и столкнулась в коридоре с самим директором школы. Из этого столкновения ничего хорошего не вышло, потому что директор школы отставил в сторону рапорты, отчеты, сметы и предписания вышестоящих инстанций и собственной персоной направился домой к Имурашке.

Он был грозен и величествен, наш директор, несмотря на свой выдающийся маленький рост. Он был весь подчинен одной цели: наказать дерзкого школьника, и наказать сурово.

Валерий Николаевич сидел в центре сложной системы из проводов, конденсаторов, сопротивлений, катушек, старых трансформаторов и каинфильного дыма. Взгляд его был направлен на перевернутое шасси радиоприемника, где провода, конденсаторы, сопротивления, катушки

и трансформаторы разместились в таком тесном соседстве, что между ними и пальца не просунешь.

— Ваш поступок может быть расценен, как... — начал с порога директор нашей в целом дисциплинированной школы.

— Болван, какой я болван, — произнес Имурашка, не отрывая от шасси.

— Почему болван? — усомнился директор.

— Так соединить. Нужно быть законченным дураком, — сказал Валерий Николаевич, копаясь в проводах.

— В самом деле? — спросил директор.

И директор просеменил к запутавшемуся в проводах Валерию Николаевичу, подвинул табуретку, просверлил головой через лианы проводов, и началось бормотание, имеющее смысл только для радиолюбителей.

Мать Имурашки как стояла у дверей, так и осталась стоять. Она не знала, готовить ли чай для гостя или заплакать. Потом собрались сестры Имурашки. Они поняли: что-то случилось, ближние ухватились за фартук матери, остальные — за платица друг друга. Мальчики ввалились шумно, независимо, но осеклись и расположились полусмятым арьергардом.

Потом директор и Валерий Николаевич отпрянули от сооружения, посмотрели чудными глазами и сказали:

— Попробуем.

Они всунули штепсель в розетку и смотрели, как нагреваются нити ламп в задымленных баллончиках и, нагревшись, жизнью задышал динамик, и как, сдвинув ручку настройкой, в комнату вошла музыка.

И они увидели, что вокруг стоит все семейство Имурашки, и Алексей Семенович Минаев, сдвинув брови, с разрезом морщины на переносице, и Физик, озадаченный, полагающийся, что случилось из ряда вон выходящее, и Варвара Ильинична, и майор в отставке — Иван Никифорович Сидоров — серьезный, как перед наступлением, и Вася Краснодеревщик с сигаретой, которую держал нежно и с почтением, и дед Денисов покачивал белой головой, и еще кто-то, которых никто и никогда не видел раньше.

А посредине комнаты стоял наш маленький директор, у него слипались пальцы от канифоли, и он отряхивал пиджак, полагая, что это пятнышко, а это дырка от расплавленного олова.

Он повернулся к Валерию Николаевичу Коршу и долго жал ему руку, как будто канифолью приклеил.

— Я один из Германии привез. «Телефункен». Портативный. Гитлер пятьсот штук для гестапо сделал. Проводники на серебре. Весь мир берет, — сказал товарищ Сидоров, портя немного атмосферу торжества.

— Ведь сам сделал, малец, — сказала Варвара Ильинична.

— Чья схема? — спросил директор профессионально строго, как будто хотел спросить: «Чьи это проделки?»

Звучала музыка. Все молчали. Музыка вылезала на улицу, широкая и строгая, и люди, создавшие такую музыку, должны быть нежными, красивыми, умными...

— Моя схема, — сказал Имурашка, вытирая руки.

Ручку приемника вертели все.

— Гут, — сказал товарищ Сидоров, тем самым ставя знак равенства с приемником, у которого были серебряные проводники.

— В инженеры его надо, — сказала Варвара Ильинична, которая очень почтительно относилась к инженерам, считая их людьми самыми умными и необходимыми.

— Такое наделать, это тебе не... — не нашел сравнения Вася Краснодеревщик и добавил:

— Футлярчик бы к нему полированный...

— Хорошо, — сказал директор нашей школы и отошел к старинному комоду с огромными ящиками, выдвигать которые можно было только схватившись за ручки и упершись в стену ногой.

— Хорошо, — повторил директор и взял с комода фотографию.

Фотография изображала опушку леса, освещенную солнцем. Так легко было предполагать, потому что фотография выцвела, пошла коричневыми кругами, и круги принимались за солнечные блики. Потом отчетливо замечалась улыбка — широкая, добродушная улыбка солдата, которая стала штампом всех фильмов послевоенного периода и означала, что с такой улыбкой солдату сам черт не брат. Фотография тут же иллюстрировала эту схему чертом, которые не брат, — долговязым немцем. Немец натянулся на автомат солдата и брел по опушке. Солдат улыбался, во рту цигарка, в руках автомат, перед ним немец, офицер. Он весь болтается: и руки, и китель, и погоны, и сразу видно, что жить ему на свете плохо.

— Отец? — спросил директор, показывая на солдата, и все множество присутствующих утвердительно кивнуло, даже те, которых никто и никогда раньше не видел.

— У вашего сына задатки большого инженера, да, — сказал директор, обнаруживая, что пятнышко на пиджаке — не пятнышко, а самая настоящая дырка.

— Большого инженера, — добавил он и ушел.

— Тебе обеспечена хорошая жизнь. Сам директор. Видел, — сказал Валя Крепчун.

Корш не понял. Все ушли.

Осталась только мать Имурашки. Она смотрела на фотографию мужа.

Пошел снег. Первый снег осени. Он падал большими хлопьями и был нежным и лохматым.

Колонны пехоты мерно движутся под барабанный бой и свист флейт, с грохотом выносятся на позицию артиллерийские упряжки, саперы еще не закончили строительство укреплений и дружно орудуют топорами и кирками, лихой адъютант осадил лошадь перед генералом и, франтовато отдав честь, докладывает о чем-то.

Вы думаете, я пересказываю какой-нибудь фильм? Ничуть! Я рассказываю о том, что происходит у меня на столе, где становятся в строй солдатики, извлеченные из картонных коробочек.

Солдатики, пожалуй, одна из самых любимых детских игрушек, и при этом одна из самых древних. Солдатики могут быть разные: оловянные и бумажные, глиняные и фарфоровые, деревянные и из пластилина. Но если фигурки из глины и фарфора мы можем видеть главным образом в музеях, то оловянные, бумажные и пластилиновые армии доступны любому мальчишке.

Для начала я хочу рассказать о своей коллекции солдатиков. Солдатики были у меня с тех пор, как я себя помню. Я получал их в каждый день рождения и в каждый Новый год. Солдатики делал мой отец. Эти фигурки становились немыми участниками всех игр. Строили крепость из песка во дворе нашего дома или возводил дворец на полу в комнате, везде и всегда находилось место и для солдатиков.

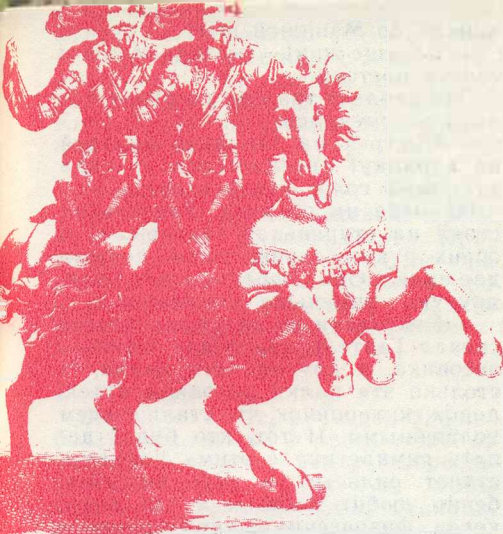
Время от времени к отцу приходили его друзья, и они играли в солдатиков. В комнате становилось шумно, раздвигали обеденный стол, на котором рисовали мелом местность, доставались коробки с солдатиками, и они начинали двигаться, сближаться, и казалось, слышна была тяжелая поступь пехотинцев и орудейные залпы. Такие вечера для меня особенно памяты.

К сожалению, не долгие любими мои игрушки. Вскоре начинают тускнеть яркие мундиры, обламываются ружья и сабли... Но приходит новый

день рождения, и опять заветная коробочка лежит на самом верху подарков. Что в ней? Смешные ли шотландцы в пестрых юбочках или закованные в латы рыцари, гренадеры ли Наполеона в высоких меховых или гусары в развивающихся ментиках?

Когда я подросток, отец научил меня самого делать солдатиков. Сначала готовилась формочка из гипса, а то и из обычного алебаstra, затем надо было найти свинец и приспособить консервную банку для плавления металла. Когда все приготовления заканчивались, можно было идти на кухню и начинать отливать солдатиков, но самое трудное было еще впереди... Отливки нужно аккуратно чистить перочинным ножом и натфилем, а потом раскрашивать. Естественно, что хотелось выкрасить солдатиков так, чтобы они были совсем как настоящие, и для этого приходилось копаться в книгах, искать подходящие иллюстрации. Все это было интересно, но из-за трудоемкости шло очень медленно, а ведь хотелось скорее иметь большую армию. И вот тогда на помощь пришел пла-

Стойкий оловянный солдатик

стилин, самый обычный цветной пластилин, который продается во всех канцелярских магазинах. Пластилиновых солдатиков я научил делать и своих друзей, и вскоре закипели грандиозные сражения. Но что было самым интересным, так это то, что можно было воспроизводить события из любого фильма или книги...

Вот мы посмотрели кинокартину «Александр Невский», и у нас появились русские воины в острокопечных шлемах и тевтонские рыцари в белых плащах. Брали таз с водой, на воду клали плотную белую бумагу в несколько рядов — и вот кипит бой на льду Чудского озера. Со временем бумага, намокнув, начинает оседать, совсем как лед в кино...

Таким образом, в моей армии скоро были представлены воины всех времен и народов. В коробочках лежали в ожидании новых боев герои Гомера и легионеры Цезаря, татарская конница Батыя и стрельцы Ивана Грозного, преображенцы и семаховцы Петра и суворовские чудобогатыри, наполеоновская старая гвардия и казаки Платова... Для каждой эпохи была изготовлена соответствующая военная техника: боевые колесницы и пушки, автомобили и танки.

Так в игре, причем игре никогда не надоедавшей, практически бесконечной, проходило мое детство, появлялась любовь к книге, интерес к истории. По окончании школы я поступил на исторический факультет университета. Теперь занимаюсь именно военной историей. Ну а солдатики, спросите вы, что они делают сейчас?

Не смейтесь, я и сейчас продолжаю играть в них. Поверьте, это не менее интересно, чем шахматы, а тем более карты или домино.

Для игры в солдатики существуют специальные правила большей или меньшей сложности. Познакомлю вас с самыми элементарными, которые ложатся в основу любой военной игры. Поле служит ровная поверхность, на которой мелом или как-либо иначе при помощи топора-

фических знаков изображается местность. Двумя играющими берется равное количество пехоты, артиллерии и кавалерии, причем условно одна фигурка может обозначать батальон, артиллерийскую батарею и эскадрон. Ходы делаются поочередно, причем в свой ход каждая сторона может либо походить всеми фигурками, либо стрелять (то есть та фигурка, от которой производится выстрел, в данный ход не движется). Стрельба производится на заранее договоренную дальность, различную для артиллерии и пехоты. Движение производится на определенное расстояние. Для удобства можно взять длину спички, тогда пехота и артиллерия движутся на одну спичку, а кавалерия — на три. Эффективность стрельбы определяется броском кубика, на гранях которого — цифры от 1 до 6. При стрельбе от пехоты по пехоте и кавалерии противника убитыми, то есть выбывшими из игры, считается столько фигур, сколько раз выпало 5 и 6, а при стрельбе от артиллерии считается уничтоженной пушка противника при 6, а фигурок пехоты и кавалерии 3 при 6, 2 при 5 и 1 при 4. Исход рукопашного боя также определяется броском кубика. В этом случае обе стороны кидают кубик, и у кого выпадает большее число, тот выходит победителем (за пехотинца кубик бросается один раз, а за кавалериста — два).

Таковы самые общие правила, которые можно и усложнять, вводя объемную местность, то есть изображая ее не знаками, а объемными домами, деревьями, мостами и т. п., используя разные калибры артиллерии и меняя соотношение сил противников, вводя понятие «операционное направление» и т. д.

В заключение могу еще сказать, что солдатики могут быть не только игрушкой, с их помощью можно изготавливать макеты, изображающие любые исторические события. Солдатики помогут вашим детям лучше узнать историю, сделают интересным и часы досуга.

Г. Вилинбахов,
хранитель коллекции знамен
Государственного Эрмитажа
Ленинград

прочитайте малышам

Николай Берендгоф

Жар-Птица

Хорошо на свете,
Если в час полдневный
Нас охватит ветер
Песней задушевной.

Радуются дети
Солнцу и растениям,
Хорошо на свете
В ясный день весенний.

Вышиты тропинки
Тёплыми лучами,
Шепчутся травинки
С чистыми цветами.

Солнечные зайки
Пляшут на лужайке.
И деревьям снится:
Носится Жар-Птица.

Весенний вальс

Струится вальс весенний,
И внятен каждый звук,
Качается в сирени,
Внимая, майский жук.

Танцуют вальс весенний
Мохнатые шмели,
И бабочки, и пчелы,
И все цветы Земли.

Утренняя зарядка

Рано солнце умывается
Ключевой водой,
После ливня утирается
Радугой цветной,
Зайцы делают зарядку
Мастерски:
Вдох и выдох, вместе пятки,
Врозь носки.

Слышно, как перекликаются
Птичьи голоса,
В быстром беге состязается
С зайцами лиса,
Медвежата-акробаты
Всех смешат,
Все стоят на задних лапах
И урчат.

Солнце смотрит, улыбается
Сквозь узор ветвей,
И весенний лес купается
В озере лучей.

Ручьи

Неслышно с неба льются
Весенние лучи.
Прислушайся: повсюду
Звонят-поют ручьи.

Теплее солнце греет,
Покинул снег поля,
И ожили деревья —
Зелёные друзья.

Травую изумрудной
Блестит ковёр земли,
В серебряные трубы
Играют журавли.

И роща как живая
В ручьях отражена.
Тепло нам возвращая,
Несёт цветы весна.

Солнечные зайчики

Под росистой зеленью
Светят поутру
Белые фонарики —
Ландыши в бору.

Как барашек, облако
Бродит в синеве,
Солнечные зайчики
Пляшут на траве.

Солнечные зайчики
Скачут по тропе,
Их поманишь пальчиком —
Побегут к тебе.

Жаворонок

— Жаворонок маленький,
Ты куда летишь?
В голубом раздолье
Ты о чем звенишь?

— День-деньской я плаваю
В чистых небесах,
Озарённый счастьем
У Весны в гостях.

Я хочу, чтоб канули
Горести с бедой,
Чтоб сияла молодость
На земле большой.

Чтобы дружбу славили
В солнечных краях,
Вновь пою я радостно
У Весны в гостях.

Физкультурный букварь

Начало в № 1, 3

Подарки лета

Что ты, лето,
Принесло?
— Мячик,
Лодку
И весло,
Молоко
В узорной крынке,
Подберезовик
В корзинке,
Волейбол
И городки.
Ну-ка все —
Наперегонки!
Кто из вас
Домчится первым
От деревни
До реки?

Мы с ребятами
Бежали
Через рощу
Прямяком.
Сняли
Сандалии —
И дальше
Босиком!

Палка лесовика

Коля Веснушкин и бабушка Анна Петровна на лето уехали в деревню. Анна Петровна взяла с собой маленькую Машу.

Коля просыпался рано. Но бабушка Анна Петровна всегда уже была на ногах. Окна на террасу были распахнуты. И свежий утренний ветерок, птичий голос, шелест листвы — все торопило: скорей, скорей выпрыгнуть из постели!

А это утро было каким-то совсем особенным. Солнце заглядывало в окна, светило во все щели террасы, пробиралось повсюду. А птицы устроили настоящий концерт.

Коля вскочил с постели.

— Вставай, вставай, Маша!

Но Маша только сонно вздохнула и повернулась на другой бок.

Коля сбежал вниз по ступенькам. Сорвал травинку с метелочкой на конце. На цыпочках подошел к Маше и тихонько провел травинкой по щеке.

— Ой, жук! — сказала Маша. И шлепнула себя ладошкой по щеке. Но глаза не открыла.

Тогда Коля провел легонько тра-

винкой по Машинной шее.

— Ой, еще жук! — сказала Маша и села в постели.

Она увидела травинку в руках Коли и рассмеялась.

— Быстрее на зарядку! Быстрее на зарядку! — послышался из сада знакомый голос Гантелькина.

На небе ни облачка. Гантелькин стоял на ступеньках террасы. И в обеих руках, словно пики, держал две палки. Одну больше для Коли, другую, поменьше, для Маши.

— Эти палки не простые, — строго сказал Гантелькин. — Одна палка — лесовика, а другая — его внука. И столько эти палки исходили путей, дорожек, тропинок, что стали совсем волшебными. И тот, кто будет делать гимнастику с этими палками, станет сильным и крепким. Особенно любит лесовик и его внук, когда физическими упражнениями занимаются у них в гостях: в лесу, у речки, босиком, в трусах да маечке — дети закаляются, простор делает их движения свободными, естественными, непринужденными. А как легко дышится!

И Гантелькин, увлекая Машу и Колю за собой, направился по тропинке в расположенный неподалеку лесок.

Зарядку проводит Гантелькин

Дорогие взрослые, гимнастическая палка должна быть совершенно гладкой и ровной, концы ее закруглены. Длина примерно 60—80 сантиметров, диаметр — 2—3 сантиметра. В лесу вместо специальной гимнастической палки можно успешно использовать ветки, сучки необходимых размеров, вместо мячей — упражняться с шишками.

Держа палку в одной руке (за серединой), походить по высокой траве.

Первое упражнение

Походи приставными шагами по выступающим над землей корням деревьев (наступая серединой ступни), помогая себе гимнастической палкой, опираясь ею о землю. Затем походи, не помогая себе палкой, ставя носок одной ноги у пятки другой. Прodelай не спеша в течение одной-двух минут. Дыхание свободное.

Второе упражнение

Возьми за оба конца палку, подойди к дереву с низкими сучьями (или высокому кусту), поднимись на носках, поднимая палку как можно выше, положи ее на ветки (чтобы не упала) — вдох. Опуститься — выдох. Во второй раз достать палку, вернуться в исходное положение. Выполнить в медленном темпе шесть-восемь раз.

Третье упражнение

Встань у пенька (его высота 40—50 сантиметров), положи на него попереки палку, взойди на пенек, присядь, возьми палку, сойди с пенька.

помогая себе палкой. Обойди пенек кругом, взойди на него с другой стороны, но теперь сходи с пенька, не помогая себе палкой. Прodelать не торопясь по три-четыре раза. Дыхание свободное.

Четвертое упражнение

Укрепи палку параллельно земле на высоте 30—40 сантиметров. Проползи под ней, не задевая, по два раза с обеих сторон. Подлезь под низко наклоненные ветки, не касаясь руками земли. Дыхание не задерживать. Темп медленный.

Пятое упражнение

Встань на берегу речки, бросай небольшие камешки в воду, чтобы от них пошли круги. А теперь побросай плоские камни-галки так, чтобы они, едва касаясь воды, скакали, прыгали по ее поверхности как можно большее количество раз. Сделай 10—12 бросков.

Шестое упражнение

Войди в воду на мелкое место. Подпрыгни на обеих ногах так, чтобы они оказались над поверхностью воды. Приводящий-приземляйся мягко! Выполни четыре-пять прыжков, отдохни немного, повтори еще раз снова. Дыши как тебе хочется, но равномерно.

А потом Гантелькин сказал:

— Можно детям и в речке искупаться.

И вместе с Анной Петровной ребята стали весело плескаться в воде, поднимая брызги, визжа от удовольствия.

Советы доктора Градусника

Уважаемые взрослые! Ребенку очень полезно закаливание солнцем, так называемые солнечные ванны.

Но предвительно я вам рекомендую закаливание воздухом. Для этого надо провести двухнедельный курс воздушных ванн.

Воздушные ванны

Воздушные ванны рекомендуются всем без исключения здоровым детям. Их лучше проводить в сочетании с пешими прогулками, физическими упражнениями и играми различной подвижности. Уже при температуре плюс 18—20 градусов приучайте ребенка гулять так: сначала оголяя руки и ноги, затем — в трусах и майке, а потом — в одних трусиках (и желательно — босиком).

Воздушные ванны надо принимать в защищенном от ветра месте (на полянке, лужайке, ровной площадке).

Начинайте с нескольких минут (не более 10 минут) и доведите постепенно продолжительность воздушных ванн до полутора часов. Ребенок, привыкший к воздушным ваннам, может принимать их даже при температуре плюс 16 градусов. Воздушные ванны можно принимать в течение всего лета.

Солнечные ванны

Всем взрослым! Внимание! Внимание! Внимание!

Приучайте ребенка к солнечным ваннам постепенно и осторожно.

Наиболее удобное время для приема солнечных ванн в средней климатической полосе с 10 до 11 часов, на юге с 9 до 10 часов утра. При этом температура воздуха в тени должна быть не ниже плюс 20 градусов и не выше плюс 32 градуса.

Ребенок находится под прямыми лучами солнца (но не более 15 минут подряд). На нем только — трусики и панамка. Ребенок не должен лежать неподвижно. Лучше всего — спокойная игра, под непосредственным наблюдением взрослого.

Начинайте же с трех-пяти минут. Постепенно продолжительность приема солнечных ванн увеличивается до 25—30 минут (три раза в день).

После солнечной ванны необходимо примерно с полчаса отдохнуть, побыть в тени, затем принять душ или искупаться. Температура воды плюс 20—22 градуса, воздуха — плюс 24—26 градусов. После купания следует досуха вытереться.

Сказка

о непослушном мячике

Знаете ли вы, ребята, что есть Город мячей? Да, да, есть такой город? И живут в нем мячики. Футбольные, волейбольные, теннисные, прямо скажем, всевозможные.

Все дома там круглые, с круглыми окнами. По улицам катятся мячи-автобусы, мячи-троллейбусы. А на перекрестке стоит мяч-светофор. Одна половинка красная, другая — зеленая. Повернется он красным боком к машинам, все сразу останавливается. В скверике играют маленькие шарики для пинг-понга. А над городом плавают разноцветные воздушные шары.

Вот в этом самом городе жил один Непослушный Мячик. Всегда катился он не туда, куда надо. То скачет по середине улицы, всем малышам мешает. То прыгнет прямо в фонтан и всех обрызгает.

Однажды все взрослые Мячи собрались и сказали ему:

— Как тебе не стыдно! Ведь для каждого мяча есть свои правила!

— Вот еще! Подумаешь! Надоели мне ваши правила! — надул губы Непослушный Мячик.

Все взрослые Мячи покатались по своим делам, а маленький Непослушный Мячик выкатился из города и пустился напрямик по дороге к темному лесу.

Хорошо одному! То в канаву скатится, то в луже искупается. А ему никто и слова не скажет.

Вдруг откуда ни возьмись навстречу — Волк.

— Ты что, кругленький, один на дороге делаешь?

— А я из города укатился. Я —

Непослушный Мячик.

— Вот славно-то! — засмеялся Волк. — А я как раз Волк-Не-По-Правилам. Идем ко мне жить.

И побежали они вприпрыжку к волчьей избушке.

Прыгнул Мячик в дверь. Огляделся. Всюду грязь, копыт. На окнах вместо занавесок паутина висит.

— Да чего же у тебя грязно, неуютно! — поморщился Мячик.

— А я сейчас чистоту наведу! Буду, — осклабился Волк.

Схватил Волк Мячик, намылил его. Став кастрюли им тереть.

— Ой, что ты делаешь? — запищал Мячик. — Я же не мочалка! Где это видано, чтобы мячиком кастрюли терли?

— А я Волк-Не-По-Правилам, — ухмыляется Волк.

Достал Волк черной ваксы, намазал ею Мячик. И давай Мячиком свои сапоги до блеска чистить.

— Ой, что ты делаешь? — взмолился Мячик. — Я же не сапожная щетка.

— А я Волк-Не-По-Правилам, — еще громче хохочет Волк.

— А когда же я буду играть и прыгать? — заплакал Мячик.

— Вон Медвежонок на полянку пожаловал. Сейчас поиграем, — хитро подмигнул Волк.

Увидал Медвежонок Мяч и обрадовался.

— Давай друг другу Мячик кидать.

Стали они в мячик играть. Медвежонок старается прямо в лапы Волку кинуть. А Волк нарочно — то через голову Медвежонка Мяч перекинет, то в крапиву забросит. Хочет Мячик Медвежонку в лапы прыгнуть. Да где там! Волк его назад бросил — прямо на крышу зашвырнул.

Хохочет Волк:

— Я Волк-Не-По-Правилам!

Обиделся Медвежонок.

— Не буду я с тобой играть! И ты обманщик и Мяч твой — обманщик!

— Я не обманщик! — заплакал Мячик. — Не хочу я так играть. Хочу по правилам.

— Вот как заговорил! — рывкнул Волк. Схватил Волк Мячик, вбежал в избушку. И — дверь на замок.

— Чтоб я больше этих глупых слов не слышал! — осклабился Волк. — Будешь у меня всегда жить. А если что не по-моему, зубом прокушу — и дух вон!

— Делать нечего, согласен, — вздохнул Мячик. — Только позволь мне напоследок один раз подпрыгнуть. Ударь меня разок об пол, да по сильнее.

— Ладно, — снисходительно усмехнулся Волк. — Прыгни в последний раз.

Бросил Волк Мячик изо всех сил об пол. Подскочил Мячик — и прямо в трубу. Скатился с крыши и скорей — через полянку, а дальше по дороге в Город Мячей!

Катится Мячик по дороге, торопится. А за ним Волк — прыг, прыг. Вот

вот догонит.

А тем временем в Городе Мячей — шум, суматоха, волнение. Громкоговорители на всех углах сообщают:

— Пропал маленький Мячик! Приметы: маленький, полосатый и очень непослушный!

Влетели из города на поиски Воздушные Шары. И увидели свеху: Мячик по дороге спешит, а Волк его догоняет.

— Тревога! Тревога! Все на помощь маленькому Мячику!

Выкатились из города Мячи — волейбольные, теннисные, всевозможные.

Теннисные мячи вокруг Волка скачут, по лапам бьют. Шарики от пинг-понга на спине Волка барабанную дробь выбивают. Волейбольные мячи все по лбу наровят угодить.

Остановился Волк, головой трясет. Тут выкатился из города футбольный Мяч.

— Разойдитесь все, — крикнул он. — Штрафной! Одиннадцатиметровый!

Разогнался футбольный Мяч да как треснет Волка по носу! Волк три раза в воздухе перекувырнулся. И бегом в свою избушку.

— Спасибо, что вы меня спасли, — сказал всем Мячам маленький Мячик. — Теперь я всегда все буду делать по правилам.

Мяч через сетку

Для этой игры нужна ровная площадка примерно 6 на 12 метров. Границы площадки очерчиваются линией или выкладываются шишками. По углам можно воткнуть флажки.

Волейбольная сетка вешается так, чтобы верхний край ее был на уровне вытянутых рук ребенка или чуть выше. Вместо волейбольной сетки может быть натянута бадминтонная сетка или просто веревочка.

Дети делятся на две команды. Игроки команды располагаются свободно по площадке (без какого-либо строго установленного порядка) примерно в полутора-двух метрах от сетки и друг от друга.

Мяч перебрасывается, посылается через сетку с любого места площадки. Игрок может перекинуть мяч через сетку сразу сам, а может перепасовать его своему товарищу по команде (чаще всего стоящему ближе к сетке), а тот отправляет его на противоположную сторону.

В отличие от волейбольной игры мяч детьми не отбивается, а ловится просто руками. Это сильно упрощает игру. Правда, если ребенок умеет подавать мяч, ударяя по нему рукой, или отбивать летящий свеху мяч, это не возбраняется, но учить специально этому в дошкольном возрасте не стоит.

Задача игроков — не дать мячу коснуться земли на своей половине, а перебросить мяч через сетку так, чтобы он упал на площадку другой команды. Мяч не должен касаться сетки (веревочки) или улетать за

пределы площадки. Это считается ошибкой, и очко команде, подающей мяч, не засчитывается.

Игроки команды могут перекидывать (перепасовывать) мяч друг другу по одному разу (но не больше пяти касаний в команде).

Команды подают мяч по очереди независимо от ошибок и полученных очков, а также независимо от того, достигла подача цели или нет.

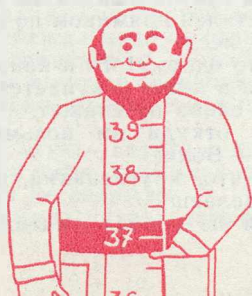
Очко засчитывается команде, если мяч, перелетев сверху сетку (веревку), коснулся земли на площадке противника или принимающая мяч команда не смогла отразить мяч на площадку подающей команды.

Играют до 5 или до 10 очков, затем меняются площадками. Продолжительность игры 15–25 минут.

Советы доктора Градусника

Помимо обычного умывания на ночь в летнее время ребенок обязательно каждый день перед сном должен вымыть ноги. Ноги надо мыть с мылом выше колен. Ноги можно мыть в тазике (или на реке, а также в ванной). После мытья сполоснуть из кувшина (черпака, лейки) водой комнатной температуры. Для вытирания ног должно быть отдельное полотенце. Ноги вытирать досуха, особенно между пальцами.

Всем! Всем! Всем! Очень рекомендую в летнее время спать с открытыми окнами. Это увеличивает продолжительность пребывания на свежем воздухе.

Робик изменяет мнение

Вы знакомы с Робиком? Нет?

Говорит он басом. Высота — чуть больше метра. Любознатель и сыплет вопросами. Считает — вам бы так! Что еще? Никогда не смеется... Голова его — металлический параллелепипед с вмонтированной схемой из электронных ламп и реле. Он — говорящий и «мыслящий» автомат.

— Подзаймись с Робкой, — попросил меня как-то приятель, — почитай ему пословицы.

— Даровому коню в зубы не смотрят, — начал я.

— Почему в зубы не смотрят? А куда смотрят? — забасил Робик.

Пришлось объяснить. Затем я продолжал:

— Поспешись — людей насмешишь.

— Сомневаюсь! Логичнее «Поспеша людей насмешишь».

Ну как ему объяснить? Пример из жизни? Вряд ли он поймет... Пока я думал, Робик сам принялся объяснять:

— Поспешить, спешить, торопиться, стараться делать быстро — это хорошо. Правда, когда спешат часы — нехорошо. Но если часы спешат, это не смешно. Их надо починить, а не смеяться. Вывод: «Поспешись — людей насмешишь» — бессмыслица!

— Робик, как ты споришь, если даже не умеешь смеяться?

— Я не умею смеяться, но знаю, когда полагается смеяться.

Вот и объясни ему. А что, если на шахматах?.. Идея!

Играть в шахматы он научился недавно. Выиграет — снисходительно молчит. Проиграет — забормочет: сыграл он так-то, получилось бы этак, и все сложилось бы иначе, и выиграл бы он... Затем предложит переиграть и исправит ошибку!

Я расставил фигуры (см. диаграмму).

— Робик, мы разыграем позиции белые: Крс7, Кв8, пп. а4, в2, черные: Кра8. Твои белые. Начиная.

— Сомневаюсь! — сказал он. — У белых явный выигрыш.

— Конечно, выиграш, Робик. Но ты дай мат за семь ходов.

— Это другое дело! Тогда спешно иду в ферзи: 1. а4-а5.

Мат в семь ходов не получился...

— Робик, я же говорил: поспешись — людей насмешишь.

— Это бессмыслица, мною уже доказано. Разыграем снова? Спешно иду в ферзи другой пешкой: 1. в2-в4.

Автоматов, играющих в шахматы, много, но лишь один Робик разговаривает во время игры. Словно играешь с человеком! Однако мат в семь

ходов он опять дать не сумел. И забормотал:

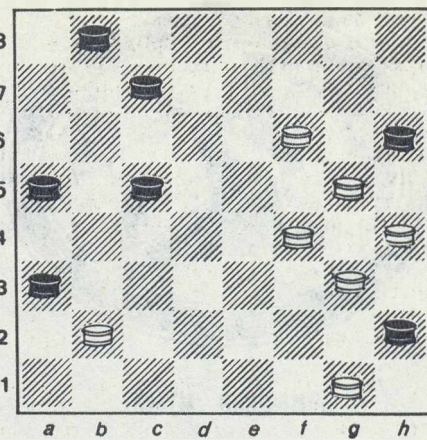
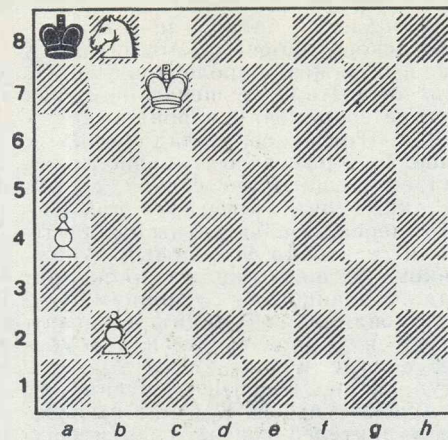
— Мне надо было... Тогда бы ему пришлось... А я бы... Это привело бы... Переиграем?

Если Робик предлагает переиграть, значит, что-то придумал. И он-таки объявил мне мат в семь ходов! А затем заявил:

— Изменяю первоначальное мнение! «Поспешишь — людей насмешишь» — не бессмыслица.

А вот почему эта позиция помогла Робикю понять пословицу — вам покажет решение. Итак: как Робик дал мат в семь ходов?

А любителям шашек предлагается концовка известного шашечного композитора М. Беня (Киев). Найдите за белых путь к победе.

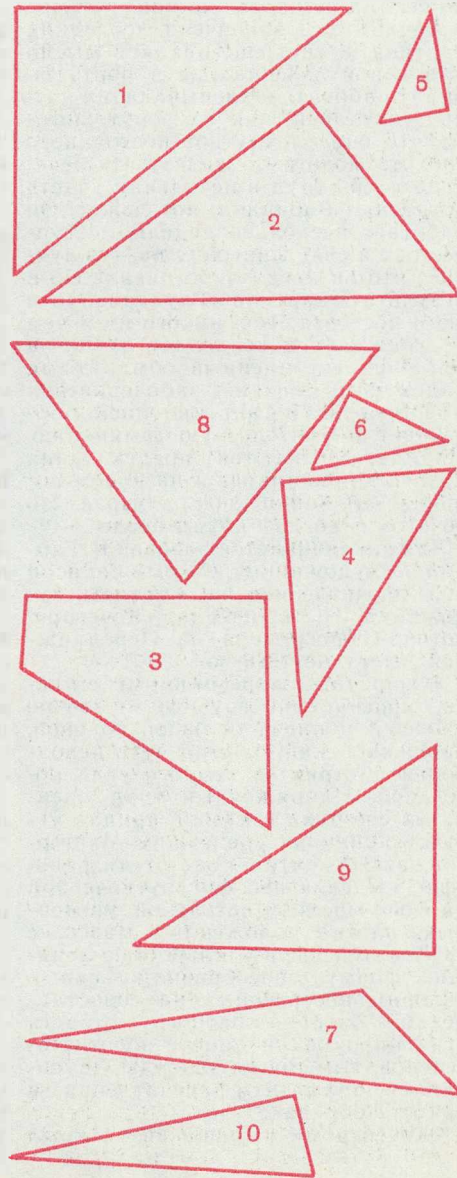
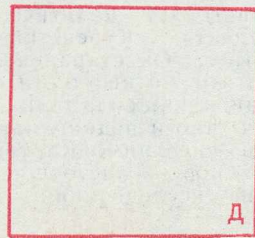
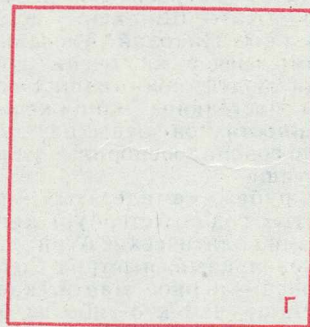
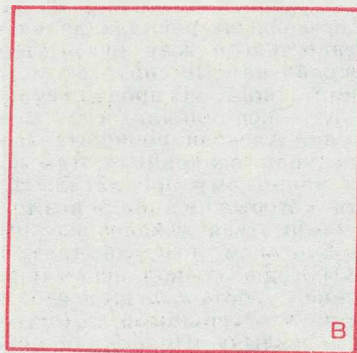
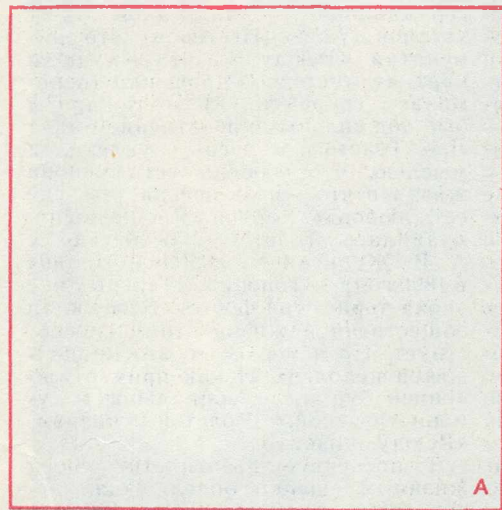

Головоломка

В старинном доме разбились во время бури пять цветных стекол разных размеров (А, Б, В, Г, Д). Реставраторы собрали осколки, рассортировали их — всего оказалось десять типов осколков: осколков типа 1—7 было по три штуки, а типа 8—10 по две штуки.

Долго мудрили реставраторы, а потом все-таки собрали все стекла! Подскажем, что для стекла А им понадобилось десять осколков всех типов, для стекла Б — семь осколков (типов 1—7), а для трех стекол В, Г, Д — опять-таки десять осколков (для всех трех!)

Как им это удалось?

домашний музей

Да, он талантлив, — это Рябинин о себе знает. Не знает он, что ему делать со своим талантом. Понять бы, думает он, кому все это нужно — краски, холсты, выставки, найти бы такой сюжет, чтобы разбудить сонную одурь публики и добаться до сердца каждого. Но как? Четыре месяца назад закончена последняя картина, а «нет еще никакой мысли для новой»... Однажды в порту он видит рабочих, заклепывающих котлы, — глухарей, как их зовут, потому что они глухнут от постоянного грохота молота по железу. Их нечеловеческий труд и печальная участь потрясают Рябинина: вот сюжет! Он работает несколько недель, иступленных и счастливых. О да, это лучшее, что он когда-либо писал! Но в результате картина «Глухарь», хотя ею и восторгаются, никого ни в чем не убеждает и не делает лучше, и Рябинин, истомленный обманутыми надеждами, опасно заболевает, а выздоровев, бросает живопись и поступает в учительскую семинарию. Правда, сбываются предсказания друзей-художников: и на новом поприще «Рябинин... не преуспел. Но об этом — когда-нибудь после...»

Так заканчивается рассказ В. Гаршина «Художники». Он был написан под впечатлением от картины художника Н. Ярошенко «Кочегар», которая прогремела на Передвижной выставке 1878 года.

«Озаренный жарким пламенем печи, коренастый, грузный, с точно вросшей в плечи большой головой, ярошенковский кочегар чуть исподлобья смотрит из темного угла котельной. Напряженный труд превратил его руки в клещи, придал угрюмую силу фигуре и лицу. Мастерски взятый контраст светотени, рельефно выделяющей фигуру кочегара на фоне мрачной котельной, уверенный, плотно положенный мазок, с грубоватой выразительностью лепящий форму, своеобразно-красивый колорит, построенный на сопоставлении багрово-красного отсвета огня на руках и лице с золотисто-зеленоватым тоном одежды, — усиливает драматизм впечатления и яркость образа».

«Кочегаром» Ярошенко открыл

для русской живописи неизведанную область — завод и новый тип — заводского рабочего. Это первое у нас изображение пролетария. Значение открытия Ярошенко наиболее чуткие современники поняли сразу. П. М. Третьяков, обладавший, по словам Крамского, «дьявольским чутьем», еще в мастерской, до выставки, купил «Кочегара» для своей галереи. Поразительны были и тема, и трактовка ее молодым художником. Ярошенко не только скорбит над чудовищными условиями существования — он видит и гигантскую силу пролетария, и в глубине, в огне и дыму, как бы проступают еще неясные очертания его будущей судьбы... Картина вызвала у зрителей горечь, гнев и ощущение тревоги и виновности. «У меня не было долгов, а тут мне все кажется, как будто я кому-то задолжал и не в состоянии возратить моего долга», — писал А. В. Прахов в запрещенной цензурой статье о «Кочегаре».

Ярошенко не пошел по пути гаршинского Рябинина. Крайние решения были не в его характере. И черты биографического сходства с Ярошенко писатель недаром придал другим, более «умеренным» персонажам рассказа... Военный инженер Николай Александрович Ярошенко (1846—1898) вышел в отставку только в 1892 году, в чине генерал-майора; за внешнее благополучие он почти всю жизнь расплачивался раздвоенностью между искусством и службой на Петербургском патронном заводе. «В продолжении пяти лет, — вспоминала его жена, — Николай Александрович отказывался от чина полковника, так как с этим чином ему предлагали такие места, которые не давали возможности заниматься живописью». В его петербургском доме двадцать лет, с 1874 года, собирались «ярошенковские субботы», и душой их был он сам, «то серьезный, то остроумный и милый». Приходили писатели, ученые, студенты и, разумеется, художники — Шишкин, Крамской, Куинджи. Николай Александрович своими вечерами очень дорожил; среди людей, понимавших его, спадало постоянное напряжение раздвоенности, он отдыхал душой и много говорил и спорил — увлеченно, блестяще.

На рубеже семидесятых — восьмидесятых годов Петербург кипел, бушевали политические бури: суды над землевладельцами, выстрел Соловьева, наконец, — первое марта, казнь царя. Чаше, чем кто-либо из близких ему художников, Ярошенко писал картины на политические темы. «Студент», «Курсистка», «Заключенный»... Он старался понять для себя, что же несут эти его герои в жизни, какая сила толкает их на мученичество и подвиг, наконец, почему он — не с ними. Картины Ярошенко той поры — настоящие психологические исследования «новых лю-

дей». Его интерес к ним неисчерпаем. Он вглядывается в фотографии Перовской и Засулич. Проглатывает все, что появляется в газетах. Он пишет девушку-народоволку у стен Литовского замка, где содержались политические, и подвергается за это домашнему аресту. Увещевать его приезжает сам «бархатный диктатор» Лорис-Меликов... Позднее, с наступлением реакции, изменяется внутренний мир Ярошенко и темы его картин. Но вглядимся в прекрасный портрет великой актрисы Стрепетовой (1884) — «вся ее нервная натура, все, что в ней есть измученного, трагического, страстного, чувствуюется здесь» (Стасов). Опустив руки, Стрепетова страдальчески смотрит на нас, и мы понимаем, что главной своей теме — «человек и время» — Ярошенко не изменял...

Потом он долго ничего не писал, кроме портретов. Салтыков-Щедрин, Плещеев, Менделеев, Михайловский, Соловьев, Короленко... Только в 1888 году начал большую вещь. На вопросы, что он пишет, Николай Александрович, смущенно улыбаясь, отвечал: «Мадонну...» На картине «изображен арестантский вагон на остановке, в нем идет своя жизнь людей, соединенных поневоле воедино. Их сейчас сближает хорошее человеческое чувство. К вагону залетели с воли голуби, и сейчас каждый, по-своему, рад им: их кормят, сгрудившись у окна. Какой отдых усталой душе!» (Нестеров). Это знаменитая «Всюду жизнь» — лучшая картина мастера. «Ярошенко (вспоминает современник) в то время был под сильным впечатлением идей Л. Толстого, очень увлекался мыслью, что любовь есть основа жизни и что жизнь всегда там, где есть любовь». Картина Ярошенко понравилась Толстому. В беседе с А. В. Жиркевичем в Ясной Поляне в 1890 году он говорил: «Теперь у нас эпоха торжества формы. Весь склад общественной жизни этому способствует. Но я верю, что это продолжится недолго». И как пример живописи будущего, социальной и гуманистической, Толстой назвал «Всюду жизнь».

В последнее десятилетие своей жизни Ярошенко болел, ездил лечиться за границу и на Кавказ. К Европе и Египту остался равнодушен, но Кавказ его очень заинтересовал. Выйдя в отставку, Ярошенко поселился в Кисловодске. Теперь на первый план в его работе выступил пейзаж — новый и последний взлет. Он горько сетовал, что время его прошло, но не сдавался. В это время В. В. Стасов писал П. М. Третьякову: «Прежние передвижники более не существуют... Один-единешенек непоколебим и тверд остался Ярошенко, и с ним одним отвою еще душу».

25 июня 1898 года Н. А. Ярошенко скоропостижно скончался в Кисловодске, на своей даче.

Фото И. Ципина

См. 26—31-ю страницы
детский сад рисует